

Гриффен Л. А.

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО. СВЯЗЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монография

'2023

Гриффен Леонид Александрович

Гріффен Леонід Олександрович

**НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО
СВЯЗЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

*ВІДСУТНЯ ЛАНКА
ЗВ'ЯЗОК ПРОДУКТИВНИХ СИЛ ТА ВИРОБНИЧИХ ВІДНОСИН*

МОНОГРАФИЯ

МОНОГРАФІЯ

Одесса / Одеса
КУПРИЕНКО СВ / КУПРІЄНКО С.В.
2023

Г 82 Гриффен Л.А.

Недостающее звено. Связь производительных сил и производственных отношений: монография / Л.А. Гриффен – Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2023 – 147 с.

Відсутня ланка. Зв'язок продуктивних сил та виробничих відносин: монографія / Л.А. Гріффен – Одеса: КУПРІЄНКО СВ, 2023 – 147 с.

ISBN 978-617-7880-34-8

Ускорение социальных процессов в мире вызывает повышенный интерес к их движущим силам. Основным двигателем социальных процессов является научно-технический прогресс, то есть развитие производительных сил общества, приводящее к существенным изменениям в производственных отношениях и, как следствие, к кардинальным социальным изменениям. Однако четкого представления относительно характера зависимости между производительными силами и производственными отношениями сегодня не существует. На наш взгляд, для его установления необходимо ввести между ними еще одно звено – общественное разделение труда. Сущности указанного явления, его возникновению, развитию и функционированию, а в конечном счете и элиминации, посвящено настоящее исследование. Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется данным вопросом.

DOI: 10.30888/978-617-7880-34-8.2023

© Гриффен Леонид Александрович, 2023

ISBN 978-617-7880-34-8

АВТОР

Автор настоящей работы Гриффен Леонид Александрович родился в семье сельских учителей. Окончил Киевский политехнический институт с квалификацией инженера-электрика и аспирантуру при нем. Получил дополнительно аспирантскую подготовку в киевском Институте философии АН УССР. Работал в различных организациях руководителем исследовательских групп. Последнее место работы – ведущий научный сотрудник Центра памятниковедения НАН Украины.

Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор технических наук, профессор (исторические науки). Подготовил 11 кандидатов и 3 доктора наук. Член Академии высшего образования Украины, Академии инженерных наук Украины. Имеет 300 научных работ (из них 15 монографий) и 50 изобретений.

Основные научные работы: «Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение). 2-е изд. К., 2005», «Феномен техники. К., 2013», «Производительные силы в социальных процессах (опыт естественнонаучного исследования). К., 2018». Последние публикации в Scopus: «Some methodological issues of the history of science and technology. History of science and technology, 2022, vol.12, issue 1. P. 31-54»; «Ноосфера и техносфера как активные факторы исторических процессов. West Bohemian Historical Review, XII, 2022, №2. P. 275-294».

СОДЕРЖАНИЕ

1. Движущие силы социальных процессов.....	5
2. Производительные силы и производственные отношения	10
3. Общество как объект исследования	18
4. Связь общества с природой: ноосфера и техносфера.....	28
5. Развитие представлений об общественном разделении труда	38
6. Виды общественного разделения труда.....	44
7. Становление и сущность общественного разделения труда	52
8. Отношения собственности и общественное разделение труда	60
9. Идеологическое обеспечение общественного разделения труда.....	69
10. Становление классового общества – революция в общественном разделении труда	78
11. Эволюция общественного разделения труда в классовом обществе.....	87
12. Феодализм – переходный период классового общества	96
13. Капитализм и международное разделение труда.....	104
14. Общественное разделение труда при социализме	114
15. Современный кризис международного разделения труда.....	125
16. Образ будущего	135

1. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Во все времена исследователи, изучая социальные процессы в обществе, пытались определить также и их причины. Чаще всего стремились представить эти процессы как обусловленные действием внешних факторов, но нередко обращались и к факторам внутренним, когда историки прошлого полагали, что главной движущей силой исторических процессов является воля выдающихся личностей своего времени, которые, собственно, и представлялись творцами истории (*волютаризм*). Но одновременно существовал и взгляд, согласно которому общественными процессами движет некая внешняя (обычно сверхъестественная) сила. Развитием такого подхода стал *провиденциализм* – убеждение, что действиями людей управляет безличностная судьба, рок, провидение, или некие надличностные силы – начиная от олимпийцев древних греков и кончая гегелевским мировым духом. И только эпоха Просвещения провиденциализму противопоставила поиск *естественных* причин исторических событий.

При этом нередко движущие силы исторических процессов искали в общественных отношениях. Так, французские историки эпохи Реставрации полагали, что суть дела состоит в имущественных отношениях классов, определяющих ход их политической борьбы, а следовательно, и всего исторического процесса. В дальнейшем эти представления развивал *марксизм*, обосновавший материалистический взгляд на исторический процесс. Но, придавая важное значение внутриобщественным факторам, классики марксизма полагали, что, рассматривая преимущественно отношения внутри социума, историческая наука «мало ... знает до сих пор развитие материального производства, следовательно основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории»¹.

Более того, по их мнению, фактически «все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту действительную основу истории, или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом. ... Этим самым из истории исключается отношение людей к природе», а историки учитывают главным образом факторы «в сфере “чистого духа”»². Поставив во главу угла изучения исторических процессов материальное взаимодействие общества с природой, классики марксизма положили начало новому, перспективному направлению в этой области. Преимущества исторического материализма Маркса были признаны даже его противниками, понимавшими, что «как метод, он дал и продолжает давать весьма плодотворные результаты ... ученые же, даже не разделяющие материалистического воззрения, приучились отчасти под влиянием этого течения с особым вниманием относиться к пренебрегавшейся ими до тех пор хозяйственной истории»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. М., 1960-1980. Т. 32. С. 191.

² Там же. С. 38.

³ Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Вестник и библиотека самообразования. – 1903. – № 17. – Стлб. 741.

Это обстоятельство стало одной из важных причин не только обращения историков к «хозяйственной истории», но иногда даже и появления представлений об определяющей зависимости общественных процессов от тех или иных *природных* факторов. Различные историки развивали «географический детерминизм», «демографический детерминизм», «технический (технологический) детерминизм», «экологический детерминизм» и т. п.⁴. А ряд естествоиспытателей вообще были уверены в непосредственной зависимости общественных процессов от процессов природных. Так, например, одно из наиболее последовательных представлений о *природной* обусловленности исторических событий представлено в работе А.Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса».

Автор совершенно логично исходит из взаимосвязей природных процессов на планете Земля как совершающихся во взаимодействии различных природных факторов с живыми системами: «Жизнь земли, всей земли, взятой в целом, с ее атмо-, гидро- и литосферой, а также со всеми растениями, животными и со всем населяющим землю человечеством, мы должны рассматривать, как жизнь одного общего организма». Но, продолжая эту мысль, он полагал, что, соответственно, в ней и исторические процессы в своих главных чертах *прямо* выводятся из физических процессов во Вселенной, что, в частности, проявляется в его представлении о прямой зависимости «хода исторических событий в связи с периодической деятельностью солнца».

Конкретно Чижевский считал, что именно фактор «пятнообразовательной деятельности солнца», начиная с V века до нашей эры и по настоящее время определял всемирно-исторический процесс, под которым он понимал «*одновременно протекающую социальную эволюцию во всех человеческих сообществах, зависимых или независимых (!) друг от друга по своему пространственному положению на поверхности земного шара*». По его мнению, даже существует *прямая* «зависимость между активностью солнца и военно-политической деятельностью человечества». В связи с этим он предложил свою «теорию периодических изменений поведения организованных масс, одновременных с периодическими изменениями в активности солнца, а также принципы открытого нами одиннадцатилетнего цикла обще-человеческой коллективной и индивидуальной, военно-политической и творческой активности»». Такую теорию он считал началом обнаружения «*физических законов, управляющих ходом социальной эволюции*»⁵.

Позже сходную в этом отношении точку зрения отстаивал Л.Н. Гумилев. Однако он все же представлял себе зависимость исторических процессов от процессов физических несколько иначе. С его точки зрения основным действующим фактором является космическое излучение, имеющее определенную периодичность. Данное излучение, воздействуя на генетический аппарат каждого человека, вызывает рождение поколения *пассионариев* – людей, отличающихся особой социальной активностью, которые и творят

⁴ См.: Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М., 2003.

⁵ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. М., 1924. С. 9-10.

историю⁶. Но здесь уже имеет место не только преувеличение непосредственного значения физических факторов, но и проявление простого невежества «гуманитария» в вопросах биологии.

Первое касается фундаментального представления об этногенезе как явлении не социальном, а природном. По Гумилеву социальное (формационное) и этническое развитие, во-первых, происходят в различных, хотя и пересекающихся плоскостях. Во-вторых, начало этногенеза как процесса биологического осуществляется благодаря «этническому толчку» — соответствующим массовым *мутациям*, результатом которых и становится появление «пассионариев». Здесь, к сожалению, Гумилев уходит от строго научного метода, ибо современная наука вообще не предполагает возможности *направленных* природных мутаций, что соответственно делает невозможным сколько-нибудь *массовое* появление *вполне определенных* изменений на генетическом уровне, в том числе и проявляющихся в поведении. Тем более, что поведение людей не слишком-то сильно определяется генетическим фактором. На самом деле действительно имевшее место в разные времена и в различных местах массовое возникновение «пассионариев» происходило не вследствие упоминавшейся мифической причины, а благодаря вполне определенным социальным процессам на вполне определенном этапе общественного развития.

Воздействуют ли физические и другие природные процессы на жизнь общества? Несомненно, ибо общество находится *в природной среде*, от которой зависит само его существование. Но из этого вовсе не следует, что те или иные из природных процессов определяет процессы социальные *главным образом*. И, тем не менее, все же существует закон природы, «ответственный» за возникновение, существование и развитие не только общества, но и вообще всех биологических систем. Это *второе начало термодинамики*, согласно которому в известном нам мире происходит постоянное *повышение энтропии*, т. е. возрастание дезорганизации материальных структур и деградации энергии. Но если согласно современным взглядам касаясь косной материи энтропия действительно неуклонно повышается, то *фундаментальным* признаком живого (в котором также постоянно происходит «генерирование» энтропии) является, в конечном счете, ее *снижение* за счет «выноса» в окружающую среду⁷. Касается это всех биологических систем, которые не *деградируют*, как объекты косных систем, а *развиваются*.

Стоит, однако, отметить, что среди философов сегодня достаточно широко представлена и точка зрения, согласно которой *вся* Вселенная признается саморазвивающейся системой. По их мнению, в такой системе присутствует вектор роста и усложнения, т. е. происходит развитие *всей* природы самоорганизацией или эволюцией с повышением степени

⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

⁷ Волькенштейн М.В. Энтропия и информация. — М., 1986; Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. — М., 1993;

Кабулов Р.Т. Отрицательная энтропия и сущность жизни; веб-сайт: URL:

http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/kabulov_otritsat_entropiya.pdf и др.

организованности *всей* Вселенной и ее частей, в том числе и земной биосферы⁸. Приведенные утверждения фактически игнорируют даже то, что сегодня считается неоспоримым, например, что Солнце – источник жизни и развития на Земле – в полном соответствии со вторым началом термодинамики когда-то должно угаснуть (как, впрочем, и другие звезды и галактики); а ведь такие процессы трудно ассоциировать с развитием.

На самом же деле, повторим, согласно второму началу термодинамики *общая энтропия в мире неуклонно возрастает*. И если в какой-то части материи имеет место развитие, то только *за счет* деградации материи остальной, в которой при этом энтропия растет более высокими темпами. Действительно, на планете Земля возникла наиболее высокая форма материи – материя живая, подверженная развитию, в которой происходит *снижение* энтропии. Но она появилась, существует и *развивается* только *за счет* энергии Солнца, излучаемой им именно вследствие процессов, ведущих к его *деградации*. Так что на самом деле развиваться могут только системы, действительно самоорганизующиеся (живые), или, говоря словами В.И. Вернадского, «эволюционный процесс присущ только живому веществу»⁹.

То есть «живое вещество» осуществляет свое развитие исключительно за счет *выноса вовне* энтропии (с ее соответствующим возрастанием в окружающей среде). И это является его наиболее характерной особенностью. Вообще, по выражению Э. Шрёдингера, живой организм остается живым, лишь постоянно извлекая из окружающей среды отрицательную энтропию. По его мнению, неоспоримо в метаболизме то, что организму удастся освободиться от всей энтропии, которую он вынужден производить, пока жив¹⁰. Однако второе начало термодинамики определяет жизнь и развитие как биологических систем вообще, так и человеческого общества в частности, не непосредственно, а через ряд процессов, опосредующих это воздействие. А антиэнтропийный (негэнтропийный) характер живой системы предполагает, что ее первым и необходимым свойством является *материальное взаимодействие (обмен) со средой*.

Это касается всех биологических самоорганизующихся систем, а соответственно и человеческого общества. Что не осталось без внимания исследователей. Еще английский историк Бокль в своей «Истории цивилизации»¹¹ высказывал мнение, что история есть взаимодействие *между* человеком и природой. Но настоящее развитие эта точка зрения нашла в марксизме с его материалистическим взглядом на историю. Последовательно проводя его, Маркс показал, что в основе существования человеческого общества лежит *производство* – получение посредством труда из природы необходимых материальных средств для его функционирования. Или, другими словами, что в основе существования и развития общества лежит материальный

⁸ Попкова Н. Управляемость техносферы и парадигма глобального эволюционизма. Философия и космология. Т. 21, 2018, С.21-32.

⁹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. Москва, Наука, 1991.

¹⁰ Шрёдингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки. Москва. Ижевск: 2002.

¹¹ Buckle H.T. History of Civilization in England. John W. Parker and Son, 1858.

«обмен общества с природой», без чего вообще не была бы возможна сама человеческая жизнь¹². Благодаря такому подходу возникала возможность исследования общественных процессов как процессов *естественноисторических*. Это наиболее последовательно применяется в марксистской теории и является именно *естественнонаучным* подходом к исследованию общественного развития.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., Т. 23, С. 51.

2. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Итак, в основе существования и развития общества лежит его материальный обмен с окружающей средой (природой) и осуществляется он в виде *производства*. В этом процессе посредством целенаправленных действий составляющих общество индивидов создаются материальные объекты, необходимые как для их собственного существования, так и для функционирования всего общества, – *предметы потребления*, или, – говоря в терминах марксистской политэкономии, – *потребительные стоимости*. В эти предметы в результате приложения к ним рабочей силы (т. е. в процессе *труда*) превращаются некоторые взятые из природы объекты – *предметы труда*. Рабочая сила может прилагаться к ним непосредственно, но в основном это происходит посредством особого вида служебных устройств – *средств производства* (прежде всего орудий производства), которые также производятся в том же *процессе производства*. Совокупность носителей рабочей силы и средств производства, осуществляющих данный процесс, в марксизме принято называть *производительными силами*, а те отношения, которые в том же процессе устанавливаются между его участниками – *производственными отношениями*. Производительные силы и производственные отношения, как неперенные составляющие производственного процесса, естественно находятся между собой в определенной связи, составляя в своем взаимодействии основную *движущую силу* развития общества.

Относительно же *взаимодействия* производительных сил и производственных отношений марксизм выработал четкую формулировку, которая у Маркса выглядит так: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. ... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹³.

Однако, несмотря на все ее изящество, данная формулировка все же далеко не полностью отражает реальные исторические события. Фактически в ней не подлежит сомнению только то, что в процессах производства люди действительно вступают в производственные отношения, соответствующие определенной ступени развития и характеру производительных сил. Но вот производственные отношения в процессе *спонтанного* развития производительных сил вовсе не становятся на каком-то этапе для последних «оковами». Наоборот, производительные силы *продолжают* свое развитие, что

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6-7.

приводит общество как систему к «кризису роста» вследствие внутренних противоречий в самом этом развитии, и как следствие – к *элиминации* соответствующего социального образования.

Действительно, любая биологическая система подвержена развитию, причем в том числе и прежде всего количественному росту. Но это определенным образом сказывается на взаимодействии системы с внешней средой. Каждая биологическая система тем или иным образом *ограничена* от внешней среды, и указанное взаимодействие осуществляется через данную границу. Сложный процесс взаимодействия со средой требует также определенного уровня сложности системы, а следовательно, и ее соответствующих количественных характеристик (массы, объема, количества элементов, числа внутренних связей и т. п.), что и обеспечивается за счет роста. Но только до определенного предела.

Говоря упрощенно, интенсивность обмена биологической системы со средой (естественно, при прочих равных условиях) при возрастании ее линейных размеров растет пропорционально размерам площади его граничной поверхности, через которую этот обмен происходит. А нужда в обмене (при тех же условиях) растет пропорционально массе системы-организма. Другими словами, с увеличением линейных размеров организма площадь взаимодействия возрастает пропорционально их квадрату, а масса – пропорционально кубу. А это раньше или позже приводит к недопустимому снижению удельной эффективности обмена¹⁴. Таким образом, рост количественных характеристик живой системы за пределами их оптимума *при той же* ее внутренней организации «экономически» не эффективен, т. е. ведет не к улучшению, а к ухудшению условий взаимодействия системы с окружающей средой. В этом случае развитие заходит в тупик.

Разрешение данного противоречия осуществляется путем увеличения *сложности* системы-преемницы, за счет *внутренних* изменений *повышающей* *эффективность* своего взаимодействия с внешней средой. Касается это биологических систем любого типа и любого уровня сложности, указанные явления присущи всем биологическим системам – от простейших организмов до всего человечества. Если своевременно не происходит переход на новый уровень сложности, биологическая система разрушается. В свое время ящеры не превратились в млекопитающих (другая система!) – это смогла сделать только одна их ветвь, в которой развитие вовсе не достигло самого высокого уровня в *прежнем* направлении, а те, что достигли, просто вымерли, когда их эволюция зашла в тупик. Развитие биологических систем в основном происходит согласно законам гегелевской диалектики, но отступает от них в одном весьма важном отношении: «старая» система обычно *не превращается* в «новую», а *элиминируется*; на ее месте возникает действительно *новая* система. В любых случаях развития самоорганизующихся (живых) систем диалектические противоречия в них разрешаются по общему правилу для

¹⁴ Подробнее об этом см.: Гриффен Л.А. Производительные силы в социальных процессах (опыт естественнонаучного исследования). К., 2018.

любых биологических систем. Общество, хотя и является высшим их типом, тем не менее, исключения здесь не составляет.

После первобытного племени первыми системами-цивилизациями были рабовладельческие государства, процветавшие на протяжении достаточно длительного времени, но все они, в конечном счете, *разрушились*. Естественно, непосредственные причины распада каждый раз коренились в конкретных процессах, в том числе имевших и *внешний* характер, хотя при непременном наличии *внутренних* факторов, также играющих важную роль. Вопрос, однако, состоит в том, что же послужило *главной* причиной разрушения таких цивилизаций. Традиционно ответ выглядит так: «Рим был разбит германцами не потому, что германцы были сверхсильными врагами. Они погибли от собственной слабости. И эта слабость и разложение общества были следствием прекращения развития производительных сил. Вмороженность общества в жесткую и устаревшую структуру производственных отношений прекратила рост производительных сил. Вот это-то и была причина, породившая апатию, слабость и безволие»¹⁵. Но такой ответ не объясняет, в чем же выражалось это «прекращение развития» и какое именно изменение производственных отношений могло бы изменить ситуацию. И разве у разрушивших Рим варваров производственные отношения имели более прогрессивную форму, делающую их более сильными? Ясно, что такое «объяснение» на самом деле ничего не объясняет. Да и никакой «социальной революции» не свершилось, никакого прогрессивного «изменения экономической основы» в данной социальной системе не произошло, она попросту *исчезла*, не превратившись ни в какую другую. И причина тому только одна – кризис роста: «расход» превысил «доход». Однако соответствующая система гибнет, а ее «составляющие» остаются, сохраняя свое существование именно благодаря распаду, что и обеспечивает возможность «возрождения» – но уже совершенно *иной* системы.

Посмотрим, например, на дальнейшее развитие ситуации в этом же регионе мира. И мы увидим, что новые социальные образования (цивилизации) также возникали там вовсе не путем социальной революции с формированием в *данном* социуме новых производственных отношений, а, как отмечалось, путем фактической *элиминации* того социального образования (цивилизации), в котором реализовалась данная общественно-экономическая формация, с соответствующей социальной деградацией. И с последующим становлением общественно-экономической формации с *новыми* производственными отношениями, то есть уже *иной* цивилизации с той же (или иной) локализацией из того же (или иного) «человеческого материала».

В соответствии с упоминавшейся выше гегелевской диалектикой, воспринятой и марксизмом, скачок в развитии *все той же* системы под действием внутренних противоречий происходит тогда, когда для него созревают необходимые *внутренние* условия. Применительно к общественному развитию это должно означать, что новый общественно-экономический строй возникает именно там, где развитие предшествующего достигло своего

¹⁵ Моисеев Н.Н. Проблемы построения «мировой модели». Число и мысль. М., 1977. С. 163.

наивысшего уровня, и уже *объективно* требует изменения этих условий. А в результате скачка для их развития создаются более благоприятные возможности, и оно благодаря становлению новых производственных отношений ускоряется в сравнении с предыдущим состоянием. Но это положение *никогда* не находило подтверждения в истории.

Хотя, безусловно, определенный уровень развития предшествующей формации всегда был необходим для становления новой, последнее обычно осуществлялось вовсе не в том месте, где это развитие было наивысшим. Так, например, феодальный строй на территории Западной Римской империи, на что последняя («посмертно»!) оказала значительное влияние, возник не в районе ее наиболее развитой метрополии, а в отсталых западноевропейских провинциях. При этом становление феодализма не только не сопровождалось *ростом* производительных сил сравнительно с предыдущими, но последние надолго *пришли в упадок* и понадобились *сотни лет* для их восстановления.

То же касается становления капитализма как новой, следующей за феодализмом общественно-экономической формации. Предшествующий ему феодализм был *наиболее развит* во Франции, но первой страной, в которой *реально* начались процессы становления капитализма, стала не эта страна классического феодализма, а *отсталая* Англия, где предыдущий строй существовал в сравнительно *неразвитой* форме, где было *слабее* развито производство, *ниже* культурный уровень и существенно *меньшее* количество населения. Тем не менее, по словам Ф. Броделя, Англия относительно Франции «была лягушка, которой вопреки уроку басни попросту удалось сделаться такой же большой, как и бык»¹⁶. И причина здесь в том, что в данном случае, как и при становлении рабовладельческого строя, действуют преимущественно другие (*внешние*, а не *внутренние*, только готовящие почву) факторы. Франция находилась в окружении стран с близким уровнем развития. Англия же, также исторически связанная с феодальными странами континентальной Европы, тем не менее, рядом имела патриархальную Ирландию, существенно отстававшую от нее в развитии. Последняя и стала *первой колонией* Англии, ее первой жертвой, эксплуатация которой дала существенный толчок развитию последней в установлении не феодальных, а уже *капиталистических* отношений, что послужило прологом к дальнейшему капиталистическому будущему Англии.

Поскольку «Англия никогда не прекращала эксплуатировать колонию, до которой было рукой подать»¹⁷, к началу колонизации Нового Света западноевропейской цивилизацией, т. е. формирования в ней капиталистических социально-экономических отношений, Англия пришла, уже имея соответствующий опыт и полученные от разграбления и эксплуатации Ирландии дополнительные ресурсы – людские и материальные. Эти преимущества позволили ей вырваться вперед в гонке западноевропейских держав в грабеже новых колоний (прежде всего в соревновании с Испанией) и в результате занять место первой капиталистической страны мира. А дальше

¹⁶ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 394

¹⁷ Там же, С. 378

капитализм развивался уже *по своим* законам. Буржуазные же революции в западноевропейских странах решали вопрос не о господствующих производственных отношениях как таковых (который к тому моменту практически уже был решен), а только об одной их составляющей – о *политической власти*.

Опять же, что касается экономического развития, то новый строй, несмотря даже на грабеж колоний (без которого он *принципиально* не мог ни возникнуть, ни существовать, ни тем более развиваться), поначалу привел не к улучшению, а к *ухудшению* ситуации для большинства населения метрополии. По сравнению с последней стадией феодализма вследствие первоначального накопления капитала в той же Англии происходило массовое обнищание. Касалось это и других стран, ставших на капиталистический путь развития. Соответственно «уровень жизни народа в Европе XV в. был ... значительно выше, чем в последующие два-три столетия»¹⁸. Как мы видели, так же ранее обстояло дело и с формированием феодализма в той же Западной Европе. Таким образом, вопреки теоретическим соображениям конкретный «исторический анализ показывает, что новая общественная формация никогда не возникала в странах наибольшего развития предшествующей формации»¹⁹. И, добавим, никогда не вела *сразу и непосредственно* к ускорению развития производительных сил. Обычно все было как раз наоборот. Позже то же произошло и со становлением социализма.

Итак, замена отживших производственных отношений новыми осуществлялась не *непосредственно* благодаря росту производительных сил, и хотя в конечном счете действительно вела также и к их росту, это также происходило *вовсе не сразу и не непосредственно*. Причем, как правило, уже в *другом* социальном образовании. И наоборот: рост производительных сил не являлся *непосредственной* причиной смены производственных отношений. Что же касается самого этого роста, то развитие производительных сил не имеет никаких *специальных социальных причин* (но не условий!), кроме *спонтанного*, имманентно присущего обществу стремления к повышению производительности труда как *воли к жизни*. Поэтому указанный рост происходит *постоянно* (хотя, конечно, и с различной интенсивностью) за счет *неуклонного* накопления и систематизации *знаний* о мире с одной стороны, и изобретения и освоения все новых *материальных* средств производства с другой.

Таким образом, классики марксизма не довели свою теорию о взаимозависимости производительных сил и производственных отношений до полного логического завершения. А те, кто вроде бы считал себя их последователями, будучи жестко ограниченными их представлениями, сделать этого также не сумели. Разумеется, в дальнейшем было много попыток конкретизировать характер взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями. Но за неимением так сказать

¹⁸ Харламенко А.В., Харламенко Е.Н. О становлении капитализма как мировой системы. – В кн.: История и реальность: уроки теории и практики. Сб. под. ред. Дафермоса М., Максимова В.М. М., 1995. С. 40-41.

¹⁹ Квоцлог Ф. Социализм – особая общественно-экономическая формация. Коммунист, 1997. № 1. С. 85.

«руководящей идеи» практически все они носили явно выраженный эклектический характер, а следовательно, заведомо не могли оказаться удачными. Вследствие указанных обстоятельств подробный их анализ вряд ли имеет смысл. Поэтому ограничимся беглым рассмотрением того, какие только общественные явления не привлекались к установлению связей между производительными силами и производственными отношениями, взяв в качестве примера коллективную монографию «Философские вопросы теоретической социологии»²⁰.

По утверждению авторов, в их намерение входило определить, какими «сторонами вступают в реальную связь и оказывают воздействие друг на друга производительные силы и производственные отношения». Особенно первые на вторые, поскольку «в своем историческом развитии производительные силы общества определяют изменение производственных отношений ... первые выступают причиной, вторые – следствием». И сделать это посредством анализа «механизма воздействия производительных сил на производственные отношения, уточнение роли различных сторон производительных сил в этом механизме, в частности роли техники».

Почему речь именно о технике? А потому, видите ли, что «в современных постиндустриальных социальных теориях технике и технологии отводится особое место. Сторонники школы “технологического детерминизма” пытаются представить социально-экономические отношения непосредственным результатом развития техники и вещественно-функциональной стороны трудового процесса». Тут, конечно, хотя и с некоторыми оговорками, можно согласиться с авторами, что сама по себе «техника непосредственно не может положительно или отрицательно влиять на производственные отношения». И даже с тем, что «производительные силы не оказывают непосредственного воздействия на производственные отношения и таким своим элементом, как процесс труда». То ли дело «зависимость между квалификацией (социально-экономическими параметрами труда) и социальными характеристиками рабочих. С повышением квалификации закономерно изменяются все социальные показатели».

Квалификация действительно в определенном смысле является способом *опосредствованного* воздействия материальной составляющей производительных сил на их «человеческую» составляющую. Но почему именно о ней речь применительно к их влиянию на производственные отношения? Потому, что, по мнению авторов, теми сторонами производительных сил, которыми они «воздействуют на производственные отношения ... являются общественный характер, социальное содержание производительных сил». А они играют главную роль в этом воздействии, поскольку «главная производительная сила общества – это люди», представляющие собой «социальное явление», в котором «конкретизируется общественная сущность производительных сил», являющаяся «ни чем иным,

²⁰ Философские вопросы теоретической социологии / Ельмеев В.Я., Ефимов Ю.И., Громов И.А., Пруель Н.А., Синютин М.В., Тарандо Е.Е., Перов Ю.В., Кирвель Ч.С., Дудина В.И. М., 2009. 743 с.

как кристаллизовавшимся общественным трудом». Далее следует переход к развитию обобществления труда, а «обобществление труда в качестве социально-экономической стороны развития производительных сил воздействует на производственные отношения через такие формы, как состояние общественного разделения, сочетание труда и т. д.».

А вообще «механизм взаимодействия производительных сил с производственными отношениями сложен, включает опосредующие звенья, прямые и косвенные факторы. Причем если орудия труда, техника влияют на функциональное содержание труда непосредственно, то на его социально-экономическое содержание они воздействуют по-иному – через достигнутый уровень своего развития, специализацию и концентрацию производства». Однако, тем не менее, «слияние обособленных отраслей производства в единый общественный производственный процесс не тождественно с преобразованием общественных связей самих производителей, характера самого человеческого труда», поскольку «процесс производства и процесс труда не во всем совпадают друг с другом».

Таким образом, «влияние технических факторов и природной стороны человеческого труда на экономические отношения опосредуется состоянием развития общественного характера производительных сил. Этот характер образует самостоятельный фактор и специфическую сферу социального, отличающегося (!) от такой категории, как производственные отношения. Общественный характер труда и его проявление, взятые вместе с общественной сущностью производственно-технических факторов, составляют ту сторону развития производительных сил, которой последние воздействуют на состояние производственных отношений. Эти моменты, обычно выражаемые понятиями обобществления производства». Другими словами, влияние на производственные отношения фактически оказывают не производительные силы в целом, а исключительно их «человеческий фактор», с чем вряд ли можно согласиться. Все же не следует забывать, что, по Марксу, как мы видели, «производственные отношения соответствуют определенной ступени развития» именно «материальных (!) производительных сил».

Как видим, в данной работе, как и во множестве подобных, если не считать пространных рассуждений обо всем понемногу, в конечном счете, все сводится к старому доброму *обобществлению производства*. Действительно, обобществление производства играет важнейшую роль в воздействии производительных сил на производственные отношения. По словам Маркса, уже даже «в простой кооперации и даже в кооперации специализированной вследствие разделения труда» происходит «вытеснение обособленного рабочего обобществленным рабочим». Тем более это касается средств производства, где «машины ... функционируют только в руках непосредственного обобществленного или совместного труда», поскольку «кооперативный характер труда становится здесь технической (!) необходимостью, диктуемой природой самого средства труда»²¹. Но дело ведь

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 397.

не в том, чтобы еще раз провозгласить известную истину, а чтобы показать эту связь *конкретно* и в *историческом аспекте*, что в приведенных выше общих рассуждениях, как и во многих других случаях, отсутствует напрочь.

Действительно, развитие обобществления труда является *постоянным* фактором в общественном развитии, и действительно же оказывает на него существенное влияние. Однако получается, что *один и тот же* фактор приводит к возникновению *различных* типов производственных отношений, к становлению *различных* общественно-экономических формаций. А значит, должен существовать некий *другой* фактор, который существенно изменяется в процессе развития производительных сил общества, обеспечивая их воздействие на его производственные отношения. И на сегодня не существует более или менее согласованных представлений о том, что собой этот фактор представляет. Поэтому попытки определить характер тех воздействий производительных сил, которые определяли бы производственные отношения, пока не увенчались успехом.

И не могли увенчаться – поскольку такие *непосредственные* связи между ними попросту не прослеживаются. И хотя связи между этими двумя общественными явлениями, в конечном счете, несомненно, существуют, реализуются они *исключительно* через еще одно весьма важное и специфическое самостоятельное общественное явление, составляющее между ними *связующее звено*. По нашему мнению это звено – *общественное разделение труда*. Другими словами, развитие производительных сил не приводит непосредственно к изменению производственных отношений. Оно *напрямую* влияет на характер общественного разделения труда, а уж это последнее с необходимостью определяет и характер отношений между людьми в процессе производства. Поэтому для установления связей между производительными силами и производственными отношениями необходимо прежде установить связь уровня развития производительных сил с характером вызываемого ими общественного разделения труда, а затем влияние последнего на отношения людей в процессе производства. Сделать это возможно, только изучив как определенное социальное явление само *общественное разделение труда*.

Итак, в данной работе мы исходим из того, что *связующим звеном* между производительными силами и производственными отношениями является такое социальное явление как *общественное разделение труда*. Однако, как и производительные силы с производственными отношениями, общественное разделение труда уже само по себе является важнейшим и весьма сложным социальным явлением, в значительной мере определяющим на том или ином этапе развития *общества* его характер и особенности. Поэтому чтобы адекватно рассмотреть данное явление, как и его связь с производительными силами и производственными отношениями, следует четко уяснить, атрибутами *какого объекта* они являются, т. е. четко представить себе сущность и основные характеристики *общества* как особого *объекта исследования*.

3. ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Успешности попыток естественноисторического рассмотрения социальной эволюции всегда препятствовало отсутствие у исследователей достаточно четкого представления о ее *объекте* – в отличие от исследований в области естествознания. Скажем, в физике (прежде всего в механике) таким объектом, начиная с Архимеда, являлось некое «тело» – целостное и структурно отделенное от остального мира абстрактное физическое (материальное) образование. Знаменитые законы Ньютона, впервые описавшие в наиболее общем виде наш физический мир, относились именно к такому «телу», взаимодействующему с другими объектами этого мира. Применительно к живым системам в качестве своеобразного «тела» выступает *биологический организм*. Он также некоторым образом отделен от остального мира и представляет собой взаимодействующую с ним вполне определенную *самостоятельную* целостность, которую благодаря этому можно подвергнуть исследованию именно как самостоятельно существующий отдельный объект. А вот у большинства из тех, кто пытался понять законы общественного развития, такого «тела» как раз и не оказалось.

Точнее, оно вроде как бы и было – «тело» отдельного человеческого индивида, а скорее *сам этот индивид* под именем «человек». Более того, все исследования велись, так сказать, с учетом человеческого фактора. Стремление к знанию, сколь бы часто не принимало оно форму «чистого» научного интереса, всегда проявлялось соотнositельно человеку. Протагоровское «человек – мера всех вещей» красной нитью проходило через всю историю становления науки. Но в качестве такого «человека» принимался некий индивид как личность, которой *имманентно* присущи те или иные качества. И действия этой личности, ее связи с другими людьми и с природой представлялись как определяемые данными качествами. Но в том-то и дело, что сущность человека – «сущность “особой личности” составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество»²², определяемое *социумом*, в который данная личность входит.

Другими словами, оказывается, что сущность того, что принималось за «меру всех вещей», в нем самом не заключается. По отношению к человеку как личности эта сущность находится *вне его*, лишь *отражаясь* в нем, хотя и *выражается* только и исключительно *через него*: в этом смысле индивид является всего лишь акцидентальным проявлением социальной субстанции. Но, несмотря на весь прогресс науки, и сегодня, как раньше, представления о «человеке» в основном зиждутся все на тех же представлениях. А ведь для того, чтобы как-то взаимодействовать между собой в качестве элементов некоего целого, люди должны *уже существовать* именно в определенном качестве. Здесь же, осознанно или нет, большинство обществоведов в той или иной степени ориентируются на идеи, сходные с высказывавшимися К. Ясперсом, считавшим, что, несмотря на необходимость жить в социуме, «целью всегда

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 1, С. 242.

остается обрести *независимость* единичного человека. Он обретает ее посредством отношения к подлинному бытию. Он обретает независимость от всего происходящего в мире посредством глубины его связи с трансценденцией». Причем он может «обрести независимость *в стороне от мира*, в отказе от него и в одиночестве – или *в самом мире*, через мир, действуя в нем, не подчиняясь ему». Поэтому все же обычно «философия обращается к отдельному человеку»²³. А даже если некоторое объединение людей в целом и может иметь некие общие характеристики, то они все же в конечном счете считаются как бы *производными* от свойств образовавших данное объединение индивидов. Ну, а объединяются люди для более успешного достижения каждым индивидом *своих собственных* целей. Цели эти различны у разных людей, и соответственно существует множество самых разнообразных их объединений.

Однако в действительности дело обстоит прямо противоположным образом. Человек, в отличие от животного, после рождения достаточно долго остается как беспомощным в физическом отношении, так и «*tabula rasa*» в отношении психическом: первоначально его «интеллектуальный багаж» ограничен немногочисленными безусловными рефлексам. Все остальное дает ему *общество*. Разные виды социума «производят» различных индивидов. Однако при любых условиях это неизменно будет *человек*, и как таковой он есть продукт *общества как такового*, в каком бы конкретном воплощении, соответственно которому и формируется *конкретный* индивид, оно не выступало. Поэтому при всем разнообразии конкретных условий в результате все же формируется *именно человек* – каким бы он ни был. Вот то, нечто внешне малозаметное, что присутствует *в любом* без исключения социуме, благодаря которому последний «производит» человека, и представляет собой *действительное общество*. Оно *создается людьми* и, в свою очередь, *само создает людей*. И оно, повторим, *воплощено в любом* социальном образовании вне зависимости от его типа, целей, количественного состава и т. п. Как и в сознании *каждого* отдельного индивида при всем их разнообразии. Так что же это такое?

Используя в качестве основного объекта исследования «человека», мыслители разного времени постоянно натыкались на всяческие несоответствия и парадоксы. Происходило же это потому, что, в основном беря в качестве объекта своих исследований некоего «человека», философы впадали в когнитивный диссонанс между теми непреложными фактами, что хотя их «человек», с одной стороны, действительно представлял собой отдельного индивида, наделенного физической самостоятельностью и собственной «свободной волей», но с другой – столь же несомненно в качестве существа общественного оказывался зависящим от социума, к которому принадлежал, будучи «*столь же крепко привязан к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью*»²⁴. Попытки же взять за основу именно некоторый социум

²³ Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991. С. 501.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 346.

также неизбежно наталкивались на противоречие. Он хотя и существовал всегда в виде некоторых материальных «объектов» – *объединений* индивидов, но чрезвычайно разнообразных (от общества любителей пива и до всего человечества), никак не желающих сводиться к чему-то общему, кроме того, что это некоторое объединение индивидов, для обозначения которого зачастую использовался один и тот же термин – «общество».

Но если за объект исследования все же принять некое «общество», то как представить себе *естественноисторический процесс развития* (чего?), не определив столь же четко, как и в естественных науках, что представляет собой тот материальный *объект*, в котором данный процесс осуществляется? Разумеется, что касается общества, то существовало множество попыток навести здесь какой-то порядок, как-то классифицируя некие социумы, обычно именуемые «обществом». Мы не будем рассматривать их здесь подробно. Ограничимся одним примером. Пожалуй, наиболее подробно и систематически в последнее время этот вопрос рассматривал Ю.И. Семенов²⁵. Осуществляя свой теоретический анализ понятия «общество», он, прежде всего, обращает внимание на существование относительно последнего двух *принципиально противоположных* концепций, исходящих из того, является ли оно *простой совокупностью* людей или *целостным образованием* (организмом). Если общество представляет собой простую совокупность людей, *производную* от составляющих его индивидов, то реальными объектами исследования будут все-таки именно отдельные индивиды (социологический номинализм), а «общество» – не более, чем наименование для их различных объединений. Если же считать, что общество, хотя и состоит из индивидов, но все же представляет собой некое *целостное* образование, то его функционирование не сводится к функционированию составляющих его людей, и осуществляется по присущим ему как целому собственным законам (социологический реализм). Вот в этом случае общество выступает как некий *социальный организм*. Считается, что сегодня большинство обществоведов придерживается взгляда на него как на особое органическое целое, не сводимое к сумме составляющих его индивидов. Но они не сходятся в том, что же именно их объединяет. Чаще всего приходят к выводу, что основой общества в этом отношении является его целостность как системы, состоящей из подсистем и элементов, функционирование которой подчинено общей цели.

Но это момент, характерный для *любой* биологической саморазвивающейся системы – *биологического организма*. Что неизбежно приводит к представлению общества именно таким *организмом*. И такие попытки, разумеется, существовали. Сопоставление общества с организмом – идея далеко не новая (некоторые исследователи появление идеи социального организма относят ко временам древнеиндийских Вед и «Махабхараты»²⁶). А в конце XIX-го – начале XX-го века достаточно широкое распространение получила так называемая «организменная» теория общества. Такой точки

²⁵ Семенов Ю.И. Общество как целостная система. Социальная философия. Под ред. И.А. Гобозова. М., 2003. С.61-79.

²⁶ См. Бех В.П. Социальный организм: философско-методологический анализ. Запорожье, 1998.

зрения придерживался целый ряд мыслителей, и «воззрение на общество, как на организм, развиваемое, как известно, Спенсером, а за ним Шэффле, Лилиенфельдом, Вормсом, Изулэ, Новиковым и отчасти де Грефом, уже встречается в зародыше у Конта... Первый зародыш учения, согласно которому различные социальные классы и соответствующие им учреждения признаются частями единого целого, восходит к Платону», а затем Аристотелю. «Но Аристотель признавал это сопоставление только сопоставлением; у Спенсера же речь заходит уже о параллелизме. ... Лилиенфельд доводит последствия таких поисков за уподоблением до конца, говоря, что общество не только похоже на живой организм, оно и есть живой организм»²⁷. Р.Вормс же вообще прямо говорит об «общественном организме», во всем подобном организму биологическому²⁸.

Собственно, со времен Платона вообще существует тенденция применять понятие «организм» к самым различным социальным образованиям. Наиболее четко выраженным структурным социальным образованием на протяжении всей писаной истории было государство. Его-то и пытались прежде всего представить в качестве организма. Такую тенденцию нельзя признать плодотворной, поскольку структура государства, в известной степени *напоминающая* структуру организма, только частично определена внешней средой, главным же образом – внутриобщественными отношениями. Однако аналогичную точку зрения отстаивал ряд философов, в частности, Г. Спенсер²⁹, понимавший выделение административных органов как аналог разделения функций между органами живого тела (хотя он и отмечал, что индивиды как элементы в «общественном организме» отличаются гораздо большей самостоятельностью, чем клетки многоклеточного организма). Р. Вормс шел в проведении такого рода параллелей еще дальше, распространяя их на все «органы». Об этом говорят даже названия частей его книги: «Анатомия общества», «Физиология общества» и т. д. Он указывает, например, что в «кровообращении» и биологический, и общественный организм «обладает также и центральным регулятором. В организме это – сердце с его автономными нервными узлами. В обществе сердцу должна соответствовать биржа»³⁰.

Такие параллели построены на попытках *сугубо формально* выявить «органы» данного «организма», и именно наличие вроде бы схожих функций указанных «органов» дает основание для аналогий. Грубо механистическое отождествление общества с организмом (естественно, только многоклеточным, и примерно в том же смысле, в котором механистические материалисты отождествляли организм с машиной), основывающихся на определенном внешнем структурном сходстве, вызывали также и резкое неприятие взглядов органицистов. Сейчас даже в «Википедии» отмечается, что уже в XX веке концепция органицизма утратила популярность. Это и понятно, поскольку упор

²⁷ Ковалевский М. Социология. СПб., 1910. С. 262.

²⁸ Вормс Р. Общественный организм. СПб., 1897.

²⁹ Спенсер Г. Основания социологии, Т. I и II. СПб., 1898.

³⁰ Вормс Р. Общественный организм. СПб., 1897. С. 121.

в ней делался именно на формальном морфологическом сходстве структуры общества и многоклеточного организма, в то время как общество, если оно рассматривается как некий функционирующий объект, прежде всего должно представляться некоторой системой, понимаемой *функционально* как нечто целостное в своем *противопоставлении окружающей среде*.

И именно этой задаче системы как целого должны быть подчинены как структуры, так и функции элементов и подсистем данной системы, как и их роли в данном образовании как целом. Ибо «если бы социальная жизнь была лишь продолжением индивидуального бытия, то она не возвращалась бы к своему источнику и не завладевала бы им так бурно. Если власть, перед которой склоняется индивид, когда он действует, чувствует или мыслит социально, так господствует над ним, то это значит, что она есть продукт сил, которые превосходят его и которые он не может объяснить. Это внешнее давление, испытываемое им, исходит не от него; следовательно, его невозможно объяснить тем, что происходит в нем». Отсюда следует, что «объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества», что общество, являясь *первичным* по отношению к индивиду, «в состоянии навязать ему образы действий и мыслей, освященные его авторитетом»³¹. И только в этом случае можно говорить об обществе как целостной системе, т. е. организме.

Сегодня, однако, среди множества бытующих определений общества его определение как целостного *биологического организма* отсутствует. Даже в марксистском обществоведении определения общества как некоторого *определенного* объекта исследования также фактически не существует. Как уже отмечалось, классики марксизма вполне справедливо полагали, что общество основывается на системе общественных отношений между своими составляющими-индивидами. Не менее справедливо и то, что в качестве главных таких отношений считались отношения производственные. Но они никогда не определяли в *общем виде*, какой же должна быть *совокупность* индивидов, составляющих общество как предмет исследования, в том числе и в части производительных сил и производственных отношений.

Другие же исследователи, как правило, даже в принципе не ставили вопрос о представлении общества неким самостоятельным объектом развития, а рассматривали его всего лишь как определенный процесс взаимодействия между индивидами. Даже А. Тойнби, основной вклад которого в так называемую философию истории как раз и состоял в том, что он такой объект (цивилизацию) *совершенно определенно выделил*, тем не менее, при этом столь же определенно утверждал, что «общество представляет собой только систему взаимоотношений между людьми»³². По его мнению «общество не является и не может быть ничем иным, кроме как посредником, с помощью которого отдельные люди взаимодействуют между собой. Личности, а не общества создают человеческую историю»³³.

³¹ Дюркгейм. Э. О разделении общественного труда. М., 1991. С. 492.

³² Тойнби А. Дж. Дослідження історії. Т. 1. К., 1995. С. 562.

³³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 254.

А что касается классиков марксизма, то в зависимости от решаемых задач они ограничивались либо абстрактными, либо некоторыми частными общественными объединениями. Иногда у них это было просто некое *общество вообще*, представляющее собой просто систему отношений между людьми, иногда государство как некоторое относительно целостное социальное образование, а иногда и человечество в своей всеобщности. Говоря об общественных процессах в частных случаях, Маркс использовал такие, например, выражения как «в масштабах общества», «данной страны в целом» и даже «в данном национальном обществе». А это неизбежно приводило к определенным теоретическим издержкам. Скажем, рассматривая капиталистический способ производства как определенное социальное явление, Маркс, чтобы исключить «мешающие побочные обстоятельства», полагал возможным представлять *весь торгующий мир* «как одну нацию и считать, что капиталистическое производство (естественно, имеется в виду – в его *западноевропейской* ипостаси! – Л.Г.) закрепилось повсеместно», что принципиально невозможно, поскольку не соответствует *самой сущности* капитализма, столь же принципиально и в обязательном порядке включающего как страны «развитые» («цивилизованные»), так и «развивающиеся» (так сказать «недоцивилизованные»).

Притом классики марксизма прекрасно осознавали, что «всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история – результат»³⁴. Соответственно зачастую она ими по необходимости относилась в каждом конкретном случае только к той или иной его локальной части, но без представления последней в качестве *вполне определенного* и четко выделенного объекта развития. Однако объектом изучения в данном отношении может быть только такое общественное образование, которое в его функционировании может быть представлено в качестве некоего *целостного* субъекта. Критерия его выделения не существовало, а после первобытного строя (обособленного общества-племени) и до полного коммунизма (единого общества-человечества) «рассматривать общество как один-единственный субъект значит рассматривать его неправильно. У одного субъекта производство и потребление выступают как моменты одного акта»³⁵. А как же быть до этого, что же все-таки считать этим самым «субъектом» общественного развития на промежуточных этапах?

Ответ на данный вопрос, при всей его фактической простоте, вследствие его искусственной запутанности приходится начинать издали – с сущности *живого*, с биологической *самоорганизующейся системы* – *организма*. А самоорганизующаяся (живая) система, как мы видели, отличается от *любых других* материальных объектов особым отношением ко второму началу термодинамики. Поскольку главное в таких системах то, что они «питаются “отрицательной энтропией”, переносят упорядоченность (негэнтропию) из питательных веществ в самих себя»³⁶, таким образом обеспечивая свое

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 174, 214; Т. 23. С. 174, 594; Т. 12. С. 736.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 720.

³⁶ Либберт Э. Основы общей биологии. М., 1982.

существование и развитие; и в этом их суть. И общество как организм здесь не составляет исключения.

При этом следует иметь в виду, что энтропия – не некая субстанция, которую саму по себе можно откуда-то вынести или куда-то внести. Энтропия – это определенное *состояние* материи, и «вносить» и «выносить» ее можно только *вместе* с ее материальным носителем. Отсюда следует принципиальная необходимость для *любой* самоорганизующейся системы в регулярном *материальном обмене* со средой своего существования, что является главной ее характеристикой. Сама жизнеспособность такой системы, не говоря уж о постоянном совершенствовании ее приспособления к среде, зависит от того, настолько эффективно она это осуществляет благодаря эволюции своей структуры и функций.

Здесь, правда, возникает вопрос, касающийся эволюции не только общества, но и любой биологической системы: «Какой смысл в самом факте эволюции организмов? Отчего органическое вещество представляет собой не однородную коллоидную массу, а разбито на множество своеобразных носителей жизни, имеющих строго определенные формы?». А дело в том, что энергия, получаемая Землей от Солнца, в конечном счете «превращается в тепловую и, благодаря лучеиспусканию, уходит в мировое пространство, теряясь для Земли навсегда. Энергия бессмертна, но она способна обесцениваться, и это обесценивание все растет. ... Превращая часть имеющейся в ее распоряжении химической энергии в энергию деформации и расходуя последнюю на образование наследственно повторяющихся форм или, специальное, на морфологические признаки, “живое” образует стойкие системы энергии. При этом задерживается обесценивание и удлиняется весь цикл превращений, испытываемых данным количеством энергии. ... Смысл эволюции – *замедление энтропии* по отношению к источнику жизни – солнечному лучу»³⁷. Иными словами, развитие (эволюция) является *непременным* атрибутом существования любых биологических систем, в том числе и человеческого общества.

Обеспечить же с целью дальнейшего развития эффективное взаимодействие живой системы (биологического организма) со средой можно только благодаря а) наличию у нее соответствующих возможностей такого *материального* взаимодействия и б) «учету» ею при этом в той или иной форме свойств среды, т. е. взаимодействия *информационного*. Соответственно и эволюция живых систем шла по этим двум направлениям. И оба они предполагают усложнение системы с формированием у нее все более эффективных специализированных *подсистем*, «ответственных» за упомянутые функции. Усложнения системы в ряде случаев можно достичь путем ее количественного роста. Однако наиболее успешным оказался именно путь усложнения подсистем каждой системы с повышением эффективности их функционирования вследствие объединения более простых живых систем – с образованием более сложных и эффективных.

³⁷ Комаров В.Л. Избр. соч., Т. 1. М.-Л., 1945. С. 66-67.

Сегодня существует точка зрения, согласно которой многие органеллы эукариотической клетки в начале своего существования были отдельными организмами, и около миллиарда лет тому назад объединили свои структуры и функции для создания клеток нового типа. По мнению Дж. Бернала «у некоторых мультиорганизмов, например, многоклеточных, обладающих метамерным строением, отдельные части первоначально могли существовать отдельно друг от друга, а в совокупности давали сложный организм. Возможно, то же самое происходило и на клеточном уровне, в случае органелл»³⁸. В результате возник организм-клетка. А ряд многоклеточных организмов образовался уже на основе межорганизменных связей – типа лишайников, симбиотических ассоциаций грибов и микроскопических зелёных водорослей (конкретно у которых, однако, эти взаимосвязи так и не завершились созданием единого организма). Соответственно, появление многоклеточных организмов стало закономерным этапом в эволюционном развитии жизни, поскольку в них на основе усложнения структуры многократно увеличивается эффективность связывания энергии и накопления биомассы, а также создается потенциал для самоорганизации³⁹.

Так что эволюционное развитие живых систем на основе их объединения – естественный и всеобщий процесс биологической эволюции с ее начала и до сих пор. И он не заканчивается созданием многоклеточных организмов. Следующим этапом оказывается образование новой, более сложной и жизнеспособной биологической системы путем объединения уже *самых многоклеточных организмов*. Так что повышение сложности организма, обеспечивающее ему возможность лучшего приспособления к среде, может и дальше продолжаться таким образом, когда «бывший» организм, соответственно изменяясь, становится *элементом* нового целостного образования – «сверхорганизма». Так обеспечивается повышение возможностей приспособления к среде нового целого. При этом «бывшие» организмы, соответственно изменяясь, теряют и самостоятельность по отношению к среде, а следовательно, перестают быть организмами в полном смысле слова.

В качестве примера возьмем семью «общественных» насекомых, например, муравейник, как раз и представляющий такой сверхорганизм, в котором каждая отдельная особь уже не является самостоятельным целым по отношению к среде. Эту функцию целостного организма принимает на себя совместно *весь* определенным образом структурированный «коллектив», состоящий из множества особей. По-видимому, первым эту мысль высказал американский энтомолог Уильям М. Уиллер в 1911 году в статье «Колония муравьев как организм». В дальнейшем изучение экологии и поведения общественных насекомых привело исследователей к выводу, что семья «общественных» насекомых закладывается, растет, созревает и воспроизводится как и любая другая живая система. Известный французский энтомолог Р. Шовен прямо представлял себе семью пчел как организм нового

³⁸ Бернал Дж. Возникновение жизни. М., 1969. 357. С. 18-19.

³⁹ Кабулов Р.Т. Отрицательная энтропия и сущность жизни.

http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/kabulov_otritsat_entropiya.pdf

типа, в котором происходит переход на новый структурно-функциональный уровень⁴⁰.

Сверхорганизмы, возникшие на основе многоклеточных организмов, могли появиться только потому, что их формирование давало новой биологической системе во взаимодействии с окружающей средой весьма существенные преимущества по сравнению с организмами многоклеточными. Здесь выполнение разнообразных функций, необходимых системе в ее взаимодействии с внешней средой, обеспечивается сравнительно простыми способами посредством их *разделения* (полиэтизм⁴¹) за счет морфологических особенностей различных особей с одной стороны, и *различными программами* инстинкта, «защитными» в нервной системе соответствующих особей, с другой. Разделение указанных функций с функциями воспроизводства всей системы между относительно самостоятельными ее элементами также играло весьма важную роль. Множественность указанных элементов существенно повышала выживаемость целого – гибель даже значительного их числа не приводила к элиминации всей системы, поскольку могла достаточно успешно компенсироваться. При этом целостность и жизнеспособность всей системы, состоящей из физически отдельных элементов, не нарушалась, как это происходит с организмами многоклеточными при нарушении нормальной работы тех или иных их жизненно важных органов. А создание микросреды часто обеспечивало для всего сверхорганизма в целом достаточно высокую степень защищенности от вредного воздействия внешних условий.

Поэтому такого рода сверхорганизмы являют собой пример особо устойчивых биологических систем, будучи практически бессмертными (обычно они гибнут только в результате несчастных случаев). Это обстоятельство сказывалось и на судьбе соответствующих видов. Их эволюция давно завершилась, поскольку была достигнута ее объективная цель – устойчивое равновесие биологической системы со средой существования. На фоне, например, муравьев (существующих десятки миллионов лет), или тем более термитов (сотни миллионов), сохранившихся в практически неизменном виде несмотря на чрезвычайно существенные изменения в окружающей среде, подавляющее большинство многоклеточных организмов выглядят такими бабочками-однодневками.

Тем не менее, большинство видов животных все же пошли по пути приспособления к внешним условиям за счет развития *индивидуального* отражательного аппарата – *центральной нервной системы*, позволяющей эффективно использовать во взаимодействии со средой имеющиеся органы каждого отдельного многоклеточного организма. Указанный отражательный аппарат «вмещал» в себе достаточно значительный набор *инстинктивных программ*, воплощающих опыт *вида* во взаимодействии с определенной окружающей средой. А по мере эволюционных изменений, кроме усовершенствования органов взаимодействия со средой, развитие центральной

⁴⁰ Шовен Р. Жизнь и нравы насекомых. М., 1960.

⁴¹ Захаров А.А. Муравей, семья, колония. М., 1978.

нервной системы добавляло к ним все бóльшие возможности выработки условных рефлексов, отражающих уже индивидуальный опыт каждого отдельного индивида.

Однако в ряде случаев в той или иной мере в эволюционном развитии осуществлялись также и процессы, связанные с той или иной формой ассоциации индивидов. Так, у некоторых многоклеточных животных организмов с развитой индивидуальной центральной нервной системой некоторые виды ассоциации между ними возникают на основе *стаи* – совокупности живых существ со скоординированным поведением, или *стада* – группы животных, также объединенных посредством поведенческих механизмов, что дает им ряд преимуществ во взаимодействии с внешней средой. В свое время на этой же основе началось также и формирование человеческого общества, в дальнейшем в процессе антропосоциогенеза превратившегося из *стада* предлюдей в целостный *общественный организм*.

Таким образом, человеческое *общество* по существу является *высшей стадией* развития целостной биологической самоорганизующейся системы – *биологического организма*. А вот по конкретному своему воплощению оно имеет чрезвычайно важные отличия от всех прочих биологических организмов, что делает его уникальным явлением в развитии биосферы нашей планеты, а возможно, и в космических масштабах. И первое, на что обычно обращают внимание, это значительно более высокое, чем у других существ на Земле, развитие центральной нервной системы. И это вполне справедливо, ибо только при весьма высоком ее уровне появилась возможность опять реализовать в процессе биологической эволюции *сверхорганизменные* механизмы. Они и были реализованы в возникновении нового, уникального сверхорганизма – *человеческого общества*. Именно высокий уровень развития центральной нервной системы каждого индивида и стал той характерной особенностью, которая определила важнейшие характеристики общества как биологического сверхорганизма в его отношениях со средой существования, т.е. как *субъекта развития*.

4. СВЯЗЬ ОБЩЕСТВА С ПРИРОДОЙ: НООСФЕРА И ТЕХНОСФЕРА

Чтобы общество могло выступать как единая биологическая система, как целостный общественный сверхорганизм, оно нуждается в определенных механизмах, делающих его таковым. Биологические сверхорганизмы в качестве таких механизмов имеют программы инстинкта, закрепляющие характер поведения каждого индивида-элемента сверхорганизма как по отношению к внешней среде, так и во взаимодействии с другими элементами. У человека от рождения такая программа отсутствует, «специфические человеческие способности и свойства отнюдь не передаются людям в порядке биологического наследования, но формируются у них прижизненно, в процессе усвоения ими культуры, созданной предшествующими поколениями»⁴². Кроме того, человек как биологическое существо, управляется не инстинктами, а, как и любое животное с развитой центральной нервной системой, присущими ему потребностями: «Действия людей вытекают из их потребностей, ... лишь эти потребности, ... играют главную роль»⁴³. Последние же, которые в данном случае хотя и принадлежат каждому индивиду в отдельности, должны «обслуживать» не только его, но и общество в целом, т. е. иметь существенно более сложную структуру чем у животных. У человека в силу такой его «двойственности» в одном мозгу одновременно существуют две разнонаправленные приспособительные системы – *индивидуальная*, направленная на сохранение и развитие многоклеточного организма (каждого отдельного индивида), и *общественная*, направленная на сохранение и развитие того сверхорганизма, элементом которого этот индивид является, – общества.

Тем не менее, обе эти системы присущи *одному и тому же* субъекту. Поэтому, рассматривая вопрос о потребностях человека, будем исходить из того, что у него «различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему»⁴⁴. Однако эта система имеет развитую собственную структуру. Существует весьма значительное количество достаточно различных представлений как о них самих, так и об их системе. Мы не будем здесь их анализировать (этот вопрос достаточно подробно рассматривался нами ранее)⁴⁵, обратимся только к так называемой «пирамиде Маслоу», получившей наиболее широкое распространение. Сущность ее состоит в том, что базовые потребности, детерминирующие поведение личности, могут быть выстроены в определенной иерархии, в основе которой лежит удовлетворение физиологических потребностей человека⁴⁶. На них базируются следующие уровни: потребности в безопасности и комфорте; потребности в социальных (и сексуальных) связях; потребности в социальном

⁴² Леонтьев А.Н. Человек и культура. Наука и человечество, Т. II. М., 1963. С. 67.

⁴³ Гегель Г. Соч., Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 20.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 368.

⁴⁵ Гриффен Л.А. Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение). 2-е изд. К., 2005. С. 182-199.

⁴⁶ Maslow A.H. Motivation and Personality. New York: Harper & Row, 1954. Отметим, что сам А. Маслоу свои идеи в виде какой-то «пирамиды» не представлял; это было сделано уже его последователями.

статусе (одобрение, уважение, чувство собственного достоинства); потребности в знаниях, самоактуализации и самореализации. На вершине «пирамиды» – эстетические потребности (гармонизация жизни, красота, искусство).

Данная система, как построенная сугубо умозрительно, несмотря на свою популярность, вряд ли может быть достаточно успешно использована в практических целях (кроме рекламы и менеджмента, где она, прежде всего, и применяется), в том числе и для рассмотрения вопросов, которым посвящена настоящая работа. Реальная же система потребностей человека, как было сказано, «построена» таким образом, чтобы *одновременно* решать *двойственную* задачу сохранения как индивида, так и общества, для чего она состоит из *двух подсистем*: потребностей индивидуальных и потребностей общественных. В нее входят некие *базовые* потребности, которые модифицируются в зависимости от конкретных обстоятельств. Это такие потребности, удовлетворение которых обеспечивает существование как самого отдельного индивида, так и (через его действия) всего общества.

Поскольку данные потребности являются базовыми, то они должны исчерпывающе отражать реальные насущные нужды как индивида, так и общества. Потребности человека определяются его биологической и социальной природой. Будучи существом общественным, человек, тем не менее, сохраняет свою биологическую, «животную» природу, и в этом смысле ему свойственны определенные «биологические» потребности. Что касается последних, как и действий по их удовлетворению, то Сеченов справедливо утверждал: «Все без исключения инстинктивные движения в живом теле направлены лишь к одной цели – сохранению целостности неделимого». Равно и у человека, у которого любая жизнедеятельность проявляется в рефлексх («отраженных движениях»), «все отраженные движения целесообразны с точки зрения целостности существования»⁴⁷.

Но человек – существо еще и общественное. Он не существует в природе сам по себе, именно «общество есть законченное сущностное единство человека с природой»⁴⁸. Общество же, будучи относительно окружающей среды некоторой целостностью (т. е. *биологическим организмом*), также должно уравнивать себя с ней в этом качестве, уравнивать в смысле *чисто материального* взаимодействия и состояния – точно так же, как и любой другой биологический организм. Уравниваться с природной средой в данный момент и развиваться во времени для все более полного уравнивания – других *объективных «целей»* у общества как *целого*, как у целостной антиэнтропийной системы просто не существует. А обеспечить эту свою целостность оно может только и исключительно *посредством действий составляющих его индивидов*. Последние же действуют только и исключительно в соответствии со *своими собственными* потребностями, без удовлетворения которых человек не был бы человеком, а потому они представляют нечто единое.

⁴⁷ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М., 1952. С. 74-75, 100.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 590.

Если фундаментальным признаком любой живой системы является вынесение энтропии в окружающую среду, то главным в ее взаимодействии со средой является процесс ассимиляции и диссимиляции. Для его осуществления прежде всего необходимы внешние объекты, которые могли бы быть ассимилированы живой системой в соответствии с характером ее метаболизма. Осуществляться же этот процесс, как и само существование системы, может только в определенном диапазоне внешних условий и при определенных возможностях самой системы. Обеспечить выполнение данных условий живая система может опять же только за счет взаимодействия с внешней средой, а следовательно, все ее функционирование как системы необходимо направлено именно на достижение этой цели, т. е. на добывание объектов ассимиляции (прежде всего пищи) и обеспечение для этого нормальных внешних и внутренних условий. Да, и внутренних, поскольку действующий индивид – не машина, а функционирующее живое существо, которое нельзя включать или выключать по мере надобности, необходимо обеспечение постоянного и по возможности оптимального характера этого функционирования.

Внутренним стимулом к действию при этом как раз и являются потребности человека, которые отражают: а) отвечающее его биологической природе протекание материальных процессов обмена организма с окружающей средой, т. е. метаболизма, процессов ассимиляции и диссимиляции, что в вещественном смысле прежде всего отражается в потребности в соответствующих внешних предметах для непосредственного потребления; б) обеспечение «зоны комфортности» в окружающей среде (защита от вредного действия механических, химических и других факторов, температурный и влажностный режим и т. п.), удовлетворение потребности в которой также обеспечивается определенными и вполне конкретными вещественными агентами, но потребляемыми опосредствованно; и в) для поддержания своего успешного функционирования сам организм человека должен «работать» в постоянном физическом и психическом взаимодействии со средой (потребность в умеренной психической и физической нагрузке, в том числе и с переключением рода деятельности). Этими тремя потребностями (по отношению к конкретным вещам – тремя группами потребностей) полностью исчерпываются индивидуальные потребности человека.

Что касается потребностей *общественных*, то понятно, что они не отражают непосредственных нужд отдельного индивида как биологического организма. Однако они не отражают и нужд общества как целого (т. е. как сверхорганизма) *в их конкретности*, ибо это попросту невозможно – последние не только чрезвычайно разнообразны сами по себе, но и зависят от конкретных условий общественного бытия, в том числе носят исторически конкретный характер. Поэтому общественные потребности человека отражают только *общественную* нужду в определенном характере *функционирования индивида* как *элемента общества*. А для того, чтобы индивид успешно функционировал в этом качестве, т. е. чтобы он действовал так, как это необходимо для сохранения и развития общества, он должен выполнять по крайней мере три обязательных условия: а) определять уровень общественной полезности

(ценность) вещей, явлений, действий; б) эффективно взаимодействовать с другими индивидами; в) воспринимать «обратную связь» от общества, т. е. корректировать свою деятельность в соответствии с ее оценкой обществом. Эти *общественные* потребности отражаются в *собственных* по локализации, но общественных по цели потребностях индивида, которыми являются: а) эстетическая потребность (потребность в прекрасном); б) потребность в общении; в) потребность в самоутверждении. Эти три потребности (при их конкретном разнообразии – группы потребностей) полностью охватывают те стимулы, которые *необходимы и достаточны* для формирования поведения человека в качестве элемента общества⁴⁹.

При этом, однако, нужно учитывать, что общество как целостный биологический организм существовало только в первобытные времена – в виде отдельных племен. И вернется к этой целостности лишь при формировании общества-человечества. Только в этих условиях удовлетворение общественных потребностей индивидом может *полностью* соответствовать истинным нуждам *общественного организма*. В классовый же период общественного развития, когда имеет место *социальный организм* с *относительной* целостностью и с наличием социальных групп с антагонистическими интересами, характер удовлетворения общественных потребностей также модифицируется, иногда вплоть до полного их извращения с принесением социуму в целом вреда вместо пользы.

Для удовлетворения указанных потребностей человек воспринимает и перерабатывает сведения, полученные от внешней среды, и на основе данной информации организует свои действия по отношению к ней. В принципе это же осуществляет и любое животное с достаточно развитой центральной нервной системой, однако в отличие от него человек осуществляет это как существо *двойственной природы*. А субъективное переживание такого его состояния в процессе переработки получаемой извне информации представляет собой то, что мы называем *сознанием*. И то, что общество одновременно представляет собой и некоторое *целостное образование*, новый уровень в биологической эволюции, и в то же время, поскольку единство общества основывается на соответствующем поведении каждого его элемента-индивида, оно также в идеальном виде является *содержанием сознания* человека, своего элемента. Поэтому становление и развитие общества осуществлялось именно в этой двойственности, где *одна сторона существует и выражается через другую*.

Посмотрим, однако, какие ментальные и иные механизмы вообще обеспечивают *общественное* поведение каждого индивида. Для общества как целого характерным является наличие *общественного сознания*. Причем «общественное сознание вовсе не есть просто многократно повторенное индивидуальное сознание..., а представляет собой исторически сложившуюся и исторически развивающуюся систему ... “объективных представлений”», которые «недвусмысленно противостоят индивидуальному сознанию и воле в

⁴⁹ Гриффен Л.А. Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение). К., Изд. 2-е. 2005. Раздел 2.3. Потребности человека. С. 182-199.

качестве совершенно внешних форм его детерминации»⁵⁰. Другими словами, то, что называется «общественным сознанием», можно сказать, в целом «сознанием» вообще-то не является (хотя индивидуальное сознание служит ему активным агентом), а является еще и «объективированным», «опредмеченным» во вне сознания находящихся вещах (в том числе и закрепленным в сознаниях конкретных индивидов) результатом функционирования предыдущих поколений, т. е. представляет собой *культуру* в ее различных проявлениях.

Однако эффективное функционирование *всего* общества как серхорганизма прежде всего осуществляется за счет формирования *уникальных социальных механизмов*, невозможных на индивидуальном уровне, поскольку они имеют принципиально *общественную* природу, возникая исключительно благодаря *взаимодействию* членов общества между собой в качестве его элементов. Формируются они в виде *двух особых подсистем* общественного организма, непосредственно направленных на обеспечение его взаимодействия с окружающей средой в качестве единого целого. Одна из этих подсистем обеспечивает *информационную*, а вторая – *материальную* (вещественную и энергетическую) взаимосвязь между обществом как *саморегулирующейся биологической системой*, и природой, представляющей для данной системы *среду ее существования*.

Начнем с информационного взаимодействия. Мощный отражательный аппарат человека явился не только инструментом более полного, чем это позволяет мозг животного, анализа окружающей среды, но, что несравненно важнее, он послужил основой для создания гораздо более мощной аналитической структуры, состоящей из *взаимосвязанных индивидуальных церебральных структур*. В качестве связующего звена общество использует объекты особого рода – *знаки*, образующие некие знаковые системы, *объединяющие* информационные процессы в мозгу отдельного человека с аналогичными процессами у других индивидов, что и приводит к возникновению совершенно нового, не имевшего места в предыдущей биологической эволюции, явления – *общественного сознания*. Отражая внешнюю среду в соответствии с потребностями общества, общественное сознание создает между обществом и средой своеобразную «оболочку», некую «сферу разума», с одной стороны *разграничивающую*, а с другой *объединяющую их* между собой. Данная «оболочка» (своеобразная *ноосфера*) возникает одновременно с общественным организмом, и является его непременной принадлежностью, обеспечивая его информационную связь со средой существования.

Однако ноосфера нужна обществу не сама по себе, а для обеспечения его *эффективного взаимодействия* с окружающей средой, которое по своему существу (вынос энтропии во внешнюю среду) должно являться *материальным*. Следовательно, и его агенты также должны быть материальными, что, собственно, и имеет место в действительности. Зачатки использования биологическими организмами таких агентов наблюдаются уже в

⁵⁰ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 247.

животном мире (от паутины до бобровой плотины). Но эти агенты (прототехнические материальные образования)⁵¹ являются *внешними* по отношению к данным организмам. А вот общество как организм в процессе своего функционирования целенаправленно создает из материалов природы – уже *внутри себя*, как свою неотъемлемую подсистему, – совокупность множества материальных объектов (технических устройств), предназначенных для его взаимодействия со средой.

Соответственно в процессе функционирования человеческого общества для этого формируется и развивается особая *система* множества взаимосвязанных материальных объектов – техника, которая опосредует практически все связи общественного организма с окружающей средой – будь то жилье, одежда, утварь, другие предметы потребления, а также средства для их производства – орудия труда⁵². Все эти *технические объекты* общество размещает между собой и средой своего существования в виде некоторой *техносферы*, комплексно обеспечивая *материальное* взаимодействие с ней всего общественного организма, также, подобно ноосфере, *разделяя и связывая* их.

Наличие данных подсистем обеспечивает человеческому обществу ту целостность, которая делает его единым биологически организмом в полном смысле этого слова. Дело в том, что важным условием целостности любой живой системы является наличие у нее «внешней оболочки», отделяющей ее от среды. Именно такая «закрытая система», обладающая способностью функционировать как единое целое, отличное от среды, может быть представлена как живой организм, то есть система, внутренняя самоорганизация которой позволяет осуществлять жизнедеятельность в качестве единого целого⁵³. Эти же подсистемы общественного организма способствуют также обеспечению и *внутренней* самоорганизации системы, для чего включают в себя не только *экстравертные* (связанные с взаимодействием со средой системы как целого), но и *интравертные* (связанные с внутренней организацией системы, обеспечивающие эту ее целостность) составляющие.

Хотя рассмотренные подсистемы общественного организма играют каждая свою специфическую роль в обеспечении его взаимодействия со средой, осуществляют они это, во-первых, совместно, а во-вторых, каждая в тесном взаимодействии *идеального* и *материального* в жизни общества. И не могут существовать друг без друга. Действительно, с одной стороны, любые материальные объекты, которые создает и использует общество, представляют *материализацию* первоначально *идеальных* образов посредством их *опредмечивания*. В то же время, с другой стороны, *идеальные* представления создаются на основе восприятия *материальных* объектов «внешнего» мира с формированием их идеальных образов, то есть, посредством их

⁵¹ Гриффен Л.О. До питання про передісторію техніки. Історія науки і техніки: Збірник наукових праць. Випуск 4. К., ДЕДУТ, 2014. С. 16-33.

⁵² Гриффен Л.А. Феномен техніки. Київ, 2013.

⁵³ Кабулов Р.Т. Отрицательная энтропия и сущность жизни.

http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/kabulov_otritsat_entropiya.pdf

*распредмечивания*⁵⁴. Эти два процесса находятся в неразрывной связи, диалектически дополняя друг друга и обеспечивая существование общества как целостного организма в природной среде.

Соответственно, в «идеальной» структуре *ноосферы*, активным агентом которой является *индивидуальное сознание* отдельных членов общества, присутствуют также объекты материального мира, а материальные составляющие *техносферы* «оживляются» тем же сознанием действующих индивидов. Поэтому *техносфера* включает в себя и техническое сознание общества, а представляя себе структуру *ноосферы* (как функционирующего воплощения общественного сознания), следует учитывать не только присутствие в ней информации об окружающем мире «в головах» людей, но и всю материальную структуру общества как воплощение широкого спектра информации, актуализируемой посредством её *распредмечивания*. Кроме того, в орбиту «идеальной» *ноосферы* включаются также особые материальные объекты, специально предназначенные для хранения, переработки и передачи информации, – от заломленной для памяти первобытным человеком ветки до архивов, библиотек и музеев, а сейчас также сети интернета, искусственного интеллекта и т. п.

С точки зрения развития биосферы нашей планеты общество, являющееся высшим этапом биологической эволюции – наиболее совершенной формой биологической системы, скорее можно было бы назвать явлением *биологическим*. Но оно одновременно представляет собой и явление *социальное*, поскольку обеспечивает саму возможность существования социальных явлений и самого социума в различных его видах – через свои элементы (индивидов). При этом следует отметить, что, сформировавшись, общество стало между средой и индивидом, *исключив* его дальнейшую эволюцию как биологического существа, *приняв на себя* функцию приспособительной изменчивости. А до этого *предчеловек* в процессе *социогенеза* (одновременно явившегося и антропогенезом) изменялся до тех пор, пока не приобрел необходимые для существования *любого* общества свойства.

Однако когда мы говорим об обществе как биологическом *сверхорганизме*, следует отметить, что непосредственным результатом *социогенеза* было не просто возникновение некоего «общества вообще», но общественного организма в его *конкретной* форме – в форме *первобытного племени*. Оно и стало первым общественным организмом, конкретным «сверхорганизмом», в своем единстве (целостности) противостоящим окружающей природной среде. Хотя вообще по своей сути «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых индивиды находятся друг к другу»⁵⁵ как элементы общества, все эти связи, тем не менее, образуются *только* между элементами общества – людьми, и в этом смысле именно *свойства последних* определяет характер общества. С другой же

⁵⁴ Ильенков Э. Диалектика идеального. Логос. 2009. 1 (69). С. 3-62.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, Ч. I. С. 214.

стороны становление *конкретного* человека (индивида) происходит как становление члена *вполне конкретного* общества.

С момента своего появления 35-40 тыс. лет тому назад человеческое общество большую часть времени существовало в виде разрозненных, практически не связанных друг с другом коллективов – первобытных племен, каждое из которых как некоторое самостоятельное биологическое образование (общественный организм) взаимодействовало с окружающей природой с целью обеспечения этого существования. Взаимодействие это выражалось в трудовом процессе между обществом и средой его существования для получения из нее необходимых ему предметов потребления. В зависимости от условий существования каждый конкретный процесс имел свои характерные особенности, как и полученные предметы потребления в своем комплексе существенно отличались в зависимости от окружающих условий. Но, тем не менее, данный комплекс предметов в каждом конкретном случае был настолько полным, что мог обеспечить существование данного человеческого коллектива. Возникал же он в результате использования не менее полного и необходимого набора трудовых процессов, выполняемых каждым входящим в данный коллектив индивидом.

Итак, первоначально как реально существующий конкретный социум, общество имело место *только в виде первобытного племени*, можно сказать физически воплощавшегося в целостном социальном образовании, состоящем из двух экзогамных родов⁵⁶ (*дуальная организация*, представляющая собой социальный аналог амфимиксиса). В таком виде человечество прошло примерно две трети своего исторического пути. На этом пути оно стремилось максимально приспособиться к взаимодействию с окружающей средой посредством развития и совершенствования своих операционных подсистем – ноосферы и техносферы. Для этого, с одной стороны, люди старались получить побольше сведений об окружающей среде, совершенствовали их организацию в систему. Эта система на протяжении всего первобытного периода человечества оставалась мифологической, то есть с наличием значительного количества заблуждений и лакун в знаниях о мире, заполняемых посредством проведения аналогий с более или менее известным ближайшим окружением. С другой же стороны, развивались технические системы, обеспечивающие взаимодействие с миром посредством изобретения новых технических устройств и совершенствования технологий их использования.

Как уже отмечалось, сам процесс взаимодействия общества как сложной биологической системы с окружающей средой для его выживания и развития, реализуется в виде *трудового (производственного) процесса*, в котором с целью получения необходимых обществу *предметов потребления* общественные усилия прилагаются к природным объектам (*предметам труда*). Непосредственно эти усилия прилагаются *индивидами*, получающими сигнал к действию от общественного сознания, и обладающими необходимыми знаниями касаясь как *цели*, так и *способа* такого воздействия, также

⁵⁶ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

получаемыми от общества, посредством промежуточных *средств воздействия (орудий труда)*. В результате создается *предмет потребления*, необходимый обществу для его существования. Таким образом, для получения предмета потребления выстраивается следующая «производственная цепочка»: *общественное сознание – индивидуальное сознание – эффекторы индивида – орудие производства – предмет труда*.

Совокупность указанных факторов и составляет *производительные силы общества*, которые развиваются им ввиду постоянной потребности в повышении своей эффективности во взаимодействии со средой. Развитию подлежат: *общественное сознание* за счет получения и систематизации обществом все новых сведений (развитие ноосферы), *сознание индивида* путем их усвоения, его *эффекторы* посредством выработки необходимых навыков использования орудия, и само *орудие производства* (развитие техносферы) вследствие развития общественного сознания и его использования для усовершенствования этих орудий. Развитие общественного сознания, как и связанное с ним совершенствование орудий производства, вследствие постоянного спонтанного стремления общества к повышению эффективности его взаимодействия со средой, имеет *самодовлеющий* характер, не требуя дополнительного воздействия каких-либо других факторов, и потенциально неограниченно.

Развитие производительных сил на протяжении порядка двадцати тысячелетий сопровождалось весьма важными следствиями, включающими, в частности, повышение производительности труда, обеспечивающее постепенное увеличение численности людей на планете посредством как возрастания количественного состава племен, так и их территориального распространения. Но расширение и ноосферы, и техносферы, хотя первоначально и очень медленное, в конечном счете, как и всякое количественное изменение, неизбежно должно было вызывать также и определенные кризисные явления, требующие изменений качественных. Они и произошли, коренным образом изменив развитие человечества вообще, а конкретно положив конец обществу в его первоначальной форме в виде первобытного племени

Как мы уже отмечали, человеческий индивид вследствие своего общественного бытия потерял способность к изменчивости в качестве биологической особи, и может меняться только в своем *сознании* в соответствии с новыми возможностями общества, прежде всего, усваивая новую информацию, причем соответствующим образом *систематизированную*. Развитие технических устройств, усложнение технологических процессов их изготовления и использования приводит к необходимости освоения каждым индивидом все большего объема поначалу еще слабо систематизированной информации. Соответственно, первоначально «простота и скудность первобытной техники приводят к тому, что связанные с ней действия могут выполняться всеми членами общины, т. е. все разводят огонь, мастерят луки,

стрелы и т. д. Техника не выделяется из всевозможных занятий»⁵⁷. Однако дальше технические изделия усложняются, становятся сравнительно многочисленными и намного более разнообразными, а технология их изготовления и применения – все более сложной. Уже не всякий человек мог сам изготавливать необходимые для своей работы орудия, а их использование требовало все более основательной подготовки. По мере же развития указанных процессов информация обо всех необходимых функциях, которые должен выполнять индивид, просто перестает «вмещаться» в его индивидуальном сознании. В результате происходит постепенное *разделение* различных трудовых *функций* между разными индивидами, а одновременно и самих индивидов как их *носителей* по взаимодействующим между собой, но различным социальным группам. Именно так возникают зачатки нового общественного явления – *разделения труда*.

Первое, что следует отметить, так это усложнение с появлением разделения труда представленной выше «производственной цепочки». Как и раньше, начинается она общественным сознанием и кончается предметом труда, однако благодаря *разделению* производственных функций участвующих в данном процессе индивидов, она уже не ограничивается *отдельными* индивидами, а каждая включает их *некоторое число*, зависящее от конкретных условий (горизонтальное разделение труда). Упомянутые индивиды, выполняя порознь *отдельные* части *общего* технологического процесса, необходимо вступают между собой в некоторые *отношения*, связанные с производством, – *производственные отношения*. В частности, с дальнейшим развитием специализации индивидов, выполняющих частичные операции, возникла потребность *еще в одном звене* производственной цепочки, выполняющем функции координации. А именно в индивиде, располагающемся в ней между общественным сознанием и непосредственными исполнителями (вертикальное разделение труда). И все это является следствием возникновения в жизни общества нового общественного явления, положившего начало кардинальным изменениям в общественной жизни и надолго ставшего главным социальным инструментом становления и развития особых социальных организмов – *классовых общественно-экономических формаций: общественного разделения (распределения) труда*.

⁵⁷ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. Вопросы философии. 1993. № 10. С. 65.

5. РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Сегодня общественное разделение труда является одним из самых распространенных социальных явлений в сфере производства. Первоначально имевшее вспомогательное влияние на трудовые процессы, *общественное разделение труда*, постепенно совершенствуясь и развиваясь, начинало оказывать на них все более существенное воздействие. В конечном счете, оно привело к *кардинальным изменениям* в первобытном обществе. Точнее, оно вообще *положило конец* его существованию и определило на тысячелетия вперед направление развития общества. В связи со своей чрезвычайно существенной ролью в общественном развитии, общественное разделение труда всегда привлекало внимание исследователей общественных процессов. Они стремились получить ответы на вопросы, что же собой представляет общественное разделение труда как социальное явление, какова его общественная роль, в каких формах оно существует в обществе и как воздействует на совершающиеся в нем процессы. В принципе это в основном понятно из сказанного выше. Тем не менее, как по своей важнейшей социальной роли, так и по многообразным видам и формам своего существования и проявления это явление требует существенно более подробных характеристик.

В литературе, посвященной социально-экономическим проблемам, понятие разделения труда занимает достаточно важное место. Прежде всего, с самого начала отмечалась его роль в повышении *производительности труда*. Однако в дальнейшем, в связи с отмечавшейся выше нечеткостью в определении объекта социальных исследований, как правило, рассмотрению применительно к разделению труда подлежали проблемы, касающиеся вопросов антропологических, этнографических, социологических, как и относящиеся к другим частным социальным дисциплинам. А что касается вопросов собственно социально-экономических, то и сейчас им посвящена относительно незначительная часть исследований, среди которых также преобладают прикладные вопросы (в частности, связанные с исследованием *международной экономической интеграции*). Создается впечатление, что сегодня вообще упоминание разделения труда – это просто дань традиции, которая давно потеряла какой-либо смысл⁵⁸.

Такой прикладной подход к данному явлению становится понятным, если посмотреть на достаточно типичное его определение: «Разделение труда, или специализация, может быть определено как разделение процесса или работы на части, каждая из которых выполняется отдельным лицом, или как любая система производства, в которой задачи разделены таким образом, чтобы сделать возможным возникновение специализации»⁵⁹. Выходит, сюда относятся *все* виды специализации, и то, что называют «*общественным*

⁵⁸ Щедровицкий П., Кузнецов Ю. От разделения труда к разделению деятельности. Философские науки. М., 2014. № 6. С. 49-64.

⁵⁹ Groenewegen P. Division of Labour // The New Palgrave Dictionary of Economics. Second Edition. L., 2008.

разделением труда», фактически отличается от других его видов только максимальным масштабом.

Однако отождествлять «просто» *разделение труда* (его специализацию) между исполнителями частей одной и той же работы, и *общественное разделение труда* недопустимо. И, между прочим, «утверждение, что внутрипроизводственное и общественное разделение труда есть лишь разные проявления одного и того же феномена, ни у Адама Смита, ни в последующей литературе никак не доказывается; более того, вопрос таким образом даже не ставится»⁶⁰. На самом же деле эти явления существенно отличаются друг от друга: в первом случае кооперативные связи, без которых разделение труда существовать не может, устанавливаются волевым порядком конкретным собственником в рамках реализации его права на *распоряжение своими* средствами производства, а во втором – общественными установлениями, связанными с реализацией права на *владение* своей собственностью *различными* собственниками.

Не говоря уж о том, что говорится здесь именно о разделении *трудовых операций*, и только упоминается о различных *работниках*, ими занятых. Возможно, термин «общественное разделение труда» вообще является не слишком удачным, и скорее следовало бы говорить об *общественном распределении труда*. Но, так или иначе, а по мнению большинства исследователей основным преимуществом от применения разделения труда является повышение производительности последнего вследствие различия в природных ресурсах, в природных же способностях людей, а также в тех социальных причинах, о которых шла речь выше.

Вопросы, связанные с общественным разделением труда, возникали еще в глубокой древности. На существование феномена разделения труда обращали внимание уже античные мыслители. Платон, рассматривая государство как сообщество людей, порожденное самой природой, считал столь же естественным и неравенство людей, разделенных на сословия, принудительно занятые различными видами деятельности в соответствии с их возможностями: «Чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, ткачом или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам: этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое»⁶¹. Аналогичным был и подход других античных мыслителей. Скажем, естественным неравенство людей, их разделение на свободных и рабов, занятых различными видами деятельности в соответствии с различиями в их способностях, считал также Аристотель. В этом отношении от них не особо отличались и мыслители Средневековья. Так, Фома Аквинский также рассматривал разделение труда как естественное явление, лежащее в основе деления общества на сословия. Несколько более критичным было отношение к разделению труда в век Просвещения. Так, например, Ж.-Ж.

⁶⁰ Щедровицкий П., Кузнецов Ю. От разделения труда к разделению деятельности. Философские науки. М., 2014. № 6. С. 49-64.

⁶¹ Платон. Сочинения, Т. 3, Ч. I. М., 1971. С. 374.

Руссо, наоборот, порицал разделение труда за превращение людей в односторонних индивидов.

Главным же образом именно с точки зрения *эффективности производства* разделение труда начинают рассматривать только представители классической политэкономии. Они (а прежде всего А. Смит, которому принадлежит и сам термин «разделение труда») в этом явлении видели важный источник прогрессивного развития производительных сил общества. А еще до А. Смита проблемами разделения труда занимались Антонио Серра, Эрнст Людвиг Карл, Уильям Петти и др. Кроме выгод от разделения труда ими затрагивались также такие темы, как взаимосвязь разделения труда с феноменом денег, расширением торговли, накоплением капитала, развитием науки и искусства, социальным неравенством⁶².

Что касается представлений об общественном разделении труда самого Адама Смита, то еще Маркс утверждал, что «А. Смит не выставил ни одного нового положения относительно разделения труда. Что характеризует его как обобщающего экономиста мануфактурного периода, так это то ударение, которое он делал на разделении труда»⁶³. И сегодня многие также считают, что хотя его взгляды не содержат «ничего оригинального, ... никто ни до, ни после А. Смита никогда не придавал такого значения разделению труда. По Смиуту, оно является практически единственным фактором экономического прогресса»⁶⁴. Смит был убежден, что «разделение труда в любом ремесле, в каких бы размерах оно ни было введено, вызывает соответствующее увеличение производительности труда. По-видимому, отделение друг от друга различных профессий и занятий вызывалось этим преимуществом». В частности, это касалось также развития средств производства, которым занимались сами работники, занятые в данной области производства, вследствие чего даже «значительная часть машин, употребляемых в тех мануфактурах, где проведено наибольшее разделение труда, была первоначально изобретена простыми рабочими».

Следует, однако, отметить, что А. Смит практически не различал разделения труда как специализации с одной стороны, и общественного разделения труда в его социальных функциях с другой, хотя и отмечал роль имеющего место в последнем случае *добровольного обмена* между людьми, движимыми эгоистическими интересами. По этому поводу он писал: «Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, – таков смысл всякого подобного предложения»⁶⁵. Но

⁶² Щедровицкий П., Кузнецов Ю. От разделения труда к разделению деятельности. Философские науки. М., 2014. № 6. С. 49-64.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 361.

⁶⁴ Шумпетер Й. История экономического анализа, Т. 1. СПб.: 2001. С. 240.

⁶⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. С. 70, 73, 76.

само разделение труда, по сути дела, все же понимается им как результат разделения *целостного* процесса производства потребительского блага на *отдельные* стандартные операции, выполняемые отдельными стандартизированными «машинами» (включая людей). Однако исследование вопроса о внутрипроизводственном разделении труда (или разделении работ) как особом экономическом феномене, отличном от разделения труда в масштабах общества, стало делом гораздо более позднего поколения авторов, таких как Ч. Бэббидж и Э. Юр, специализировавшихся не на экономической теории, а на теории и практике управления⁶⁶. Таким образом, «Адам Смит не открывал разделения труда. Он всего лишь возвел в ранг общей теории старинное представление, уже ощущавшееся интуитивно Платоном, Аристотелем, Ксенофонтом и задолго до Адама Смита отмечавшееся Уильямом Петти, Эрнстом Людвигом Карлом, Фергюсоном и Беккариа. Но после Адама Смита экономисты сочли, что имеют в лице разделения труда своего рода закон всемирного тяготения, столь же солидный, как и Ньютонов»⁶⁷.

В дальнейшем наиболее успешно вопросы, связанные с общественным разделением труда, рассматривали классики марксизма. В отличие от первобытного общества с его «естественным» половозрастным разделением труда, во всех других формациях разделение труда, появляющееся с возникновением частной собственности, они считали явлением *общественным*. Наиболее важное значение они придавали общественному разделению труда на ручной и когнитивный, или, как они определяли это сами, разделению физического и умственного труда (или труда материального и духовного), т. е. примерно тому, что мы выше определили как «вертикальное» разделение труда. И вообще, согласно их взглядам «разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»⁶⁸. И это вполне оправдано, поскольку именно данное разделение труда в дальнейшем общественном развитии привело к таким важным социальным процессам, как стратификация, а затем классовообразование, сыгравшим в общественном развитии важнейшую роль. Этим замечанием пока и ограничимся, ибо к взглядам классиков марксизма на общественное разделение труда мы в этой работе будем обращаться еще не раз.

После Маркса наиболее известным исследователем социальных проблем общественного разделения труда был Э. Дюркгейм⁶⁹. Он также видел в разделении труда своеобразный объединяющий фактор. Однако Дюркгейм исследовал феномен разделения труда не столько с точки зрения экономической, а тем более технологической его роли, сколько исходя из его социальных функций. А социальная функция разделения труда, по его мнению, заключается в укреплении *общественной солидарности*. Дюркгейм полагал, что вследствие объединяющего действия присущего человеку «коллективного сознания» «индивид ... не принадлежит самому себе; он буквально вещь,

⁶⁶ Щедровицкий П.Г., Кузнецов Ю.В. Адам Смит о разделении труда. Вопросы философии. 2016. №5.

⁶⁷ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 611.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, С. 30.

⁶⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

которой располагает общество» («механическая солидарность»). Но, по его мнению, «совсем иначе обстоит дело с солидарностью, производимую разделением труда. Тогда как первая требует, чтобы индивиды походили друг на друга, последняя предполагает, что они отличаются одни от других, ... если всякий имеет собственную сферу действия, т. е. является личностью». И именно *разделение* труда *объединяет* индивидов-«личностей», поскольку «с одной стороны всякий тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой стороны деятельность всякого тем личнее, чем специальное».

После Дюркгейма ряд исследователей также достаточно успешно занимались проблемами, связанными с общественным разделением труда (Г. Браверман, Ш. Эйзенштадт, П. Штомпка, Д. Рюмшмейер, Д. Александер и др.), однако, уделяя главное внимание в основном их частным вопросам и не выдвигая более или менее оригинальных общих концепций, они не внесли в это рассмотрение ничего принципиально нового. Так что начиная с середины XIX в. зарубежные экономисты прежде всего привычно отмечали именно благотворное влияние разделения труда на общественный прогресс. Была также исследована роль единичного разделения труда, повышающего эффективность производства (Ф. Тейлор, Г. Форд, А. Файоль), роль разделения труда в качестве основы структурных трансформаций (Т. К. Хопкинс и И. Валлерстайн) и т. п. Анализом общественного разделения труда в рамках мультинациональной компании и организации внутрифирменных отношений занимался Дж. Серавелли. Исследование стимулирующих эффектов разделения труда на производительность труда проводил У. Лин, а взаимосвязью накопления и общественного разделения труда М. Перилман⁷⁰.

В это же время проблема разделения труда достаточно активно обсуждалась и в советской экономической литературе. В особом положении оказались проблемы, связанные с разделением труда при социализме, рассматриваемые советскими философами и экономистами. Их разработки, как и значительное число других работ политэкономического направления в советское время, носили не столько научный, сколько апологетический характер, а главное, отличались настойчивыми попытками наложить «кальку» марксова экономического анализа *капиталистического* общества на общество *социалистическое*, *принципиально* от капиталистического отличающееся. В том числе это касалось и вопроса о социальной принадлежности данного явления, в частности, того, относится ли оно к производительным силам или производственным отношениям. Первую точку зрения отстаивали такие исследователи, как Е. Ефремов, В. Ельмеев, В. Корниенко, А. Ноткин, И. Сигов и др., а вторую – В. Комаров, Я. Кронрод, Л. Логвинов, В. Москович и др. Приводившиеся ими аргументы показывали явную односторонность таких представлений, что привело к стремлению преодолеть возникающие противоречия, увязав разделение труда одновременно с обоими сторонами способа производства (Л. Берри, И. Виноградов, Б. Полозов, А. Омаров, Б.

⁷⁰ Бочкова Е.В., Кузнецова Е.Л. Теоретические аспекты исследования общественного разделения труда. Вестник ИрГТУ. №3 (62). 2012. С. 136.

Рященко, Л. Смирнов и др.)⁷¹.

Были, конечно, и попытки заняться вопросами принципиальными. Так, некоторые отечественные экономисты разграничивали понятие «разделение труда» и «разделение производства» (В. Корниенко, Д. Кайдалов, И. Чангли)⁷². Возникла даже точка зрения, что «общественное разделение труда» и «разделение общественного труда» не являются тождественными. Первое понималось как обособление производителей, второе – появление и «отпочкование» новых отраслей производства (М. Макарова, И. Чангли); но высказывались и противоположные мнения (И. Судеревский). В 1970-е гг. в работах ряда советских авторов было развито положение о первичности отношений обмена деятельностью и совместной деятельности, обусловленных специализацией и кооперацией труда (В. Грималюк, С. Шарапов). Среди советских учёных-экономистов встречалось определение и территориального разделения труда, которое они рассматривали как одну из форм общественного разделения труда (Я. Фейгин, Н. Некрасов, С. Николаев и др.)⁷³.

В 1980–90-е гг. в отечественной экономической науке происходит смена акцентов в исследовании разделения труда: оно рассматривается в качестве одного из определяющих факторов, обуславливающих формирование прогрессивной структуры производства и общественное развитие в целом (С. Шарапов, Т. Моисеева и др.)⁷⁴. Такое развитие экономической теории со временем привело к «изгнанию» темы разделения труда из ее домена (по крайней мере, из сферы интересов ее «мэйнстрима»)⁷⁵. Соответственно сегодня исследование вопросов, связанных с общественным разделением труда, страдают явной односторонностью и фактически относятся только к его горизонтальной (технологической) составляющей. Причем внимание в значительной степени направлено на проблемы регионального и международного *географического* разделения труда⁷⁶.

⁷¹ Бушуев Р.В., Пряхин А.А. Общественное разделение труда при социализме: учеб. пособие. Свердловск, 1971.

⁷² Чангли И.И. Философские аспекты труда. М., 1981.

⁷³ Корсаков А.Я. Экономические проблемы территориального разделения труда в условиях научно-технической революции. Свердловск, 1975; Фейгин Я.Г. Размещение производства при капитализме и социализме. 2-е изд.. М.: 1958, и др.

⁷⁴ Бочкова Е.В., Кузнецова Е.Л. Теоретические аспекты исследования общественного разделения труда. Вестник ИрГТУ №3 (62) 2012, С. 136.

⁷⁵ Щедровицкий П., Кузнецов Ю. От разделения труда к разделению деятельности. Философские науки. М., 2014. № 6. С. 49-64.

⁷⁶ См., напр.: Вебер А. Теория размещения промышленности. Пер. с нем. М., 1926; Бос Х. Размещение хозяйства. Пер. с англ. М., 1970; Лёш А. Пространственная организация хозяйства. Пер. с нем. М., 2007; Грошев С.Н., Шматков А.А. Отдельные экономические закономерности международного разделения труда. Алтайский юридический вестник. №3(27), 2019. С. 11-15; Леденева М.В. Международное разделение труда в постиндустриальную эпоху: основные тенденции. Вести Волгоградского государственного университета. Серия 3. 32(19). 2011. С. 201-225; Лопатников Д.Л. Постиндустриальная модель международного географического разделения труда. География и экология в школе XXI века. 2010. №6. С. 3-9; Проскуряков В.И. Пространственные аспекты постиндустриализации обрабатывающей промышленности. Известия РАН. Серия географическая. 2007. №6. С. 43-52; Глазьев С.Ю. К вопросу о размещении производительных сил. Экономист. 2008. №5. С. 33-36; Татаркин А.И., Анимца Е.Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики. Экономика региона. 2012. №3. С. 11-32 и многие другие.

6. ВИДЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Обычно изложение вопросов, связанных с общественным разделением труда, начинается с классификации его видов. Однако следует еще раз отметить необходимость различать вообще разделение труда как некоторый *технологический* прием (его специализацию), и *общественное разделение труда* как сугубо *социальное* явление. Разумеется, и первое, и второе совершается в обществе и связано с технологическими проблемами, однако имеет различный социальный смысл. Как правило, используют ту же общую классификацию, которую использовал Маркс, ссылавшийся при этом на своих предшественников. Но первое, что делает сам Маркс в этом отношении, это проводит *различие* между специализацией (у Маркса – мануфактурным разделением труда) «и общественным разделением труда, которое составляет основание всякого товарного (!) производства». А дальше, «если иметь в виду самый (!) труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д. можно назвать общим разделением труда, разделение этих родов производства на виды и подвиды – частным разделением труда, а разделение труда внутри мастерской – единичным разделением труда»⁷⁷.

Другими словами, здесь речь идет именно о специализации «самого труда», *включая* мануфактурную специализацию, а вовсе не об *общественном разделении труда как таковом*, связанном с обменом его результатами, которое Маркс этой специализации как раз противопоставляет. Но именно это противопоставление впоследствии фактически и не принимали в расчет его интерпретаторы. Например, уже в наше время в работе, посвященной *теоретическим* аспектам исследования *общественного разделения труда*, авторы пишут: «С течением времени скотоводство становится основным видом трудовой деятельности преимущественно в районах с благоприятными климатическими условиями. Так произошло отделение скотоводства от земледелия и превращение его в самостоятельную отрасль (!) хозяйства. С выделением скотоводческих пастушеских племен из общей (!) массы первобытных племен и связано первое крупное общественное разделение труда»⁷⁸.

Относительно «благоприятного климата» все верно, поскольку для животноводства (как, впрочем, и для земледелия) требуются особые климатические условия, что приводит к *значительному* пространственному разделению этих видов производства. Однако понятие «разделение» здесь можно применить только условно, так как это не *часть* производства *единого* социального образования, обособившаяся *внутри* этого образования, а образ хозяйственной жизни *данного*. Различие климатических зон вообще делают

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23, С. 363.

⁷⁸ Бочкова Е.В., Кузнецова Е.Л. Теоретические аспекты исследования общественного разделения труда. Вестник ИрГУ, №3 (62) 2012. С. 132. Здесь опять же имеем достаточно произвольную интерпретацию сходного выражения Энгельса (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21, С. 160), имевшего, однако, в виду выделение *более развитых* племен (хотя он действительно необоснованно считал это «первым крупным общественным (!) разделением труда»).

какое-либо хозяйственное общение между земледельческими и скотоводческими племенами технически крайне проблематичным. Так в *отрасль* какого же *целостного хозяйства* превращается скотоводство? Невнятное обращение к какой-то «общей массе первобытных племен» как некой как бы *исходной* целостности, вообще лишено смысла, поскольку никакой такой «массы» никогда не существовало. То есть явственно просматривается полное непонимание *различия* между специализацией и общественным разделением труда, характерное для большинства интерпретаторов приведенной выше марксовской классификации *разделения видов производства*.

Другой способ классификации связан с *этапами* развития *разделения труда*. В цитировавшейся выше работе это выглядит следующим образом. Как мы видели, *разделение на скотоводство и земледелие* принимается также и за *первый этап общественного* *разделения труда*, хотя и непонятно, каким образом при этом осуществляется его *кооперация*, без которой *общественное* *разделение труда* вообще не имеет смысла. У Маркса, во времена которого было еще очень приблизительное и весьма неточное представление о первобытном периоде человечества, этот вопрос решался так: у племен с разными видами производства, определяемыми условиями их существования, создающий кооперативные связи «обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины». А «различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы» и они, соответственно, различаются также «производимыми продуктами». Эти «естественно выросшие различия ... вызывают взаимный обмен продуктами». Соответственно общественное разделение труда «возникает (!) посредством обмена (!) между первоначально различными, но независимыми (!) друг от друга сферами производства»⁷⁹. Также и Энгельс пишет, что существовало «разделение труда между пастушескими народами и оставшимися племенами, не имеющими стад, следовательно, две рядом стоящие различные ступени (!) производства и, значит, условия для регулярного обмена»⁸⁰.

Все получается очень красиво, но совершенно не соответствует действительности, поскольку «зависимость» между этими «сферами производства» в первобытный период *вообще не возникает*. Прежде всего, существенные различия в производстве, которые возможно могли бы привести к потребности в обмене, могли возникать только при не менее существенных различиях в природных условиях, т. е. обычно географически достаточно существенно разделенных в пространстве, что при тогдашних коммуникационных возможностях делало любое взаимодействие крайне маловероятным. Так что реально никогда не существовало «двух рядом стоящих различных ступеней производства». Да и не нуждалось племя, «вросшее» в свой родной ландшафт, в продуктах, «порожденных» другим

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23, С. 364.

⁸⁰ Там же, Т. 21. С. 165.

ландшафтом⁸¹. Но главное, однако, состоит в том, что каждое племя на протяжении *тысячелетий* представляло собой *отдельный* организм, для которого *все* остальное было лишь *средой существования*. Поэтому само становление даже совместно с другими такими организмами некоторой *общей* целостности, в которой могло бы возникнуть общественное разделение труда, было *принципиально невозможным*.

Тем не менее, на определенном уровне развития контакты между отдельными племенами («общинами») все же возникали, но имели совсем другой характер. Если по каким-то причинам происходило сближение таких общественных организмов, то, как правило, имел место не обмен, а грабеж. В остальных же случаях если какой-то обмен и существовал, то реализовался он в так называемой *престижной экономике*⁸², имеющей совершенно иные цели и назначение. В этом случае, при необходимости установления добрососедских отношений, со временем некоторые контакты все же налаживались, что приводило также к возникновению и развитию такого вида связи как *межобщинный обмен* (кстати, имевший принципиально *неэквивалентный* характер). Поэтому в своем первоначальном виде межобщинный обмен как явление отнюдь не был результатом зарождающегося общественного разделения труда, как это представляли себе классики марксизма, – даже уже на гораздо более поздней стадии «обращавшиеся предметы лишь в незначительной мере входили в производственное потребление»⁸³, и уж тем более не могли иметь сколько-нибудь существенного значения в общем объеме потребления племени. Гораздо большую роль данный процесс как взаимная демонстрация добрых намерений играл в нормализации контактов, предотвращении тех видов противостояния общин, которых можно было избежать. Что, кстати, приводило также к определенным внутриобщинным социальным последствиям (в том числе к возникновению упоминавшейся «престижной экономики» и углублению стратификации). Ни Маркс, ни Энгельс, естественно, всего этого знать не могли, а вот современным исследователям не помешало бы.

А далее в упомянутом выше «теоретическом» произведении идет перечисление последующих этапов развития общественного разделения труда, создающих его новые виды: «В общинах постепенно выделялись люди, занимающиеся ремеслом. Изделия ремесленников – кузнецов, оружейников, гончаров и т. д. все чаще стали поступать в обмен»; по мнению авторов «отделение ремесла от земледелия, положившее начало отделению города от деревни и их противопоставлению», явилось *вторым* крупным общественным разделением труда. Развитие вследствие этого обмена повлекло за собой

⁸¹ Тем не менее, имели место и исключения. В случаях, когда природные условия обитания общины не обеспечивали наличия в этих местах некоторых жизненно важных объектов (например, соли), могла возникнуть настоятельная необходимость обмена (см., напр.: Обмен и торговля в древних обществах. Краткие тезисы докладов. Л., 1972).

⁸² *Трайде Д.* Экономика престижная. – В кн.: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 218.

⁸³ *Трайде Д.* Экономика первобытная. – В кн.: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, С. 215

третье крупное общественное разделение труда – обособление торговли от производства и выделение купечества». Что касается *четвертого*, то оно связано с «отделением нематериального производства (наука, образование, здравоохранение) от материального», и вообще с разделением умственного и физического труда («в эпоху рабства!»), а также превращением «банковского дела в особую специализированную деятельность» и появлением «класса ростовщичества». Однако выделение науки (с появлением эксперимента) в особую область деятельности представляет уже *пятое* крупное общественное разделение труда, когда «наука в системе общественного разделения труда стала выполнять специфическую функцию, а именно, отвечать за производство теоретического знания». *Шестое* – это «отделение информационной деятельности и информационной сферы от других». И, наконец, *седьмое* – «обособление управления и менеджмента в сферах материального и нематериального производства из иных видов деятельности; появляется новый класс – технократия»⁸⁴.

Мы привели здесь данный длинный перечень предполагаемых этапов общественного разделения труда в качестве примера решения вопроса о его классификации. Все перечисленные выше этапы по сути дела представляют собой случайный набор выделения среди прочих тех или иных видов деятельности, никак не связанного общим ходом развития данного социального явления. Поэтому мы не будем здесь их специально анализировать; к некоторым из них вернемся при рассмотрении внутренней логики эволюции общественного разделения труда. Единственное, с чем здесь можно безоговорочно согласиться, так это с тем, что одним из важнейших моментов (а не обычным, которое можно поставить в ряд с другими) общественного разделения труда является разделение последнего на труд *умственный* (когнитивный, духовный и т. п.) и труд *физический* (ручной, материальный и т. п.). Согласно же взглядам классиков марксизма вообще «разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»⁸⁵. Но, как мы увидим ниже, это произошло не на каком-то этапе развития данного социального явления (отнесенного авторами почему-то к «эпохе рабства»), а с *самого начала* его становления.

В связи с изложенным, рассмотрим также еще некоторые вопросы, касающиеся еще одного деления труда: на труд *производительный* и *непроизводительный*, что достаточно часто встречается в работах исследователей, занимающихся проблемой общественного разделения труда. По этим вопросам имеется обширная литература, анализировать которую в данном случае нам не представляется целесообразным, поскольку, по нашему мнению, этот вопрос полностью «закрит» еще Марксом. Маркс дал совершенно четкое определение производительному труду: «производительна лишь та рабочая сила, применение которой дает большую стоимость, чем та,

⁸⁴ Бочкова Е.В., Кузнецова Е.Л. Теоретические аспекты исследования общественного разделения труда.

Вестник ИрГУ, №3 (62) 2012. С. 132-139.

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 30.

которую имеет она сама»⁸⁶. Другими словами, разница между производительным и непроизводительным трудом имеет место *исключительно* относительно капитала. Капиталистическое производство – это производство *капитала*. А потому то, что создает для капиталиста *прибавочную стоимость* – труд производительный, а то, что ее не создает, – непроизводительный.

Общественное разделение труда неразрывно связано с его содержанием. Но, как справедливо замечает Макс, «“производительный труд” – это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с *определенным содержанием* труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается. *Один и тот же* вид труда может быть как *производительным*, так и *непроизводительным*»⁸⁷. Так, при капитализме «писатель является производительным работником не потому, что он производит идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинения, т. е. он производителен постольку, поскольку является наемным работником какого-нибудь капиталиста»⁸⁸. Если вы в порядке хобби смастерили себе дома какой-то прибор, или если вы выступаете в концертах художественной самодеятельности, – это труд *непроизводительный*. И не в том дело, что вам при этом не платят. Вы же можете свою поделку продать, а за самодеятельный концерт могут и заплатить – это сути дела не меняет: «простой, *непосредственный* обмен денег на труд не превращает ни деньги в капитал, ни труд – в производительный труд»⁸⁹. Делаете вы это для себя или на продажу – несущественно, ибо «если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, то они не являются капиталом»⁹⁰. А вот если вы делаете *то же самое* для капиталиста-промышленника или антрепренера, которые *зарабатывают на вас*, продавая результат *вашего* труда и получая *в свое распоряжение* созданную вами *прибавочную стоимость* (то есть, если они получают за результат вашего труда больше, чем платят вам), то это труд *производительный*, ибо он *производит капитал*. А нет – так нет. Только и всего.

То есть, производительный и непроизводительный труд – это специфическое и чисто «внутреннее» деление труда в классовом обществе, прежде всего при капитализме. А для «общества вообще» как *единого субъекта всеобщего производства в его взаимоотношениях с природой*, где *все общество* в целом выступает в качестве своего рода «обобщенного работника», это просто *общественное разделение труда* в данном всеобщем взаимодействии. Ибо без тех видов труда, которые считаются «непроизводительными», никакой *общественный производственный процесс*, а стало быть, и никакой «производительный труд», вообще невозможны. Невозможны, поскольку для тех, кто *непосредственно* занят последним, нужно «производить идеи», нужны

⁸⁶ Там же. Соч., Т. 26. Ч. 1. С. 134.

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. 1. С. 410

⁸⁸ Там же, С. 139

⁸⁹ Там же, С. 412.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 776.

получение знаний и обучение, организация общественной жизни и производства, искусство, здравоохранение, рекреация. Как и многие другие подобные области вроде бы «непроизводительного» труда, без которых, однако, *всеобщий производственный процесс попросту невозможен*. А следовательно, работники «непроизводительного труда» точно так же, как и работники труда производительного, просто выполняют *свои* – совершенно необходимые! – функции во *всеобщем* производственном процессе.

Обсуждая вопросы, связанные с делением труда на производительный и непроизводительный, современные философы и экономисты особо выделяют такой вид труда как *услуга*, считая его явно непроизводительным, поскольку он не производит *материальной вещи*. Чаще всего услуга рассматривается как товар, «не имеющий материального воплощения»⁹¹. Маркс по этому поводу писал следующее: «В тех случаях, когда деньги непосредственно обмениваются на такой труд, который не производит капитала, т. е. на непроизводительный труд, этот труд покупается как услуга. Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару; но особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название “услуги” потому, что труд оказывает услуги не в качестве *вещи*, а в качестве *деятельности*»⁹². Что, как мы видели, на самом деле никоим образом не влияет на то, является ли он трудом производительным или непроизводительным.

«Услуги могут быть также навязанными, например *услуги чиновников* и т. п.». При этом производительному работнику «приходится больше всех платить за навязанные ему услуги (государство, налоги)»⁹³. То есть производительный работник *через государство* оплачивает каких-то работников непроизводительных. Но поскольку в капиталистическом обществе государство в определенном смысле является «совокупным капиталистом», которое и «продает» рабочему услуги непроизводительных работников (в том числе «навязывая» их), то последние, работая у эксплуатирующего их государства, также могут создавать последнему прибавочную стоимость, а стало быть, являться работниками производительными. Тем более это касается случая, когда услуги оказывает капиталистическое предприятие.

Естественно, конкретный трудовой процесс состоит из многих подразделений. Соответственно существует множество уже упоминавшихся и других наименований для видов общественного разделения труда в соответствии с их особенностями. Но для общества в целом, общества как *биологической самоорганизующейся системы*, взаимодействующей в своей целостности со средой существования, это *единый процесс*, в котором участвуют *все* входящие в него трудящиеся индивиды без исключения, совместно производя то, что необходимо обществу для обеспечения его

⁹¹ Естественно, имеются нюансы. Обзор различных точек зрения по данному вопросу см., напр., в статье Христовой И.В. Специфические отличия услуги от товара. <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-otlichiya-uslugi-ot-tovara>

⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. 1. С. 413.

⁹³ Там же, С. 414, 415.

существования. Другое дело, что не всякая деятельность на пользу конечному результату, бывает и во вред («в семье не без урода»), но сути дела это не меняет. А виды труда при его *общественном* разделении подлежат совсем иной классификации, для которой, во всяком случае, понятия производительного и непроизводительного труда в его распространенном ныне понимании вообще не имеют смысла.

Таким образом, мы не находим пока оснований, которые предоставили бы возможность логически обоснованной классификации видов общественного разделения труда. Единственное, что здесь следует отметить, так это разделение «когнитивного» и «ручного» труда («духовного и материального», «умственного и физического» и т. п.) как *принципиально* различных его видов. Дело в том, что, как упоминалось выше, фактически в «производственной цепочке», связывающей ноосферу и техносферу, в общем случае существует два существенно различных вида разделения технологических операций. Одно «по горизонтали», так сказать параллельное разделение *единой технологии* на *составляющие*, которыми заняты *различные* исполнители. А другое «по вертикали» (последовательное) – донесение так или иначе в виде *ряда различных* сигналов преобразованного (дифференцированного) ранее *единого* управляющего импульса от общественного сознания к *разным* исполнителям, согласовывая их непосредственные воздействия через орудия труда на его объект. То есть один вид труда связан с *непосредственным* (через орудия труда) воздействием на предмет труда (*трансформация материальных – вещественных и энергетических – объектов*). Второй же своим результатом имеет воздействие на него же, но *опосредованно* через исполнителей в результате соответствующей *переработки информации*.

Другими словами, виды труда, совершающегося при *общественном* его разделении, различаются не столько своими технологическими особенностями (безусловно имеющими весьма важное значение), сколько *конечным результатом* деятельности данного индивида. При этом во всех видах труда есть определенная доля как труда «умственного», так и труда «физического», и в общем случае эта доля может меняться весьма существенно, причем иногда достаточно парадоксально. Ведь вряд ли можно утверждать, что умственные усилия слесаря-сборщика (или наладчика) сложного оборудования меньше, чем переключивающего бумажки в какой-то конторе клерка. Однако в *данной цепочке*, входя в соответствующую *социальную группу*, они занимают более «низкое» и более «высокое» место. И согласно существующим определениям труд первого мы должны отнести к категории «физического», а второго – «умственного», что с точки зрения здравого смысла представляется совершенной нелепостью. На самом же деле, явление, называемое «умственным трудом», связано не столько с «разделением» различных видов труда благодаря своей особой «технологии» (которая действительно имеет место), сколько с «кооперацией» последних. Он вместе со своей особой «технологией» появляется одновременно с горизонтальным «технологическим» разделением труда (его специализацией) как своеобразный антагонист и дополнение последнего, *обобществляющее* труд в целом. Соответственно

осуществляемое путем специализации «разделение труда одновременно приводит к ассоциации, объединению производительных сил»⁹⁴. Поэтому мы здесь прежде всего считаем необходимым выделить именно эти *два наиболее общих вида труда*, определив их разделение как **горизонтальное** и **вертикальное** – по их *главному признаку*, т. е. по положению в упомянутой производственной «цепочке» (или *технологическое* и *социальное* – по преимущественному статусу в общественном производстве).

При этом любое технологическое *разделение* (специализация) труда не может быть эффективным без его *объединения* через как бы антагониста первого – *кооперации*. Как и наоборот. На самом деле это две стороны одной медали. Только *совместно* они составляют то *распределение* трудовых процессов в обществе, которое исторически и получило в целом наименование **общественного разделения труда**. При этом как специализация труда, так и его кооперация, могут иметь различные формы, определяемые конкретными социальными условиями, меняя соответственно и форму всего данного социального явления. Что же касается разделения труда в связи с его конкретными технологическими функциями, то, по-видимому, простое феноменологическое («внешнее») рассмотрение общественного разделения труда просто как некоторого объективно существующего социального явления не дает достаточных оснований для определения его необходимых структуры и функций, а следовательно, и для его логически обоснованной классификации. Здесь необходимо выяснение природы данного социального явления и выявления его необходимых социальных функций, которые и должны составить научное основание для классификации его видов. А для этого следует рассмотреть *социальную сущность* данного явления, что наиболее удобно сделать в историческом аспекте, выявив социальные причины его возникновения, а также как его собственную эволюцию, так и характер его воздействия на социум.

⁹⁴ Лист Ф. Национальная система политической экономики. М., 2005. С. 139.

7. СТАНОВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Итак, общественное разделение труда как социальное явление возникло *внутри* первобытного общества-племени в результате спонтанного развития обеих общественных подсистем, связывающих общество с природой, т. е. его *ноосферы* и *техносферы*. Спонтанность их развития, не требующая особых стимулов к нему, является следствием наличия у общества, как у любого биологического организма, имманентно присущего ему стремления выжить и развиваться. А в данном случае успешность и того, и другого как раз и зависит от развития как ноосферы, так и техносферы общественного организма. На определенном уровне этого развития и возникла необходимость в появлении общественного разделения труда *внутри* данного социального образования.

А вот *между* самими первобытными племенами (общинами), как отмечалось выше, никакого общественного разделения труда никогда не существовало уже хотя бы потому, что этот процесс принципиально присущ только тем общественным образованиям, которые в отношении окружающей среды обладают *внутренним единством*, т. е. в данном случае только *отдельным* племенам (общинам). Развитие и ноосферы, и техносферы в каждом таком социальном образовании постоянно повышало производительность труда. Однако их неуклонное развитие, как это всегда происходит при любых количественных изменениях, в некоторый момент неизбежно приводит общественный организм к внутренним противоречиям, в данном случае связанным с ограниченными возможностями *конкретных* индивидов, являющихся непосредственно действующими агентами общества, в необходимой степени индивидуально *освоить* результаты этого *общего* развития.

Как мы выдели, одним из основных преимуществ коллективного организма (например, у общественных насекомых) является *специализация* их составляющих в соответствии с различиями в выполняемых функциях. Различные виды «общественных» насекомых показывают, что глубокая дифференциация в этом отношении является важным фактором выживания таких организмов в окружающей среде даже при достаточно значительных изменениях последней. Это же касается и общественного организма (первоначально в виде первобытного племени). Однако по ряду причин, которые здесь нет смысла обсуждать, путь морфологической (структурной) дифференциации его элементов не мог оказаться эффективным, и ограничивался только теми, которые составляли продолжение прогрессивной линии развития многоклеточных организмов, т. е. достаточно ограниченной *половозрастной дифференциации*. Как морфологические особенности, так и высокий уровень развития центральной нервной системы отдельных особей предопределили другое направление становления способов взаимодействия общества со средой через своих составляющих-индивидов. Последние стали *универсальными* агентами общества, способными каждый выполнять необходимые для его существования функции.

Но развитие данной *биологической системы* в результате антропосоциогенеза не прекратилось, только эволюционные изменения были «перенесены» с отдельных индивидов на целое. Накопление обществом знаний и умений все лучше «вооружало» своих членов для выполнения их общественных функций. Однако при этом ноосфера (общественное сознание) оказывалась все больше нагруженной конкретными, пока еще слабо систематизированными сведениями, а техносфера включала все более широкий спектр разнообразных средств производства и технологических приемов. Освоить все это *каждому* отдельному индивиду становилось все сложнее, а стало быть, он все менее эффективно выполнял роль *универсального* агента общества; что, естественно, замедляло рост производительности труда. А в какой-то момент он оказывался просто не в состоянии это делать достаточно успешно. Как следствие, возникло новое социальное явление – *общественное разделение труда*, позволяющее сделать труд *общественным* не только *со стороны общества* (через ноосферу и техносферу), каковым он был изначально, но и *со стороны действующих индивидов* через *совместный* трудовой процесс при *разделении* между ними функций.

В любом производственном процессе «мы имеем в действии два элемента производства – природу и человека, а последнего, в свою очередь, с его физическими и духовными свойствами»⁹⁵. Но при этом следует учитывать, что в конечном счете в производстве во взаимодействие вступают «субъект, человечество, и объект, природа», «а следовательно и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому»⁹⁶. Другими словами, его общественным разделением продолжилось *дальнейшее обобществление* труда, который, повторим, с самого начала, несмотря на его первоначально конкретно-индивидуальный характер, по существу *уже был обобществленным*, поскольку по сути дела осуществлялся обществом как целым.

Что же касается самого трудового процесса, то он, как уже говорилось, в обществе на протяжении тысячелетий совершался в виде некоторой «трудовой (производственной) цепочки», в основе функционирования которой находится отдельный индивид. В результате дальнейшего обобществления процесса производства индивидуальный состав «производственной цепочки» меняется, и первое, что при этом происходит, – это разделение *единого* технологического процесса, осуществляющегося в общественном организме, на *несколько* относительно самостоятельных его *частей*. И ими теперь начинают заниматься *различные* индивиды, которые, однако, в результате все же должны получить *общий* продукт – определенный набор предметов потребления, необходимый обществу. Таким образом, в результате упомянутая «производственная цепочка» принимает принципиально иной вид.

При их небольшом количестве указанные индивиды все же еще способны самостоятельно осмыслить «общественный заказ» и согласовать для его

⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 1. С. 555.

⁹⁶ Там же, Т. 12. С. 711, 710.

выполнения свои действия. Но по мере перехода общества от экономики собирательства к производящей экономике, сопровождающегося ростом населения и оскудением природных ресурсов, возрастали количественно и усложнялись качественно технологические процессы и используемые в них технические устройства. В том числе оказывалось, что в ряде случаев возникает необходимость разделить производственный процесс между отдельными индивидами не только по *различным предметам*, но в некоторых случаях и по *одному и тому же предмету*, если его изготовление включает достаточно сложные и существенно различные технологии.

Это само по себе усложняло реализацию технологических процессов. А еще важнее то, что при возрастании количества взаимосвязанных элементов этих процессов лавинообразно нарастало число связей между ними, резко увеличивая сложность всей производственной системы в целом и ее фрагментов по отдельности. Чем сильнее развивалась *специализация* технологии, тем труднее становилось обеспечить слаженную *кооперацию* труда исполнителей. И чтобы достичь конечного результата, возникла необходимость постепенного внедрения в «производственную цепочку» еще одной *самостоятельной* рабочей функции – функции *координации*, направленной на согласование действий непосредственных исполнителей.

Эта функция становится необходимой и в том случае, когда некоторое количество индивидов занимается *одной* технологической операцией (даже такой простой как, скажем, переноска тяжестей), требующей, однако, скоординированных *совместных* действий. Она тем более важна, например, при появлении высших форм охоты, рыболовства и т. п. В это время также все больше происходит «дробление» сложных функций среди участников общих процессов, что также неизбежно вызывает необходимость в выделении функции *координации* кем-то совместных усилий на основе хотя бы самого *общего* представления обо *всей совокупной* технологии, позволяющего *управлять* всем процессом. На первых порах имело место совмещение некоторым индивидом этих функций с личным участием в технологических операциях. Но по мере развития технологических процессов все необходимые функции вообще перестают «вмещаться» в одном индивидуальном сознании. В результате происходит их постепенное *разделение* на столько различных трудовых функций (включая обеспечение совместной работы), сколько имеется их *носителей* – индивидов. Именно так возникают зачатки действительно *общественного разделения труда*.

Взаимодействие общества со средой носит *материальный* характер, т. е. в *обязательном* порядке совершается посредством «материального» труда, целесообразно преобразующего взятые из природы предметы труда в необходимые обществу предметы потребления. Но целесообразность этих преобразований – как с точки зрения конечного результата, так и с точки зрения средств его достижения, – есть опосредованное следствие труда *умственного*. Последний же сути дела представляет собой индивидуальное *преобразование и передачу* в конкретизированном виде либо собственным органам-эффекторам, либо другим индивидам-непосредственным

исполнителям уже *физического* труда, информационных потоков, идущих от общественного сознания. И оба эти вида труда имеют *одну и ту же* конечную цель – *совместное* получение определенного продукта, необходимого обществу.

А поскольку как без того, так и без другого данная цель не может быть достигнута, то это делает два данные вида труда *взаимозависимыми* и *взаимодополняющими*, или, иначе говоря, *единым комбинированным трудом*. Опираясь на достижения ноосферы и техносферы, он может выполняться как *отдельным* индивидом, так и их *группой* с его *распределением* между различными индивидами, а в конечном счете *всем обществом в целом*. Но по своим технологическим и социальным особенностям он во всех случаях *принципиально разделяется* на два указанных вида. Для отдельного индивида это *личный труд*, включающий *труд ментальный*, состоящий в индивидуальном осознании велений общественного сознания и трансформации его в управляющие сигналы собственным эффекторам, и *труд ручной* – воплощение последних в действиях этих эффекторов, непосредственно данные сигналы реализующих. А если технологическим процессом занята *группа* индивидов, то эти два вида труда (всегда по существу различные) *разделяются* и по *субъектам*.

Стало быть, классики марксизма были совершенно правы, когда считали, что общественное разделение труда доводится до логического завершения действительно *общественным* (по субъектам) разделением «умственного» и «физического» труда. Только происходит это не во времени (т. е. на каком-то этапе), а уже применительно к формированию самого явления *общественного* разделения (распределения) труда. А вот само это разделение имеет различный характер в зависимости от этапа общественного развития, его же в значительной мере и определяя. Ибо одно дело такое общественное разделение труда в период общины, а совсем другое – в классовом обществе. На начальном этапе *первобытного* общества, когда производимый предмет являлся результатом индивидуальных усилий, также ведь имело место своеобразное, но «внутреннее» для конкретного индивида разделение труда, обычно выполняемого параллельно-последовательно. С возникновением «внешнего» для индивида разделения труда, то есть разделения труда *между различными* индивидами *внутри* общества, эти два вида труда во взаимоотношениях общества со средой также *разделились*, но в то же время и опять *объединились* путем их кооперации по достижению общей цели. Уже это постепенно изменяло ситуацию. Но кардинально она изменилась с возникновением *классового* общества, когда дело коснулось взаимоотношений между умственным и физическим трудом, имеющих место в этих обществах с их *антагонистическим* противостоянием противоположных *социальных групп* (производственных классов). Например, при капитализме общественное разделение труда вообще отличается тем, что «духовные потенции материальных процессов производства противостоят рабочим как чужая

собственность и господствующая над ними сила»⁹⁷. Но к рассмотрению этого вопроса мы вернемся ниже.

Когда индивид первобытного общества самостоятельно получал «задание» от общественного сознания, оно имело для него *императивный* характер и подлежало *неукоснительному* исполнению. Но с возникновением вертикального разделения труда индивид-исполнитель получает указание уже *опосредованно* – от *другого* индивида (руководителя), который должен иметь на это, во-первых, соответствующие *полномочия* от общества, а во-вторых, средства их реализации. Поначалу он получает их благодаря своему *авторитету*, заработанному прежде всего жизненным опытом, воплотившим опыт рода, – не даром во всех родовых обществах всегда существовало особо уважительное отношение к старейшинам. Полученные полномочия используются им только в производственном процессе, и никак не влияют на эгалитарность отношений в остальных случаях.

Однако здесь вступает в действие еще один фактор. В первобытном обществе существовали *предметы потребления*, имеющие как личностный (например, одежда), так и коллективный (жилище, очаг, хранилища и т. п.) характер. Несколько иначе обстояло дело с используемыми в трудовом процессе *средствами производства*. А ведь именно через них исполнители воздействуют на предмет труда. При их первоначально индивидуальном использовании средства производства (орудия труда) также имели *личностный* характер. Каждый инструмент, всегда отличающийся какими-то индивидуальными особенностями, влияющими на характер пользования им, становится как бы продолжением приспособившегося к нему органа *данного* индивида. Но многие усложняющиеся технологические процессы начинали требовать некоторых средств производства, рассчитанных на *коллективное* использование (например, запруд, лодок, некоторых видов снастей при рыбной ловле, ловушек на охоте и т. п.). В этом случае необходимость согласования трудовых операций вызывает *объективную* потребность в их координации, особенно на то уполномоченным индивидом для обеспечения *целесообразного функционирования* этих *общих* средств производства. С указанной же целью выделение такого индивида, имеющего уже специальную подготовку (вертикальное разделение труда), сопровождается делегированием ему обществом и фиксируемым общественным сознанием также *особых полномочий* по определению *характера функционирования* этих средств производства,.

Так впервые возникает *особое* отношение некоторых индивидов к *общим* средствам производства, фактически выражающееся в признании остальными за ними права на регулирование характера функционирования этих средств, т. е. права *распоряжаться* ими. Необходимость в этом возникает вследствие развития производительных сил общества, в частности, появления новых средств производства, которые для своего функционирования *объективно* требуют определенных изменений в организации производственного процесса, а следовательно, и изменения *отношений* между его участниками. Ведь

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 374.

материальные средства производства изначально не наделены способностью функционировать самостоятельно, это осуществляется только через индивидов-членов общества. Поэтому указанное право фактически означает также право *распоряжаться трудом* данных индивидов, предоставленное обществом определенному индивиду. Другими словами, возникают зачатки новых общественных отношений касаясь средств производства – отношений *собственности*, поскольку в определенном смысле «собственность есть распоряжение чужой рабочей силой»⁹⁸. Еще раз подчеркнем, что имеются в виду только средства производства, ибо предмет потребления «не дает мне возможности распоряжаться никаким, даже самомалейшим количеством чужого труда»⁹⁹.

Почему данная общность может предоставить отдельным своим членам право распоряжаться рабочей силой тех, кто применяет некоторое средство производства в коллективном производственном процессе? Потому, что данное средство производства *принадлежит* ей как целому, то есть она в этом качестве им *владеет*. А необходимо это общине потому, что результатами применения данного средства производства *пользуются* именно ее члены. А функционирование данного средства производства способствует удовлетворению определенных нужд и общины, и ее членов. Для общины это обеспечение ее существования. Члены же общины посредством применения данного средства производства удовлетворяют как свои *индивидуальные* («жизненные») потребности (через произведенные предметы потребления), так и потребности *в общественном самоутверждении* (посредством работы на благо общества). Это касается и индивида, *распоряжающегося* данным средством производства, но *сверх того* распоряжение им ставит его в *особое* положение в общине, в том числе и относительно удовлетворения его *общественных потребностей*, являясь *дополнительным* средством общественного самоутверждения, что играет для человека чрезвычайно важную роль. И связана его реализация именно с общественным разделением труда вообще, и с его *вертикальным разделением* в частности.

Мы не раз отмечали, что главное, на что обращали внимание исследователи общественного разделения труда, это повышение производительности труда благодаря его специализации. Иногда (но далеко не всегда!) отмечалось, что при этом происходит также разделение *работников* по различным социальным группам. Что, конечно, имеет социальное значение и при специализации – как одно из ее следствий: благодаря их взаимодополняемости это приводит к упрочнению единства общества (Дюркгейм). А вот при кооперации это обстоятельство имеет решающее значение, поскольку взаимодействие соответствующих социальных групп, имеющих *различное* отношение к средствам производства, приводит одновременно к их *противопоставлению*. Кооперация, являющаяся непрямым следствием специализации, в процессе обмена приводя их к

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 31.

⁹⁹ Там же. С. 218.

взаимодействию, в то же время определенным образом *противопоставляет производителей друг другу*. Но еще важнее это при дальнейшей кооперации уже в процессе производства, *внутри* производящего коллектива, где разные группы работников прямо противопоставлены друг другу. А коллективы разные – от рабочей бригады до всего общества в целом. Производство становится *общественным* через два различных, но взаимосвязанных процесса – специализацию (разделение) труда между различными социальными группами, и его кооперацию (объединение) через их взаимодействие, то есть через то, что составляет целостное общественное явление, которое принято называть *общественным разделением труда*, хотя, видимо, более точно было бы называть его *общественным распределением труда* (горизонтальным и вертикальным).

Еще раз подчеркнем: *главное*, что определяет социальную роль общественного разделение труда – его *двуединство*, неразрывная связь специализации (разделения) и кооперации (объединения), которые *не могут существовать друг без друга*. Но в то же время, каждая из сторон обращена к различным общественным явлениям. Если специализации вызвана *развитием производительных сил*, требующим специализации исполнителей, то кооперация обращена к *производственным отношениям*, требуя новых отношений между людьми в процессе производства в связи с их новыми ролями. И это, прежде всего, выражается в *отношениях собственности* на средства производства. Таким образом, первая сторона обращена к установлению соответствия между новым *технологическим* уровнем и живым трудом, т. е. *действующей* рабочей силой, посредством специализации (горизонтального разделения труда). А вторая – между той же *рабочей силой* и *овеществленным* трудом в средствах производства посредством кооперации через отношения собственности (обмен и командование; и то и другое – форма присвоения овеществленного труда) (вертикальное разделение труда). Вот таким образом и осуществляется *связь* между производительными силами и производственными отношениями.

Здесь мы также непосредственно сталкиваемся с особым общественным явлением – общественной ролью *определенных отношений* между членами социума по поводу средств производства – с *отношениями собственности*. Пока что мы имели в виду только один аспект, одну так сказать «ипостась» данного отношения – *распоряжение*. Распоряжение трудом осуществляется в целях, определяемых конкретными условиями, но в конечном счете оно всегда заключается в таком упорядочивании трудового процесса, которое ведет к повышению производительности совместного труда, то есть имеет *экономическую* основу. Именно это обстоятельство как благоприятствующее общественному развитию, делает развитие общественного разделения труда (как и связанных с ним отношений собственности) явлением *прогрессивным*. Несколько иначе дело обстоит с социальной точки зрения. Горизонтальное разделение труда (специализация), безусловно, *обедняет* личности исполнителей вследствие как ограниченности, так и односторонности их функционирования, а вертикальное ведет к социальному *расслоению* общества,

потенциально сопровождаемому социальными катаклизмами. Однако это неизбежная «цена», взимаемая природой с членов общества в «уплату» за развитие общества в целом. И по мере развития общественного разделения труда общественное развитие ускорялось, а плата за прогресс все возрастала. Но таков закон природы.

8. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Прежде, чем продолжить исследование развития общественного разделения труда как особого социального явления и его влияния на общественное развитие в целом, необходимо более подробно рассмотреть те факторы, от которых зависит формирование и функционирование данного общественного явления. Само по себе оно – естественное следствие развития производительных сил общества (его ноосферы и техносферы), им обусловливается и служит средством повышения производительности труда, т. е. представляется явлением *экономическим*. Но в своем становлении и развитии как явление социальное оно связано с рядом других социальных явлений, оказывающих на него существенное влияние. И прежде всего это тесно связанное в общественным разделением труда явление – *отношения собственности на средства производства*. Общественное разделение труда предполагает наличие как достаточно развитых *средств производства* с одной стороны, так и определенных *отношений собственности* на них с другой. «Различные ступени в развитии разделения труда, – полагали классики марксизма, – являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»¹⁰⁰. Об отношениях собственности имеется весьма обширная литература, которая, однако, не дает достаточно полных и ясных представлений о них именно как общественном явлении, поскольку рассматривается оно как нечто целостное. В то время как в реальности данное явление является *внутренне структурированным*, и без учета как его структуры, так и функций каждой из его составляющих понять сущность отношений собственности, как и их роль в становлении и функционировании общественного разделения труда, не представляется возможным.

Так что же собой представляют эти отношения в принципе? Как показывает не только история экономики, но и все общественное развитие, конкретное бытие отношений собственности определяется влиянием множества конкретных же факторов. Прежде всего, это характерные особенности данных производительных сил, а также влияние таких факторов, как традиции, природные и этнические моменты и т. п. Соответственно «в каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях». Учитывая это обстоятельство, «стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию»¹⁰¹.

Действительно, отношения собственности в различные эпохи весьма существенно различались и определять их – «это значит не что иное, как дать

¹⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 20.

¹⁰¹ Там же. Т. 4. С. 168.

описание всех общественных отношений» в данный конкретный момент. Поэтому «дать определение собственности как независимого (!) отношения» (тем более как «вечной идеи») действительно нельзя. Но, тем не менее, уже то, что для их обозначения применяется один и тот же термин, свидетельствует, что может и не вполне осознанно, их все же считают *различными видами* и проявлениями *одного и того же* социального явления. Следовательно, определить, что такое отношения собственности по существу, все же можно, но только рассмотрев причины их появления, историю становления и развития, их структурные особенности в различных условиях.

Однако представленное выше отношение классиков марксизма к определению сущности собственности на средства производства связано с еще одним важным моментом. То, что Маркс в соответствии с представлениями, оставшимися со времен римского права, когда «в доклассическое время не существовало общего определения собственности, а давалось перечисление отдельных полномочий собственника»¹⁰², понимал под данным социальным явлением, не полностью совпадает с нашим нынешним пониманием. Он (как, впрочем, потом и Ленин¹⁰³) фактически отождествлял отношения собственности с *распоряжением* ею¹⁰⁴; во всяком случае, он не включал в отношения собственности *владение*¹⁰⁵. А отношения собственности понимались им как некое единое, нерасчленимое на элементы (но изменяющееся, а значит различное в различных условиях) общественное явление. На самом же деле, как мы видели выше, уже с самого своего возникновения отношения собственности оказываются явлением *составным*. И проявляется оно в реальности в *трех* различных «ипостасях»: *владении, распоряжении и пользовании* средствами производства.

Первое, что следует подчеркнуть еще раз, так это то, что отношения собственности – по существу не отношение человека к *какой-то вещи*, а его отношения *по поводу* этой вещи с *другими людьми*. К сожалению это, казалось бы самоочевидное, положение довольно часто не принимается во внимание. А ведь это именно оно, по приведенному выше выражению Энгельса, предполагает *командование* чужим трудом. Именно ради этого и возникло отношение собственности как социальное явление, и именно этому прежде всего подчинены функции его составляющих. Что же касается самих составляющих, то они в явном виде фактически сегодня сохраняются только в юриспруденции – в связи с возможными казусами при их рассогласовании. При анализе же экономических процессов им, к сожалению, не придают особого значения, хотя в них они как раз и определяют реальное функционирование отношений собственности как определенного социального явления.

А коль скоро отношения собственности в принципе не являются сами по себе целостным социальным явлением, то вполне можно себе представить, что каждая их составляющая обслуживает *особые* отношения между людьми по

¹⁰² Римское частное право. Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1996. С. 177.

¹⁰³ «...владение еще не есть собственность» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 32. С. 179).

¹⁰⁴ См., напр., приведенную выше ссылку (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 31).

¹⁰⁵ «...не собственник, а лишь владелец» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25, Ч. II. С. 356).

поводу средств производства, и что все три вида этих отношений *вовсе не обязательно предполагают единство своего субъекта*. Более того, при их становлении, знаменующему начало периода общины – переходного периода между первобытнообщинным строем и классовым обществом, – как мы видели, *индивидуальное* вычленение одной из ипостасей отношения собственности из отношений *общеобщинных*, начинается именно с отдельной (*распоряжение*) составляющей. В результате и возникает первое отношение собственности на средства производства в виде явления, *расщепленного по субъекту*: *владеет* ими *все* общество (племя, род), *пользуются* результатами функционирования *все* его члены, а *распоряжаются* ими *отдельные* индивиды, которым общество *делегировало* соответствующие полномочия. По мере разрушения родоплеменного общества и формирования новых социальных образований (родовая община, соседская община, этнос, раннеклассовые «государства» и т. п.) в зависимости от конкретных условий возникают новые формы расщепленной собственности, причем в огромном разнообразии – в зависимости от конкретных условий.

Но прежде, чем рассматривать развитие отношений собственности в историческом аспекте, попробуем более или менее *наглядно* представить себе само это необычное явление – *расщепленные отношения собственности*, проиллюстрировав его некоторой «моделью», использовавшейся нами и ранее. Вот мы смотрим на экран телевизора. Известно, что он светится не сплошь, а благодаря множеству ярких точек на нем. Ну и, вроде, если точки красные – экран красный, если белые – белый и т. п. Однако на самом-то деле ни красных, ни белых светящихся точек там нет, а имеются точки трех типов: пурпурные, зеленые и синие. Соответственно и красного или белого цвета *фактически* тоже нет – цвет экрана только таковым *нами воспринимается*. А светятся в обоих случаях лишь все те же три типа точек, только по-разному, создавая для нас *видимость* того или иного цвета. То есть тот же красный цвет как бы и есть (мы же его видим!), но его как бы и нет (все же электромагнитная волна соответствующей длины в излучении отсутствует). То же и с собственностью. Это отношение *реально* существует, но *не само по себе*, а через его *составляющие*. Вот только принять такой взгляд здесь намного сложнее, поскольку веками господства частной собственности, особенно при капитализме, она привычно воспринималась как нечто *целостное*, а любые отклонения – всего лишь как некие *юридические казусы*.

То, что в этом отношении имело место в первобытном обществе, принято называть *общественной собственностью*. Хотя это и неверно. Об отношениях собственности между людьми можно говорить только в том случае, если оно *различно* для различных людей. Напряжение между точками с *одинаковыми* потенциалами отсутствует. Если же у *всех* членов данного общества отношение к средствам производства *одинаковы*, то какие могут быть *между ними* отношения по этому поводу? Поэтому выражение «общественная собственность на средства производства» в принципе лишено смысла. Но в силу традиции мы продолжаем им пользоваться.

Итак, на определенном этапе общественного развития в процессе

присвоения обществом материальных объектов из окружающей среды происходит также *присвоение* его *отдельными* членами *некоторых* общественных функций. Поскольку выражаются они в отношениях людей по поводу средств производства, то это и есть то, что мы называем *отношениями собственности*. Эти *особые* отношения между людьми выражаются в *присвоении* *отдельными* индивидами (или их группами) полномочий относительно средств производства, раньше принадлежавших *всем* без исключения членам общества, с *отчуждением от них всех остальных*. Стало быть, по существу они, касаясь *исключительно* отдельных лиц, могут быть *только частными* (личными или групповыми, что по существу одно и то же). А «частная собственность есть форма общения, необходимая на известной степени развития производительных сил», и она «до тех пор не может быть уничтожена, до тех пор является необходимым условием для производства непосредственной материальной жизни, – пока не созданы производительные силы, для которых частная собственность становится стесняющими оковами»¹⁰⁶. Но в этом случае подлежит элиминации не просто *частная* собственность, а отношения собственности *вообще* как некая особая «форма общения». Так что повторим: привычное выражение «общественная собственность» есть не более чем оксюморон – о какой собственности вообще можно говорить, если никаких *особых* отношений *между* индивидами по поводу *общественных* средств производства попросту не существует! – и использовать его стоит разве что лишь как дань традиции.

Конкретный характер отчуждения зависит от тех общественно-экономических отношений, которые имеют место в тот или иной исторический период. Однако в принципе виды отчуждения могут только соответствовать видам присвоения, которые вообще могут существовать. Применительно к отношениям собственности общественная практика выделила *всего три* возможных вида *общественного* присвоения, представляющие собой: 1) *представление о единстве субъекта с объектом*; 2) *возможность управления функционированием объекта в соответствии с волей субъекта*; 3) *возможность использования субъектом (в любом виде) результатов функционирования объекта*. В принципе эти три момента могут в каждом конкретном случае, применительно к конкретным субъектам и объектам, существовать *вместе, раздельно или в некоторой комбинации*.

Существование применительно к средствам производства указанных трех видов данного отношения в дальнейшем и было юридически зафиксировано в трех понятиях, характеризующих реально функционирующие отношения собственности: *владение, распоряжение, пользование*. Следует отметить, что данные термины сегодня в основном-то и применяются в *юриспруденции*, обычно не считаясь такими, что могут иметь непосредственное отношение к вопросам собственности в *экономическом* плане. Однако, как отмечал Маркс¹⁰⁷, и сами по себе отношения собственности представляют всего лишь

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 351.

¹⁰⁷ Там же. Соч., Т. 13. С. 7.

юридическое выражение определенных производственных отношений (закключающихся, как мы видели, в характере общественного разделения труда). Вследствие этого соответствующие юридические термины так или иначе отражают и отношения экономические. Но в период господства индивидуальной частной собственности, особенно при капитализме, вопросы, связанные с их составляющими, благодаря давно ставшему привычным обычному совпадению последних по объекту и субъекту, не имели особого практического значения и актуализовались лишь при возникновении тех или иных юридических *казусов*¹⁰⁸. Однако при рассмотрении проблемы отношений собственности в целом, включая их сущность, возникновение и развитие, этот момент приобретает весьма существенное значение.

При общественной собственности (если уж использовать это выражение) предполагается, что и владеет, и распоряжается, и пользуется средствами производства общество *как целое*. В классовом обществе при частной собственности на средства производства ими *владеет, распоряжается и пользуется* отдельный индивид (или их локальная группа с четко зафиксированными отношениями между ее членами). Иными словами, в первом случае отдельные члены общества имеют к средствам производства *одинаковое* отношение, а во втором – *разное*. Либо одинаковое, либо разное – третьего варианта, *третьего вида* собственности с пересечением на ее субъекте всех трех видов отношений по поводу данного объекта *в принципе быть не может*. При этом, будучи *антагонистическими* психологическими феноменами, *разные отношения* касаются *одного и того же объекта* одновременно *в одной голове* (если, конечно, это не голова шизофреника) сосуществовать также не могут. Однако как доклассовое общество с исторической неизбежностью сменилось классовым, так и «общественную» собственность столь же неизбежно сменила «частная». Но как это могло произойти? Ведь этот акт с одной стороны как фундаментальный и весьма сложный не может быть одномоментным, а с другой стороны вследствие *полной противоположности* общественной и частной собственности он не может происходить и постепенно.

Это если воспринимать собственность как *целостный* феномен – ну, как тот же цвет экрана, где для превращения его из белого в красный вроде следовало бы *одновременно* заменить *все* точки на точки другого цвета (притом, повторим, что реально их ни того, ни другого цвета и вовсе не существует). И совсем иначе выглядит проблема, если воспринимать собственность как некий «составной» феномен, существующий только в том виде, в котором *истинной реальностью* являются лишь *три упомянутых*

¹⁰⁸ И вообще в юриспруденции определения этих составляющих отношений собственности в значительной мере восходят к римскому праву. Да и отношение к ним такое, что в онлайн «Юридический словарь» его составители вообще не сочли нужным их включать. А в «Большом юридическом словаре» их определения хотя и существуют, но крайне невняты. Например, о *владении* говорится, что оно – «закрепленное *законом* за субъектом права», но в то же время что это – «*фактическое* обладание вещью» (как это, между прочим, определял еще древнеримский юрист Павел) (Римское частное право. Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1996. С. 164).

отношения между людьми по поводу средств производства: *владение, распоряжение, пользование*. В принципе каждая из все тех же трех видов «точек» может, не меняя *цвета*, меняться по *интенсивности*, причем *относительно* безболезненно. Тогда их разнообразие по субъектам и объектам делает возможным целый спектр отношений собственности, соответственно совокупно определяющих достаточно сильно различающиеся экономические уклады, в том числе и частично сосуществующие между собой. Реально это происходило на протяжении столетий и тысячелетий благодаря изменениям в общественном разделении труда в соответствии с уровнем развития и характером производительных сил.

Таким образом, рассматривать вопросы, связанные с общественным разделением труда, не затрагивая одновременно те, которые связаны с отношениями собственности, не представляется возможным. Но если отношение распоряжения, как наиболее «активное», *явственно* проступает уже в рассмотренном выше наделении обществом *особыми* полномочиями *отдельных* своих членов, то два других аспекта существуют менее явно. Они являются как бы само собой разумеющимися общественными отношениями, поскольку поначалу вообще владение относится к данному общественному организму как *целому*, а пользование – ко всей *совокупности* его членов. Это обстоятельство способствует отождествлению *распоряжения* объектом собственности с *самим* отношением собственности, и ее развитие представляется в виде изменений, модификации и расширения данного отношения (распоряжения собственностью) в процессе общественного развития. Что не соответствует действительности, поскольку развивается *всё* отношение собственности в целом, включая *все три* его ипостаси совместно с взаимоотношениями между ними. Поэтому и определять отношения собственности необходимо как явление принципиально *комплексное*, как некоторую неразрывную «триаду», состоящую из *владения, распоряжения и пользования*.

Чтобы рассмотреть этот вопрос по существу, необходимо вернуться несколько назад. Как мы видели, существование любой биологической системы, в том числе и общественного сверхорганизма, обеспечивается исключительно за счет материального обмена с окружающей средой (природой). Когда смотрят на это явление со стороны общества, то о нем говорят как о выполнении им функций *присвоения* и *отчуждения*. Общество (через своих членов) осуществляет присвоение имеющихся в природе и необходимых для его существования материальных объектов (со сниженной энтропией), и отчуждает туда же отходы своей жизнедеятельности (с энтропией повышенной). Первоначально процесс присвоения осуществляется *всеми* членами общества в виде процесса производства, в котором *каждый из них* выполняет необходимые для процесса указанного *присвоения* функции. Но развитие производительных сил с необходимостью вызывает появление новых функций, которые уже передаются обществом только *отдельным* его членам посредством общественного разделения труда. Таким образом, развитие общественного разделения труда неизбежно ведет к появлению отношений

собственности на средства производства, вызывающих в свою очередь формирование различных социальных групп, т. е. *социальное расслоение общества*, и вообще оказывающих решающее влияние на производственные отношения.

Все социальные процессы, протекающие в обществе, являются следствием взаимодействия между составляющими его индивидами. Причем эти индивиды самостоятельны только в первобытном обществе как обществе эгалитарном и не имеющем деления на различные социальные группы. В последующем вследствие их формирования каждый индивид уже принадлежит к одной из таких социальных групп, оказывающих весьма существенное влияние на его поведение. Это касается и такого социального явления как разделение труда. Как мы видели, уже Платон, рассматривая связанные с ним вопрос выбора профессии, пишет: «...Мы (!) запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, ткачом или домостроителем...». То есть в его «идеальном государстве» уже существовали некие «мы» – социальная группа, которая имела возможность формировать *другие* социальные группы по профессиям. А позже, например, Фома Аквинский полагал, что социальное расслоение вообще устроено божьим промыслом и является «естественным». Но особая роль общественного разделения труда была по-настоящему признана важным социально-экономическим фактором уже только при формировании капиталистического уклада, когда, несмотря на наличие различных, и даже противоположных, социальных групп, в идеологии господствовала идея *индивидуализма*, и общественное разделение труда связывалось именно с ней.

Самый авторитетный политэконом того времени А.Смит при рассмотрении вопросов общественного разделения труда исходил из природной (!) человеческой склонности к торговле и обмену. Он полагал, что именно «склонность к обмену породила первоначально и разделение труда»¹⁰⁹. По его мнению, это как раз и обеспечивало общественную эффективность (с точки зрения общего блага) добровольного обмена между отдельными людьми. Последние таким образом получали возможность взаимодействовать друг с другом к обоюдной выгоде, будучи при этом движимыми исключительно своими эгоистическими интересами. Но и К.Маркс в первом томе «Капитала» для большей наглядности начинает свой анализ с *индивидуального* обмена между самостоятельными товаропроизводителями. Однако в третьем томе от них уже не остается и следа. Там взаимодействуют между собой крупные капиталы, базирующиеся на массовом машинном производстве, и противостоящие друг другу социальные группы (классы) капиталистов-предпринимателей и наемных рабочих. И общественное разделение труда при капитализме непосредственно связано именно с функционированием этих социальных групп, связанных с отношениями собственности на средства производства.

А в реальности общественное разделение труда, зародившееся в общественном организме как отношение между отдельными индивидами

¹⁰⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ. М., 2007. С. 77.

эгалитарного общества в процессе общественного производства, не только развилось со временем во взаимодействие социальных групп, но и весьма существенно содействовало самому их становлению и развитию. Но большинство ученых, занимающихся этими вопросами, традиционно интересовало почти исключительно *горизонтальное* (технологическое) разделение труда, т. е. его *специализация*, дающая наглядные следствия в виде повышения производительности труда. И в этой области имеются немалые достижения. А вот социальные следствия *вертикального* разделения труда, в том числе и благодаря изменению отношений собственности, приводящие, в конечном счете, к *революционным изменениям хозяйственных укладов*, их практически не интересовали. Данных вопросов вообще старались не касаться, поскольку, как правило, излишне пристальный взгляд на них не соответствовал социальному заказу и не укладывался в парадигму, которой эти ученые руководствовались. И это относится не только к общественному разделению труда в отдельных странах, но и к международному разделению труда, изменения в котором в настоящее время во многом определяют мировые социальные процессы. Но чтобы их понять, нужно отказаться от расхожего представления, что «международное разделение труда – это не что иное, как экономическая специализация отдельных стран и народов», которая «реализуется в виде избрания (!) ... целыми народами и государствами (?) наиболее оптимальных и прибыльных экономических направлений»¹¹⁰.

В общем-то справедливо считается, что «международное разделение труда (МРТ) представляет собой специализацию государств на производстве отдельных видов продукции, которой страны обменивались между собой. Первоначально МРТ основывалось на различиях в природно-климатических условиях. С переходом на машинную стадию производства стало базироваться не только на природно-климатических различиях, но и на технологической специализации в сфере производства. МРТ является объективной основой международного обмена товарами, услугами, знаниями, развития производственного, научно-технического и иного сотрудничества между всеми странами независимо от уровня экономического развития и социального устройства»¹¹¹. Такое (горизонтальное) международное разделение труда действительно имеет важное значение, но уже несколько столетий много важнее другое международное же разделение труда (вертикальное), когда большинство стран мира вовсе *не по своей воле* и далеко не «независимо от уровня экономического развития и социального устройства» «избирают» и занимают место (отнюдь не для всех оптимальное и не очень-то прибыльное) в мировой экономической системе. Однако более подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже.

В связи с этим в дальнейшем изложении мы преимущественно будем

¹¹⁰ Грошев С.Н., Шматков А.А. Отдельные исторические закономерности международного разделения труда. Алтайский юридический вестник. Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России. № 3 (27) 2019. С.12.

¹¹¹ Опалева О.И. Международное разделение труда. Вопросы экономики. Финансы и кредит. №10 (82). 2001. С. 33.

уделять внимание именно этому (вертикальному) виду общественного разделения труда, хотя его анализ, безусловно, должен постоянно учитывать его связи с разделением труда горизонтальным.

9. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Все упомянутые процессы, по существу будучи общественными, тем не менее, непосредственно реализуются через соответствующее поведение участвующих в них индивидов, вызываемое определенными *личными* стимулами. Чтобы рассмотреть те стимулы, которые через соответствующее поведение индивидов обеспечивают эффективное функционирование как отношений собственности на средства производства, так и общественного разделения труда, нам придется вернуться к вопросу о *потребностях человека*.

Когда повторяют марксистское положение о ведущей роли экономики в социальных процессах, то достаточно часто этот момент излишне абсолютизируется, и даже вульгаризуется, если не сознательно извращается. Во-первых, в таком примитивном виде это положение и марксистским-то считать затруднительно. Если даже в эстетике еще недавние рьяные защитники идеи «искусства как формы познания» сегодня пишут, что это не они, а именно «марксистская концепция искусства как формы общественного сознания» заставляла «теоретика проделывать мыслительные фигуры высшего пилотажа» чтобы как-то объяснить, «каков общественный или мыслительный механизм перехода от экономических явлений к художественным»¹¹². В свое время мне пришлось все это очень хорошо ощутить на себе лично, а вот теперь, поди ж ты: виновата «марксистская концепция»!.. Хотя, во-первых, автор просто лукавит: казалось бы, уж утверждающему это экс-«верному марксисту-ленинцу» полагалось бы знать достаточно известные слова Энгельса¹¹³ о том, что сведение всех социальных процессов исключительно к экономическим факторам является профанацией марксизма. А во-вторых, некоторые социальные факторы, которые действительно не имеют *прямого* отношения к экономическим процессам, тем не менее, играют важнейшую роль в *организации* общества как субъекта этих процессов, оказывая на них, таким образом, хотя и *косвенное*, но исключительно важное влияние.

При этом необходимо иметь в виду, что это *только общество как целое* осуществляет свое взаимодействие с природой *исключительно* в целях своего выживания и развития. А вот *отдельные индивиды*, через которых это взаимодействие осуществляется, движимы при этом своими *собственными потребностями*, которые связаны с конечной целью всего общества весьма сложным путем. Поскольку обеспечивают они не только осуществление *самих* действий по отношению к природе, но и требующуюся при этом общественную организацию, без которой данные действия невозможны. Действия же в последнем направлении в конкретных случаях вполне могут противоречить экономическим стимулам, чаще всего упрощенно понимаемым исключительно как стремление к обеспечению материальных, «жизненных» (т. е. *индивидуальных*) потребностей человека. В реальности же не менее (а иногда и

¹¹² Борев Ю. Эстетика. М., 2002. С. 145.

¹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 37. С. 396.

более) важную роль для конкретного человека играют его *общественные* потребности, которые могут принимать различную форму. А они, по существу будучи направленными на сохранение общества как целого, тем не менее также воспринимаются индивидом как *свои собственные*.

Итак, относительно процесса производства *объективная* цель общества – получение предметов потребления, обеспечивающих его существование. А вот *субъективные* цели участников этого процесса другие. Если в доклассовый (и, будем полагать, когда-нибудь в послеклассовый) период их можно считать в значительной мере совпадающими с целями общества, то в классовый они от них существенно отличаются. Скажем, при капитализме ни собственники средств производства, ни приводящие последние в действие носители рабочей силы *лично перед собой* таких задач не ставят. Их субъективные цели совершенно другие: у собственника средств производства это прежде всего *производство капитала*, т. е. получение прибавочной стоимости, а у носителей рабочей силы главная цель – ее *воспроизводство* (а иногда – просто выживание).

С непосредственными исполнителями здесь все ясно. Маркс подробно разъяснил, как определяется «доля» рабочих в том, что ими произведено. И хотя сделал он это для условий капиталистической общественно-экономической формации, все им сказанное (хотя и с некоторыми оговорками) касается также других классовых способов производства. Для обеспечения своего биологического существования они получают плату, в среднем эквивалентную стоимости продуктов, необходимых для *воспроизводства* рабочей силы через удовлетворение своих «жизненных потребностей» (по Марксу «есть, пить, одеваться, иметь жилище»). Все остальное произведенное ими представляет собой *прибавочную стоимость*, присваиваемую собственником средств производства и используемую им по своему усмотрению¹¹⁴. То есть для достижения все той же цели (удовлетворения собственных потребностей) собственник средств производства (капиталист) использует *полномочия собственника*. Как мы видели, эти полномочия включают *владение, распоряжение и пользование* ими, отражая разные стороны данного отношения. При этом каждое из трех отмеченных выше полномочий используется им по-разному, в том числе и во взаимодействии с различными субъектами.

Владение средствами производства обращено как бы *вовне* данного отношения, определяя соответствующий статус конкретного собственника относительно других собственников, его взаимоотношения с ними, формально фиксируя принадлежность данных средств производства именно ему, а не

¹¹⁴ При этом нужно принимать во внимание относительность этого момента. Энгельс особо подчеркивает, что даже по отношению к «той неоплаченной части продукта, которую рабочий должен отдавать своему предпринимателю», данный капиталист «не является ее последним и исключительным собственником» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23, С. 32). Или, говоря словами Маркса, «капиталист должен поделить прибавочную стоимость между своим карманом и третьими лицами» (там же, С. 531). Ибо он, хотя и «производящий прибавочную стоимость, ...отнюдь не является ее окончательным собственником» (там же, С. 576). Уже хотя бы потому, что капиталист *входит в господствующую социальную группу*, которая как целое для обеспечения своего господства также требует затрат, компенсируемых именно из прибавочной стоимости.

кому-нибудь другому. Это разграничивает их полномочия, очерчивает их права на сохранение собственности, а при необходимости и ее отчуждения с передачей права владения другому субъекту. При этом *владение* средствами производства определяет взаимоотношения как с другими собственниками средств производства (хотя бы в отношении обмена производимыми товарами)¹¹⁵, так и с непосредственными исполнителями, «владеющими» только своей рабочей силой. В зависимости от их объема и характера собственник средств производства как сам может осуществлять это и другие полномочия, так и делегировать их другим особам – если это способствует достижению его целей. Скажем, полномочия в области владения могут быть временно переданы арендатору, который получит право (но ограниченное) как распоряжаться данной собственностью, так и пользоваться ее. А для самого собственника владение ею является также основанием для реализации другого своего полномочия – распоряжения.

А право *распоряжения* средствами производства предоставляет их собственнику возможность командования купленной им рабочей силой. Это наиболее активный фактор, так как он предполагает возможность *управления* через это командование функционированием и *самых средств производства*. А стало быть, право контролировать весь процесс, фиксируя таким способом свой руководящий статус в этом процессе. Но процесс производства может иметь различный уровень сложности, в том числе и такой, при котором собственник средств производства уже не в состоянии самостоятельно справиться с его организацией и научно-техническим обеспечением. В этом случае собственник, реализуя свое право распоряжения средствами производства (т. е. командование трудом непосредственно применяющих их рабочих в соответствии с его *собственной волей*), *делегирует* определенную часть своих полномочий собственника *другим лицам* (как бы представляющих его в процессе *управления* производством и реализующие при этом не свою волю, а *волю собственника*) на управление всем или определенной частью производственного процесса для более эффективного его осуществления. А вот право распоряжения *самой собственностью*, которой он владеет, собственник, как правило, всегда оставляет за собой.

Однако собственник средств производства не только готов, но и стремится принимать на себя все эти заботы только в том случае, если он таким способом достигает какой-то *своей собственной* цели, реализуемой в третьей составляющей отношений собственности – *пользовании* ими. Это значит, что через принадлежащие ему средства производства их собственник удовлетворяет какие-то свои потребности, которые он не может удовлетворить другим путем (например, выполняя в соответствии со своим уровнем квалификации какую-то работу за счет получаемой заработной платы). Ибо только через пользование средствами производства он может получить *прибавочную стоимость* – то, что позволяет ему *стать и оставаться*

¹¹⁵ «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами... Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 94).

капиталистом. Соответственно пользование именно *этим* продуктом применения средств производства (прибавочной стоимостью, а значит – капиталом) является *главным стимулом* его собственной деятельности. Но это уже касается не его «жизненных» (индивидуальных) потребностей, а потребностей *общественных*.

О существовании принципиально различных видов потребностей человека говорили многие исследователи. Так, например, выдающийся экономист Дж. Кейнс прекрасно понимал, что «экономическая проблема, борьба за существование до настоящего времени была (добавим: и впредь навсегда останется – Л.Г.) основной, самой насущной проблемой человечества – и не только человечества, но и всего живого, вплоть до начальных, простейших форм жизни» (то есть любых самоорганизующихся биологических систем). Но касаясь движущих факторов применительно к *отдельным индивидам* он вполне справедливо полагал, что здесь действуют именно *личные* потребности человека, причем это потребности двух типов, которые он считал «абсолютными» (т. е. теми, что мы здесь определили как индивидуальные), и «относительными» (именуемые здесь общественными).

Еще в 30-х годах прошлого века Кейнс писал: «человеческие потребности могут оказаться ненасыщаемыми. Но их можно разделить на два класса; абсолютные, испытываемые нами независимо от происходящего с остальными людьми, и те, которые мы ощущаем только если их удовлетворение поднимает нас над остальными, дает возможность почувствовать свое превосходство (их можно назвать относительными). Потребности второго класса, обусловленные нашим желанием превосходить других, могут быть ненасыщаемыми: чем выше общий уровень, тем они интенсивнее. Но это не так для абсолютных потребностей; скоро ... мы сумеем достигнуть точки, когда эти потребности будут удовлетворены, а освободившуюся энергию мы предпочтем посвятить неэкономическим целям»¹¹⁶. Но частные собственники средств производства, «абсолютные» потребности которых практически всегда *уже* насыщены, испокон веков как раз *так и поступают*. Независимо от того, насколько «насыщены» «абсолютные» потребности *других* людей, превалирующую часть своей энергии они прилагают именно к таким вроде бы «неэкономическим целям» как насыщение *своих* «ненасыщаемых» потребностей – причем именно *экономическими* методами. И пока они существуют, изменить ситуацию не удастся.

Конечно, недопустимо, как это делает Кейнс, сводить все общественные потребности к стремлению «почувствовать свое превосходство» над другими людьми. Выраженная именно таким образом потребность в общественном самоутверждении, по-видимому, действительно наиболее характерна для классового общества, но это лишь извращенное стремление нормального человека заслужить положительную оценку со стороны общества. Тем более, что существуют еще эстетические потребности и потребности в общении, удовлетворяемые несколько иначе. Однако для господствующего класса во

¹¹⁶ Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков. Вопросы экономики. №6. 2009. С. 63-64.

всех классовых общественно-экономических формациях характерно и в этих случаях использование своего господствующего, в том числе и экономически, положения. Что и делают собственники средств производства, используя свои полномочия на владение, распоряжение и *пользование* ими.

Таким образом, результатом производства непосредственно *для его участников* является, в конечном счете, удовлетворение их *индивидуальных* и *общественных* потребностей. Форма этих потребностей и способ непосредственного их удовлетворения в конкретных случаях могут весьма существенно различаться. Однако в принципе в классовом обществе они остаются постоянными: воспроизводство рабочей силы (удовлетворение «жизненных потребностей») участников производственного процесса осуществляется за счет *необходимого* рабочего времени, а удовлетворение потребностей общественных – за счет *прибавочного*.

Это касается как собственника средств производства, так и носителей рабочей силы. Но если собственник средств производства удовлетворяет свои «жизненные потребности», так сказать, походя, между прочим (Маркс: «Мы отвлекаемся здесь от той части прибавочной стоимости, которая проедается самим капиталистом»¹¹⁷), а основные усилия направляет на удовлетворение потребностей *общественных*, то у рабочих все наоборот. Продают они свою рабочую силу ради удовлетворения *индивидуальных* («жизненных») потребностей. Именно для этого они преимущественно используют выдаваемую им предпринимателем зарплату. А уж об удовлетворении общественных потребностей, без чего никакой человек не может оставаться человеком, они должны позаботиться сами. Что они и делают, тратя на это свое *свободное* время – уже *вне непосредственного процесса производства*¹¹⁸.

Так что в основном общественные потребности непосредственными производителями все же удовлетворялись – за счет функционирования *общины*, игравшей весьма существенную социальную роль. Это происходило на протяжении веков и во всех общественно-экономических формациях, хотя необходимого для этого свободного времени (а тем более материальных средств) у непосредственных «работников физического труда» было крайне мало. Имело это место и на начальной стадии развития капитализма, когда рабочие, подобно рабам, вели почти полуживотное существование. Однако позже ситуация изменилась, и государство собственников в метрополии стало тратить на эти цели часть средств, выкачиваемых из колоний. Что, кстати, привело в «цивилизованных странах» к важным последствиям, в частности, к развитию индивидуализма и фактической гибели общины – в отличие от тех же колоний (ныне «развивающихся стран»), где она и сегодня все еще продолжает играть немаловажную роль.

¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, С. 259. На самом деле это не так, поскольку капиталист, как и рабочие, будучи участником производственного процесса, «проедает» (т. е. обеспечивает свое биологическое существование) *свою* часть средств, зарабатываемых *всем* предприятием как «обобщенным рабочим», включая управленцев и *самого предпринимателя*, в *необходимое* рабочее время.

¹¹⁸ Хотя в определенных случаях собственнику средств производства все же иногда приходилось тратить на это *свои* средства (т. е. из той же прибавочной стоимости, произведенной теми же или другими работниками): взять хотя бы знаменитое «Хлеба и зрелищ!».

Выше мы уже кратко рассматривали общественные потребности, присущие человеку как составляющему элементу общества и призванные обеспечить его поведение в соответствии с нуждами последнего. И что в них входят *эстетическая потребность* как средство оценки объектов «с точки зрения» общества, *потребность в общении* как обеспечивающая необходимую коммуникацию между членами общества, и *потребность в самоутверждении* в качестве члена общества. Чтобы человек оставался человеком, все эти потребности нуждаются в удовлетворении так же, как и индивидуальные, обеспечивающие его *биологическое* существование.

В эгалитарном первобытном обществе они удовлетворялись автоматически посредством деятельности каждого его члена, направленной на удовлетворение индивидуальных потребностей *всех* членов рода, и не нуждались в каких-то особых действиях. Но развитие общественного разделения труда, приводящее к возникновению обособленных социальных групп с различными (постепенно становящихся все более противоположными) интересами, существенно изменило положение. И если в отношении удовлетворения индивидуальных потребностей общество еще долго оставалось эгалитарным¹¹⁹, то для удовлетворения потребностей общественных приходилось прилагать особые усилия. Уже наделение отдельных членов общества полномочиями по распоряжению определенными средствами производства, как мы видели, ставят данных индивидов в особое положение, способствующее их общественному самоутверждению. С изменением форм собственности на средства производства возможности *отдельных* членов общества в удовлетворении своих общественных потребностей постепенно расширяются. А с возникновением классового общества в этом отношении происходит резкое *размежевание* социальных групп. Но этими вопросами мы займемся при исследовании влияния общественного разделения труда на формирование различных способов производства – общественно-экономических формаций.

Здесь же рассмотрим еще один важный вопрос, связанный со становлением и функционированием вертикального общественного разделения труда. Как уже неоднократно отмечалось, становление классового общества предполагает образование двух основных социальных (производственных) групп, занимающих в процессе производства различное положение. Одна из них, *в целом* реализующая функции так называемого «умственного труда», *обеспечивает организацию* необходимого обществу производственного процесса, а вторая, выполняющая функции «физического труда», *непосредственно реализует* сам производственный процесс. При этом первая

¹¹⁹ Жизнеобеспечение каждого члена первобытного коллектива, в отличие от удовлетворения его общественных потребностей, не зависело от его вклада в общее дело, и никем не регулировалось, кроме него самого. Скажем, форма распределения пищи между его членами «не предполагала раздела пищи между членами коллектива. Ни одному члену коллектива никем – никакими другими его членами и не коллективом в целом – не выделялась определенная доля. Каждый просто сам брал ее из массы продукта, находящегося в собственности и распоряжении коллектива в целом, причем с таким расчетом, чтобы не лишить остальных членов коллектива возможности взять свою долю» (История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 508).

из них (менее численная) благодаря этому владеет, распоряжается и пользуется средствами производства, а вторая (значительно более многочисленная) представлена носителями рабочей силы, под руководством первой приводящая эти средства производства в действие. Благодаря такому разделению труда первая группа является господствующей, имеющей ряд разнообразных преимуществ, а вторая – угнетенной, в своем существовании полностью зависящей от первой. И такое положение (в различных конкретных формах) существует на протяжении многих тысячелетий. Невольно возникает вопрос: как же на протяжении столь длительного времени многочисленные угнетенные терпят господство значительно менее численной социальной группы?

Ну, во-первых, терпели далеко не всегда. История полна примерами восстаний угнетенных против своих поработителей. Но все они заканчивались восстановлением status quo. Даже в тех редких случаях, когда восставшие побеждали, ситуация раньше или позже возвращалась к исходным позициям, хотя при этом могла смениться господствующая социальная группа. Для своего существования общество должно иметь производственные отношения, соответствующие наличным на данный момент производительным силам, и с этим ничего поделать нельзя. Причем по факту существующие производственные отношения обыкновенно выгодны не только господствующей, но и угнетенной социальной группам. Скажем, при становлении рабовладельческого общества, несмотря на существенное снижение социального статуса его членов, попадающих в угнетенную социальную группу, за счет повышения общественной производительности труда общие условия жизни по сравнению с предыдущим состоянием улучшаются и для них. Например, есть основания полагать, что именно установление владычества инков над рядом индейских племен имело для последних следствием улучшение питания и увеличение продолжительности жизни¹²⁰.

Но стабилизация производственных отношений реализуется в обществе не непосредственно, а через определенную *идеологию*, формируемую в нем на протяжении весьма длительного времени, для каждого отдельного индивида психологически фиксирующую его социальный статус и определяющую таким образом основной вектор его поведения. Именно она обеспечивает всеобщую приемлемость, внутреннюю убежденность в *справедливости* данной формы общественного разделения труда, и обеспечивает стабильность производственных отношений как наиболее соответствующих *общим* объективным целям общества при данном состоянии производительных сил – независимо от интересов конкретных индивидов или даже их достаточно больших групп.

Для иллюстрации воздействия идеологических установок на поведение конкретных индивидов и их локальных групп воспользуемся примером, приводимым М. Вебером при сравнительном рассмотрении католической и

¹²⁰ Jonson A.W., Earle T. The Evolution of Human Societies from Foraging Group to Agrarian State. Stanford, 1987. P. 268.

протестантской идеологии. Он сравнивает поведение двух групп жнецов, которым хозяин повысил расценки. В ответ на это католики *снизили* производительность труда, а протестанты ее *повысили*. Не следует думать, что здесь просто вторые оказались более жадными, чем первые. В обоих случаях удовлетворение индивидуальных (материальных, «жизненных») потребностей, очевидно, вполне обеспечивалось еще до повышения расценок. Свободное же время использовалось для удовлетворения общественных («духовных») потребностей. После повышения расценок все еще пропитанные общинным духом католики, по-видимому, решили, что для удовлетворения все тех же индивидуальных потребностей им хватит той же заработной платы, зато останутся время и силы для более полного удовлетворения потребностей общественных, хотя бы путем интенсификации общения. А проникнутые уже «духом капитализма» индивидуалисты-протестанты воспользовались случаем еще больше повысить выработку, поскольку в соответствии с их представлениями сам факт большего заработка, даже независимо от возрастания возможности удовлетворения индивидуальных потребностей, повышал их чувство самоуважения, т. е. способствовал удовлетворению потребностей общественных. Данное явление характерно для капитализма вообще, и стремление «делать деньги» для многих «приобретает значение *этической* максимы, которой подчинен весь образ жизни»¹²¹. А уж для капиталиста-предпринимателя эта «этическая максима» является важнейшим стимулом к его деятельности.

Еще один характерный момент, также связанный с различием католической (с феодальными рудиментами) и протестантской (уже вполне капиталистической) идеологии. При колонизации Америки Западной Европой по всему континенту наблюдалась необыкновенная жестокость по отношению к местному населению как католиков (преимущественно испанцев и португальцев), так и протестантов (англосаксов). Методы ограбления аборигенов, применявшиеся как теми, так и другими, приводили к их массовому вымиранию. Однако были и различия, сказавшиеся на конечных результатах. Внешне, казалось бы, различия сугубо идеологического характера: католики у индейцев признавали наличие души, а протестанты – нет. Но, как следствие, в Южной и Центральной Америке католики оказались более прагматичными, истребляя аборигенов без фанатизма, только так сказать по мере целесообразности при достижении их непосредственных целей, а потому индейское население все же сохранилось. А протестанты в Северной Америке с их тотальным подходом сознательно и последовательно вели систематический (и весьма успешный) геноцид местного населения, практически полностью его уничтожив.

Хотя «в оправдание» последних следует привести один веский «аргумент», также имеющий сугубо идеологический характер, но уже касающийся местного населения. Как католики, так и протестанты для успешной колонизации нуждались не только в земле, но и в тех, кто будет для

¹²¹ Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму. К., 1994. С. 49.

них на ней работать, в данном конкретном случае – в рабах. А что же прежде всего вынуждает работников «физического труда» (рабов, крепостных, рабочих) систематически выполнять распоряжения собственников средств производства? Ответ здесь может быть только один: соответствующие *идеологические установки общества*. Конкретно создаются и периодически подкрепляются данные установки иначе: либо «силовым» путем – посредством воздействия на индивидуальные потребности работников в относительно комфортных (хотя бы терпимых!) условиях жизни (а то и в ее сохранении), либо «экономическим» – посредством воздействия на потребности, прежде всего связанные с процессами метаболизма («в мире есть царь: этот царь беспощаден, голод название ему» – Н.Некрасов). Чаще использовалась комбинация этих методов.

Но если соответствующие идеологические установки не созданы (а это очень длительный и сложный процесс), никакими «силовыми» и «экономическими» методами нельзя *навязать* никакое общественное разделение труда людям, которые его *принципиально* не приемлют. Белым американцам, несмотря на все старания, так и не удалось сделать из индейцев рабов. Их просто уничтожили, а рабов завозили аж из Африки: та ступень общественного развития, на которой находились североамериканские индейцы, в отличие от членов многих африканских социальных образований, *категорически* не допускала и мысли об эксплуатации человека человеком. Члена такого общества можно убить, но никакой силой нельзя превратить в раба. А вот в Центральной и Южной Америке, хотя и не без труда, это удалось, так как соответствующая идея уже ранее была «внедрена в массы» в империях инков, ацтеков и т. п.

Таким образом, развитие производительных сил общества вызывало изменение в формах общественного разделения труда, а последнее через воздействие на индивидуальные и общественные потребности индивидов обеспечивало формирование соответствующих отношений собственности на средства производства – основного фактора для производственных отношений в обеспечении их соответствия наличным производительным силам.

10. СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА – РЕВОЛЮЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Итак, общественное разделение труда возникло *внутри* первобытного племени как следствие развития его производительных сил. Оно изменялось и совершенствовалось по мере этого развития, приводя к весьма существенным изменениям также всего уклада в племени вследствие изменения социального положения отдельных его членов. Такие изменения постепенно трансформировали существующие в нем эгалитарные отношения, внося в них элементы *социального неравенства*, приобретающие все более важное значение в жизни общества, и таким образом, по сути дела, в конечном счете положили конец его существованию в первоначальном виде. Эти преобразования происходили чрезвычайно медленно, поскольку медленным было и развитие производительных сил. Однако оно все же было гораздо более интенсивным, чем в предыдущем периоде. Данный же период – от первобытного племени до первых классовых (рабовладельческих) государств, на протяжении которого осуществлялся переход от экономики собирательства к производящей экономике, – занял несколько тысячелетий. К его окончанию конкретный социум уже не представлял собой изначального *целостного биологического организма*. Однако он и не исчез: история показывает, что «всегда имеется определенный общественный организм, общественный субъект, действующий в более или менее обширной совокупности отраслей производства»¹²², который можно было бы назвать если не общественным, то *социальным организмом*. В течение всего указанного переходного периода это было некоторое социальное образование в виде *относительно* целостного квазиорганизма – *общины*, форма которой менялась по мере возрастания уровня производительных сил, установления внешних связей, и, соответственно, эволюции форм *общественного разделения труда* (и соответствующих им форм *отношений собственности*).

Указанные факторы, как и являющиеся их показателем отношения собственности, формировались в зависимости от конкретных условий существования данного социума. Существенные различия в условиях жизни, как, впрочем, и выработанных на протяжении длительного времени исторических традиций, приводили к множеству различных их вариантов, общим для которых было то, что все они ввиду своеобразных форм общественного разделения труда отличались отношениями собственности, *расщепленными по своему субъекту*. Часто определяемые конкретными условиями существования отношения владения, распоряжения и пользования по объектам и субъектам создавали в этот период весьма сложное переплетение форм собственности, которые постоянно изменялись при изменении упомянутых условий существования, непосредственно влияющих на характер общественного разделения труда, объективно подготавливая почву для возникновения *частной собственности*. Позже это существенно

¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 12. С. 712.

затрудняло их анализ исследователями, рассматривающими отношения собственности в социальных образованиях позднепервобытного и раннеклассового периодов.

Вопрос об изменениях форм собственности в период разложения родового строя заслуживает самого пристального внимания и специального изучения, что, однако, не входит в задачи настоящей работы. Отметим только некоторые важные моменты. Как мы видели, процесс начался с выделения функции *распоряжения*. Функция *владения* в период общины оставалась наиболее обобществленной – сначала реально, а затем номинально. Функция *пользования* подвергалась «приватизации» по мере развития производящей экономики. В частности, это положение касалось собственности на землю. Так, Энгельс отмечал, что в роде американских индейцев «земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам»¹²³.

Иерархичность прав собственности в позднепервобытной общине признается большинством современных исследователей. Обычно право *владения* землей закреплялось за общиной как целым; *распоряжаться* ею мог только род в лице своих органов управления; отдельным же семьям передавалось лишь право *пользования* земельными участками¹²⁴. «Индеец мог сделаться владельцем никем не занятого участка земли, если он его обрабатывал, и в этом случае он укреплял за собой право пользования землей, признаваемое и охраняемое обычаем племени»¹²⁵. «Обрабатываемая земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее самим родом ... – отдельным лицам»¹²⁶. Но традиция общинного *владения* была настолько глубока, что номинально владение иногда признавалось за древними обитателями данной территории, даже когда никто из них на ней уже не жил, хотя такое «владение» не давало никаких реальных прав¹²⁷.

В качестве примера расчлененных отношений собственности в эпоху, непосредственно предшествующую образованию классового государства, когда и функция владения фактически теряет свой общественный характер, можно привести так называемое «условное владение землей» в Китае эпохи Чжоу. Чжоуское общество уже подверглось далеко зашедшей стратификации, образовалась многоуровневая иерархическая система. Земля, раньше бывшая в общественной собственности, теперь считалась принадлежащей верховному правителю («вану»), как бы олицетворяющему общество в целом.

¹²³ Там же. Т. 21. С. 98.

¹²⁴ См., напр., *Бутинов Н.А.* Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев. Ранние земледельцы. М., 1980. С. 139.

¹²⁵ *Морган Л.Г.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934. С. 52.

¹²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 161.

¹²⁷ Следует отметить, что такого рода понятие собственности на территорию, занимаемую племенем или его частью, появляется только с появлением земледелия. В более ранние времена «собственность группы на определенный участок земли в тех условиях, когда основным видом деятельности данной группы является охота и собирательство, есть, в сущности, собственность на объекты данной производственной деятельности, имеющиеся на данном участке» (Хрустов Г.В. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе. Советская этнография. 1959. № 6. С. 34-35).

Находящуюся в его владении землю он передавал в распоряжение (условное владение) членам следующей иерархической ступени и в пользование (обработку) простолюдинам; то же происходило и на каждой последующей ступени иерархии; и только простолюдины, непосредственно обрабатывающие землю, не владели и не распоряжались ею. Передача земли в условное владение давала право передающему на подношения со стороны получающего, а передача в обработку – на получение ренты-налога¹²⁸.

Трудный и длительный процесс перехода от первобытного общества к классовому, составил огромную эпоху в развитии человечества, – эпоху распада родового общества и подготовки к формированию общества классового. А также эпоху постепенного выделения производства в самостоятельную, относительно отделенную от других (и определяющую другие) область общественной жизнедеятельности. А это создавало основу для дробления первоначально единого, но локального, общественного организма на его составляющие – индивидов (с сохранением, однако, общественной сущности последних) при развитии и укреплении связей между прежде разделенными общественными образованиями, для завершения первого фундаментального этапа общественного развития – *первого переходного периода* в развитии человечества (периода общины). И на протяжении всего этого периода имели место различные формы общественного разделения труда, и соответственно закрепляющей его расщепленной по субъектам и объектам собственности на средства производства, последовательно сменявшие друг друга таким образом, что в результате происходила их все большая «приватизация». Это продолжалось до тех пор, пока со становлением *классового общества частная собственность* (собственность на основные средства производства отдельных *индивидов* или их *групп*) не победила окончательно (кстати, первоначально именно в групповой форме). Дальнейшая эволюция собственности, вплоть до социалистической революции и, соответственно, начала *второго переходного периода*, благодаря новому (антагонистическому) виду вертикального общественного разделения труда продолжалась уже как смена различных форм *частной собственности* в классовом обществе.

Что же касается самого классового общества, то его формирование через становление антагонистического вертикального общественного разделения труда стало возможным вследствие двух важных результатов – материального и духовного – предыдущего этапа общественного развития. Во-первых, был достигнут определенный уровень производительных сил, позволяющий обеспечить получение *прибавочной стоимости*, что давало возможность революционного изменения вертикального общественного разделения труда. Ибо «пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невозможен прибавочный труд, невозможны,

¹²⁸ Крюков М.В. Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики). Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 218-219.

следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом – какой бы то ни было класс крупных собственников»¹²⁹. А во-вторых, постепенное развитие *социального неравенства* подготовило *идеологическую почву* к психологическому принятию антагонистических отношений господства и подчинения в обществе в качестве естественного его состояния.

Что же касается самого процесса становления классового общества, то он, в отличие от предыдущих социальных процессов, стал следствием уже не *внутренних*, а *внешних* отношений. Сколь бы ни стало уже привычным социальное неравенство в общине, общественные отношения в ней все же не допускали для внутриобщинного разделения труда возможности столь кардинального понижения социального статуса большинства соплеменников, как превращение их в рабов. Это представлялось возможным только по отношению к «чужакам» («патриархальное рабство»), которых часто и за людей-то не считали: «“Мы” первобытного человека – это только родоплеменная общность. Он не знает ... родового понятия “человек” (человек – только соплеменник, все остальные – “чужие”...)»¹³⁰.

Участившиеся контакты между отдельными социальными образованиями (общинами) приводили к установлению между ними тех или иных отношений (некоторые из них были отмечены выше), в том числе и неравноправных, с эксплуатацией одной общины другой. История знает значительное число различных форм таких отношений. Так, это мог быть просто отдельный грабительский набег, набеги постоянные, обложение данью, систематические поборы (полюдье¹³¹ и т. п.). Специально рассматривать их здесь не имеет смысла, поскольку эти формы представляли собой не *новый способ* общественного разделения труда, а лишь ситуативное *паразитирование* одних социальных образований на других с сохранением в основном у обоих предшествующих укладов. Первым же классовым образованием, принципиально меняющим ситуацию с общественным разделением труда, явилось *рабовладельческое государство*, когда насильственное соединение различных социумов приводит к формированию качественно нового *единого* социального организма.

Вот как представлял себе этот процесс К. Каутский: «Племя победителей подчиняет себе племя побежденных, присваивая себе и всю их землю и затем принуждает побежденное племя систематически работать на победителей ... Возникает деление на классы, но не вследствие деления общины на различные подразделения, но вследствие соединения в одно двух общин, из которых одна делается господствующим и эксплуатирующим, а другая эксплуатируемым и

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 520.

¹³⁰ Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 189.

¹³¹ «Экономическое содержание полюдья прежде всего заключалось в том, что оно устанавливало продолжительное, относительно регулярное, фиксируемое обычаем изъятие прибавочного продукта (тут точнее было бы сказать – «избыточного продукта» – Л.Г.) у организованных в общины мелких производителей при личном участии глав ранних государств ... в виде дани на месте его производства» (Кобыщанов Ю.М. Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству. От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 136).

угнетенным классом; принудительный же аппарат, который создают победители для управления побежденными, превращается в государство»¹³².

Каутский не без основания считал, что чаще всего происходило покорение земледельческих племен скотоводами-номадами. В результате дополнительно возникает *новое общественное разделение труда*, но не между племенами, а *внутри нового* единого социального образования, возникающего «когда племя номадов-завоевателей закрепляется в области какого-либо [земледельческого] племени». «Заранее исключено, чтобы номады могли продолжить здесь свое прежнее занятие. ... Организация государства осуществляется лишь там, где вторгшееся племя не превращается совсем или отчасти в земледельцев, живущих своим трудом, а превращается в эксплуататоров, которые берут на себя функции управления и объединения эксплуатируемых»¹³³. То есть здесь происходит не столько технологическое (горизонтальное), сколько социальное (вертикальное) общественное разделение труда. При этом, в связи с его все еще не слишком высокой производительностью, «только в том случае, если победившему племени номадов удалось покорить целый ряд оседлых племен и объединить их в единое общество под своим господством, только тогда победители могли бы полностью посвятить себя функции управления на основе насилия и объединения побежденных, полностью существовать на доход от их эксплуатации и отказаться от своего прошлого промысла. Только в этом случае было бы создано настоящее государство»¹³⁴. Так они и создавались, причем новое вертикальное общественное разделение труда в них существенно способствовало повышению его производительности.

Таким образом, именно «первое (!) крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности, при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»¹³⁵. Соответственно одна из указанных групп через установления своей собственности на средства производства осуществляла господство в производственных отношениях, *владея, распоряжаясь и пользуясь* средствами производства данного социума в своих интересах. Вторая же была поставлена в подчиненное положение для непосредственного выполнения производственных функций с использованием наличных орудий производства. Но при этом и сама она была превращена в «неорганическое условие производства» (Маркс), т. е. в *особый вид средств производства* («говорящие орудия» наряду с «молчащими» и «мычащими»), приводящий в действие остальные. Так где-то порядка шести тысячелетий тому назад после первобытного (а точнее, уже общинного с развитой внутренней

¹³² Каутский К. Материалистическое понимание истории, Ч. II. М.-Л., 1931. С. 77.

¹³³ Там же, С. 117.

¹³⁴ Там же, С. 118.

¹³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 161.

стратификацией) периода начался новый – *классовый* – период общественного развития, принимавший в разные исторические периоды различные формы, но в целом продолжающийся поныне.

Итак, формирование классового общества, основывающееся на антагонистическом вертикальном общественном разделении труда («труда умственного» и «труда физического»), привело к весьма существенному повышению его производительности. Это проявилось уже с формированием рабовладельческого государства. Государство как *новая форма* социальной организации, как новый *социальный квазиорганизм*, оказалось наиболее удачным его видом и сохранялось в тех или иных формах на всем протяжении классового периода существования человечества. Ситуация начала меняться только в наше время, но к этому вопросу мы вернемся ниже. А начиналось все с государства рабовладельческого. Благодаря четкому и определенному классовому делению, дающему существенный синергетический эффект за счет массовой организации рабочей силы¹³⁶, рабовладельческий строй оказался самым устойчивым из классовых способов производства. Он длился несколько тысяч лет – больше половины всего времени существования классового общества. Но каждому способу производства свойственны свои противоречия, которые благодаря развитию производительных сил раньше или позже приводят к его разрушению и становлению нового, базирующегося на другом виде общественного разделения труда.

И коренятся эти противоречия в способах удовлетворения участниками процесса производства своих *потребностей*, непосредственно определяющих их поведение. Становясь неразрешимыми в рамках данного общественного уклада, они приводили в конце концов к разрушению не только отдельных государств, но и самого того или иного общественного уклада. Эта участь постигла, в частности, и рабовладельческие государства, как и рабовладельческий строй в целом. Поэтому прежде, чем перейти к роли общественного разделения труда в изменении производственных отношений в соответствии с развитием производительных сил общества, еще раз посмотрим, какими же стимулами конкретно руководствуются индивиды, вступающие в эти отношения.

Данный вопрос касается обоих производственных классов, но прежде всего класса господствующего как определяющего в основном социальные процессы в обществе. Разумеется, в конечном счете как индивидуальные, так и общественные потребности отдельных индивидов отражают фундаментальные нужды общественного организма, обеспечивая его функциональную целостность, но зависимость между ними имеет весьма сложный и изменчивый характер, по-разному проявлявшийся на различных ступенях общественного развития касаясь различных социальных групп, но всегда кардинально влияя на социальные процессы.

Выше мы уже рассматривали вопрос о потребностях человека, однако в

¹³⁶ «Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 335)

связи с их ролью в организации общества придется обратиться к этому вопросу еще раз. Тем более, что удовлетворение своих потребностей индивидами в первобытном и классовом обществе отличаются довольно значительно. *Индивидуальные* потребности каждого члена первобытного общества удовлетворялись благодаря *совместному* результату деятельности всех его членов, и разве что косвенно зависели от личного вклада конкретного индивида. В обществе же классовом каждый его член именно своей *личной* деятельностью должен был обеспечить их удовлетворение. И прежде всего это касалось члена угнетенной социальной группы, составляя его главную задачу, поскольку для него они были в прямом смысле слова «жизненными». Члену же господствующей социальной группы его принадлежность к ней делала данную задачу второстепенной, выдвигая на первый план удовлетворение его *общественных* потребностей.

Относительно угнетенного (эксплуатируемого) класса конкретно рабовладельческого общества в некотором смысле можно сказать, что установившееся в последнем разделение труда в основном сказывалось на удовлетворении *индивидуальных* потребностей его членов. Произведенный продукт частично или полностью изымался классом эксплуатирующим, от которого зависела доля продукта, предоставлявшаяся (или оставлявшаяся) членам класса эксплуатируемого для удовлетворения их «жизненных нужд». А господствующий класс волевым путем ограничивал эту долю, как правило, минимумом, необходимым для воспроизводства рабочей силы класса угнетенного. Вследствие этого увеличение производства продукта не могло являться *непосредственным* стимулом для деятельности эксплуатируемых. В той или иной степени оно могло действовать только опосредованно через эксплуататоров. Но такой «материальный» стимул касался предметов потребления если и выполнял какие-то функции, то только ограниченные и вспомогательные. Поэтому в решении задачи побуждения к труду более важную роль играли средства, основывающиеся на насилии. Прежде всего, это разнообразные виды наказаний, направленных на фрустрацию других потребностей, начиная с потребности в продуктах питания. В основном же это касалось потребности в комфортных условиях существования (от разных степеней ограниченного физического воздействия до лишения жизни). Причем обыкновенно реальное его осуществление и не требовалось, достаточно было только постоянно существующей вполне реальной угрозы. Все это определяло характер идеологических установок эксплуатируемого класса.

Что касается удовлетворения потребностей *общественных*, без которого человек не может оставаться человеком, то применительно к угнетенному классу эта проблема рабовладельцев, вообще не считавших рабов людьми, совершенно не заботила. Поэтому процесс их удовлетворения для членов угнетенного класса обеспечивался общиной, в той или иной форме продолжавшей существовать в угнетенном классе рабовладельческого (а затем и феодального) общества. Народное творчество, традиции и обряды, общение с сородичами и соседями, ощущение принадлежности к некоторому социальному целому удовлетворяло, пусть и на самом минимальном уровне, потребности

каждого члена общины в красоте, общении и самоутверждении. В этом смысле можно было бы говорить о творческом характере *данного процесса*. Но вот творческого отношения к средствам производства, к орудиям труда и самому трудовому процессу члены эксплуатируемого класса вследствие их социального положения были лишены напрочь, что существенно снижало общий интеллектуальный потенциал социума вообще, и негативно влияло на производительность труда исполнителей в частности.

Фактически этот потенциал существовал только за счет эксплуатирующего класса, заинтересованного в увеличении производимого продукта. Изымаемый продукт и господствующее положение обеспечивали членам этого класса не только удовлетворение их *индивидуальных потребностей*, но и свободное время для соответствующей профессиональной подготовки и горизонтального разделения труда (специализации) для занятий различной «умственной» деятельностью, необходимой для управления общественными процессами, накопления знаний и развития технологии (административная деятельность, наука и техника, военный и идеологический аппарат и т. п.). Успехи человека в одной из областей объективно способствовали развитию производительных сил и повышению производительности труда, а субъективно – удовлетворению *общественных потребностей* членов господствующего класса.

А что касается *потребностей общественных*, отражающих нужды общества как целого, то, как уже упоминалось, наоборот, их удовлетворение в первобытном обществе его членом осуществлялось прежде всего как раз посредством его *личной* деятельности на благо общества. В классовом же обществе (отнюдь не только рабовладельческом) с антагонистическими отношениями между полярными социальными группами первое место в этом у члена господствующей социальной группы занимает именно *личная* принадлежность к данной группе. Член же угнетенной социальной группы, как отмечалось выше, получал возможность (уже непосредственно не связанную с производством) как-то удовлетворять свои общественные потребности исключительно благодаря принадлежности к *общине*.

Что же касается положения *внутри* господствующей социальной группы (а значит, и в обществе в целом), то определенная возможность их адекватного удовлетворения за счет выполнения определенных социальных функций имеется и активно используется членами господствующего класса. Однако она все же достаточно ограничена, вследствие чего для этой цели используются и другие методы – опять же за счет личной деятельности. Прежде всего, на косвенное удовлетворение указанных потребностей направляется часть изымаемого продукта в виде особого типа материальных объектов, предназначенных специально для указанной цели. Такие объекты получили наименование *предметов роскоши*.

Четкого определения предметов роскоши как особого вида материальных объектов сегодня не имеется. Неоднократно обращаясь к вопросу о них, Маркс также не дал позитивного их определения, ограничившись негативным, вроде: «все то, что не является предметом необходимости, не входит в обычное

потребление рабочего класса»¹³⁷ (т. е. фактически в число объектов, направленных на удовлетворение «жизненных потребностей»). Однако все без исключения предметы потребления направлены на удовлетворение каких-то потребностей – иначе они бесполезны. Каких же? Ответ может быть только один: если не индивидуальных, то общественных – здесь третьего не дано. Главное же назначение предметов роскоши – *наглядно фиксировать социальный статус* их владельца. При этом данную функцию могут исполнять и предметы, формально предназначенные для совершенно других, вполне утилитарных функций. Но что касается собственно предметов роскоши, потребляемых членами господствующих социальных групп, эти другие функции отходят на второй план, и являются скорее предлогом: «их алмазы, норковые шубы и личные купальные бассейны нельзя, безусловно, считать предметами действительно первой необходимости. Это скорее всего отличительные знаки их богатства, которые должны показывать их процветание по сравнению с остальной частью населения»¹³⁸. Таким путем негативное определение переходит в позитивное: предметы роскоши – что бы они собой не представляли конкретно – оказываются тем, что *отличает* господствующий класс от угнетенного, разграничивает их между собой. Обычно в качестве таких «отличительных знаков» применяются либо специально созданные, либо используемые с этой целью (сюда же относится и повышение количества и качества предметов потребления сверх «жизненно необходимого») искусственные материальные предметы.

Но то, что предметы роскоши не имеют главной своей функцией удовлетворение «жизненных потребностей», не является основанием для их игнорирования в анализе составляющих техники в определенные периоды общественного развития. Поскольку в классовом обществе *меньшая* часть населения потребляет *большую* часть результатов общественного труда, то «огромная часть национального продукта должна производиться в виде предметов роскоши или обмениваться на них, и какое огромное количество предметов первой необходимости должно растрачиваться на лакеев, лошадей, кошек и т. д.»¹³⁹. Да и на «прокормление» тех, кто эти предметы роскоши производит, также затрачивается «прибавочный труд производителей предметов необходимости, образующий заработную плату для производителей предметов роскоши»¹⁴⁰. А предметы роскоши используются для удовлетворения – пусть и в извращенном виде – общественных потребностей представителей господствующего класса. Поэтому данный момент – форма удовлетворения общественных потребностей индивидов – один из важнейших для понимания факторов общественного развития в классовых общественно-экономических формациях. Как и факторов, приводящих к их деградации, а касаясь рабовладельческих государств – к их гибели.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. III. С. 36.

¹³⁸ Лилли С. Люди, машины и история. М., 1970. С. 418.

¹³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 16. С. 108.

¹⁴⁰ Там же, Т. 26, Ч. III. С. 253.

11. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА В КЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Со становлением классовой организации общество и исчезло, и сохранилось. Оно исчезло как некоторое вполне определенное целостное образование, как *четко локализованный* биологический организм, но сохранилось как *содержание сознания* человека, сохраняя тем самым также потенцию к воссозданию этой целостности. Но и его исчезновение в первом смысле не могло быть абсолютным, ибо при этом было бы потеряно диалектическое единство его сторон и, стало быть, его качественная определенность. Исчезнув как четко оформленная целостность, общество временно воплотилось в разнообразии более или менее определенных связей. Они устанавливались рядом различных социальных образований: семья, община, этнос, конфессия, государство, классы, другие (в том числе профессиональные) социальные группы, различные общественные организации, цивилизации и т. п. Эти группы *совместно* формировали некую относительную целостность – *социальный организм* с достаточно неопределенной локализацией и составом. Формирование данного *квазиорганизма* обеспечивало возможность взаимодействия общества с окружающей средой (в которую теперь входили и «чужие» социальные образования) как некоторой *относительной* целостности на различных уровнях. Это усложняло ситуацию для каждого отдельного социального образования, но за счет имеющихся разнообразных связей (прежде всего общественного разделения труда) обеспечивалась возможность перехода от одной истинной целостности к другой (т. е. от общества доклассового к обществу бесклассовому). Ибо, не будучи «изъятым» из одной целостности (первобытного племени), органическим элементом которой он являлся, человек не может превратиться в столь же органический элемент будущего общества-человечества. Вот процесс такого превращения фактически и составляет *содержание всей истории человечества* в классовый период его существования. Начался этот процесс со становления первого классового строя.

Становление рабовладельческого строя посредством нового – тотального! – общественного разделения труда, коренным образом изменило производственные отношения, положив конец их родоплеменным остаткам, и дало мощный толчок развитию производительных сил общества. Но оно же породило в обществе новые противоречия, которые в латентном виде содержали возможность его гибели. Дальнейшее развитие производительных сил рабовладельческого общества, выражающееся также и в расширении и усложнении производственных процессов, приводило к соответствующим изменениям в общественном разделении труда. В связи с вызванным этими процессами появлением новых производственных функций происходило внутреннее структурирование господствующего класса (как горизонтальное, так и вертикальное разделение труда). Одним из его проявлений было очень медленное, но неуклонное изменение первоначально *групповой* собственности на средства производства в сторону ее *индивидуальной* формы. В частности,

скажем, в Древнем Египте дополнительно к основному разделению на господ и рабов появилось индивидуальное рабство у отдельных представителей господствующего класса. А уже в Древнем Риме оно стало основной формой производственных отношений.

Но, главное, благодаря внутренней дифференциации постоянно усиливалось стремление членов господствующего класса к самоутверждению путем внешних атрибутов. Для их нужд (отнюдь не «жизненных»!) строились величественные дворцы, изготовлялись дорогие одеяния, создавались украшения и произведения искусства, им прислуживала (нередко выполняя совершенно бессмысленные, на здравый взгляд, функции) целая орава челяди... В том же Древнем Египте в благоприятных природных условиях по мере роста умения ими пользоваться шло возрастание прибавочного продукта. И он веками бессмысленно тратился на удовлетворение весьма своеобразных общественных потребностей членов господствующего класса, в том числе символизируемых гигантскими пирамидами, что подрывало экономическую стабильность государства. То же имело место и в Римской империи: неумное стремление членов ее господствующего класса к предметам роскоши, поскольку именно предметы роскоши (как, кстати, и соответствующий образ жизни) символизировали их общественное положение, ослабляя при этом государство.

Постоянное стремление к роскоши весьма существенно меняло характер поведения членов господствующего класса. Не говоря уж о моральном разложении, в том числе это относилось и к производственным процессам, где происходило массовое *делегирование функций управления* людям, в господствующий класс не входящим (в том числе даже рабам). Производственная квалификация членов господствующего класса при этом неизбежно снижалась, а новые управляющие были только косвенно заинтересованными в успешности производственных процессов. И то, и другое осуществлялось за счет прибавочной стоимости, что усиливало гнет по отношению к рабам, нарушая устанавливавшуюся веками идеологическую стабильность. Причем все более значительная часть работников «физического труда» оказывалась занятой изготовлением предметов роскоши для господ, как и непосредственным их обслуживанием (принудительное горизонтальное разделение труда), что также происходило за счет все той же прибавочной стоимости, создаваемой другими производительными работниками. Следствием этого неизбежно становились все более глубокие деформации экономики (затем приводившие к соответствующим деформациям идеологии и психологии) – с соответствующими же последствиями.

И Древний Египет, и Древний Рим, и другие рабовладельческие государства, ослабленные *внутренними* социальными процессами, в результате пали под напором *внешних* сил. Происходило это в разное время и в различных исторических условиях по-разному, но неизбежно. И их падение отнюдь не вызывало революций и не порождало социальных образований в виде более прогрессивной общественно-экономической формации (скажем, в виде того же феодализма), как следовало бы ожидать по теории. Последнее произошло в

другое время, в другом месте и в результате совсем иных процессов, но также определяемых уровнем развития производительных сил и соответствующим ему общественным разделением труда.

Итак, падение рабовладельческих государств прежде всего было предопределено неумным стремлением их господствующего класса к роскоши. Но не только. Чрезвычайно важную роль играло и отношение рабов к средствам производства. Используемые господствующим классом как бесправная рабочая сила, не заинтересованная в повышении производительности труда, они относились к средствам производства только как к инструменту их эксплуатации, что существенно тормозило развитие производительных сил. А члены господствующего класса, «отвечающие» по своему положению в общественном разделении труда за их развитие, зачастую не могли (да часто и не хотели) вникать в конкретные особенности их функционирования. Основную роль здесь играла формируемая веками традиция. И если по каким-то причинам она нарушалась, наступала катастрофа. Так, например, уже в гораздо более поздние времена в империи Юань, завоеванной монголами, завоеватели «не понимали, что такое экономика земледельческой страны и мелиорация долины такой грозной реки, как Хуанхэ. В 1334 г. от голода умерло около 13 млн. душ, и такой же голод повторился в 1342 г. В 1344 г. воды Хуанхэ прорвали дамбу и затопили земли трех провинций»¹⁴¹. Попытки исправить положение привели только к длительной смуте и к падению власти завоевателей. А страна была отброшена в своем развитии далеко назад.

Так же назад в своем развитии были отброшены все народы, в основном составлявшие население великих рабовладельческих империй, при падении последних. Но, благодаря пребыванию в них, они смогли приобрести определенный потенциал, необходимый для дальнейшего социального развития, в том числе и для формирования со временем новой, более прогрессивной общественно-экономической формации – феодальной. Чтобы разобраться в этом парадоксальном явлении, нам придется несколько отступить от исторической канвы в пользу некоторых абстрактных рассуждений в области общей теории развития. А здесь важную роль играют диалектика и общая теория систем.

И диалектика, и общая теория систем свой объект рассматривают с разных сторон – диалектика со стороны «внутренней», общая теория систем – «внешней» (часто вообще в качестве так называемого «черного ящика»). Основной недостаток гегелевской диалектики – игнорирование внешних связей объекта (а «теоретически» и «материалистическая диалектика» в этом мало чем отличается от гегелевской), а также проблем генезиса объекта. Главным же недостатком как «классической» общей теории систем, так и ее более современного варианта, рассматривающего неустойчивые состояния нелинейной системы, является фактическое игнорирование ее внутренней структуры и наличия других систем. Хотя в отличие от гегелевской диалектики

¹⁴¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 414.

она, по преимуществу рассматривая так называемые «открытые системы», принципиально признает наличие и роль среды, но последняя фактически представляется в виде некоторого «питательного бульона» и источника «возмущений». В действительности ни тот, ни другой случай в чистом виде места не имеет.

Первый – поскольку в мире реально существует всеобщее взаимодействие отнюдь не вечных и не всеобщих объектов, и абстрагироваться от этого, опираясь исключительно на саморазвитие объекта – «вечного» и «всеобщего», можно только в определенных случаях и относительно. Второй – поскольку система в своих элементах не отделена от среды в абсолютном смысле. Во-первых, отдельные элементы системы могут входить в нее с более или менее сильными связями, сохраняя достаточно существенные собственные связи с внесистемными элементами. Во-вторых, имеет место включение системы в другие системы – как в целом в системы «высшего порядка», так и частью элементов в другие системы, и соответственно понятия как системы, так и среды оказываются далеко не однозначными. И, наконец, в-третьих, неравнозначными оказываются взаимодействия между системой и отдельными элементами среды, в том числе и потому, что последняя содержит также другие системы, включая аналогичные.

Таким образом, диалектика и общая теория систем в своем классическом виде занимаются не реальными объектами, а некоторыми абстракциями, представляющими *крайние случаи* в реальном положении вещей. Происходит либо отсечение воздействий внешней среды, ограничение рассмотрения развития самодвижением объекта, либо жесткое разграничение системы и среды, их абсолютное противопоставление друг другу, зачастую вообще без дифференциации (как несущественной для системы) среды. И то, и другое, не соответствуя реальному положению вещей в общем виде, в анализе реальных процессов как раз и вызывает у исследователей стремление «контрабандой» протащить в анализ противоположный момент, не трогая, однако, теоретических оснований.

Соответственно, ни диалектика, ни общая теория систем не смогли стать (хотя бы частично) действительным *инструментом* научного исследования. А ведь, скажем, общая теория систем (в отличие от диалектики) изначально претендовала на эту роль. Однако в действительности она изначально же «не имеет стыка с конкретной исследовательской работой» – ввиду «ничтожного результата, который был получен при обсуждении “общей теории систем”»; и «ни одного конструктивного шага в общей теории систем не сделали почти за двадцать лет ее существования»¹⁴². Еще через четверть века опять один из наиболее известных исследователей в данной области приходит к аналогичному выводу, считая, что общая теория систем, именно как теория, «как и 20-25 лет тому назад, представляет собой лишь проект»¹⁴³. С тех пор также уже прошло немало времени, но в данном отношении ничего не

¹⁴² Анохин П.К. Теория функциональной системы. Успехи физиологических наук, Т. 1. №1. 1970. С. 49, 50, 52

¹⁴³ Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления. Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1992-1994. М., 1996. С. 71.

изменилось. По-прежнему, как и раньше, «в подавляющем большинстве исследователи не делают попытки проникнуть во внутреннюю архитектуру системы и дать сравнительную оценку специальных свойств ее внутренних механизмов»¹⁴⁴.

А уж о диалектике и говорить нечего: здесь вообще господствует *принципиальное* неприятие той *формализации*, которая неизбежна при практическом использовании любой теории. Философы, занимающиеся ею, уверены, что «диалектика не выступает и не может выступать в роли конкретно-научной методологии, и пытаться трактовать ее таким образом – значит объективно принижать ее методологическое значение»¹⁴⁵. При любых таких попытках «начетчики от философии», видимо, как и раньше, «будут просто ругаться, будут декларировать на тему о том, что именно диалектика есть более высокий, чем формализация, метод мышления (развитие понятий), и что думать наоборот – значит тащить мысль назад, лить воду на мельницу и т. д.»¹⁴⁶.

Однако теория развития, описывающая *действительные* процессы в *реальном* мире, не может быть и результатом простого соединения указанных принципиально различных методов, отражающих, как было сказано, частные случаи реальных процессов. Она должна бы едиными закономерностями охватывать имеющееся в действительности разнообразие сложных взаимосвязей объекта развития как непосредственно с окружающей его средой, так и со всем миром в целом. Ведь смысл теории в том и заключается, чтобы обеспечить возможность на основе знания прошлого, воплотившегося в методологические основы исследования, предвидеть будущее. Если же, даже зная внутренне состояние системы и характер воздействий на нее, мы *в принципе* не можем предсказать ее будущее состояние (а стало быть, и повлиять на него *определенным* образом), ни о какой науке вообще не может быть и речи. В таком случае просто нет предмета для обсуждения. Однако, ввиду неспособности проникнуть в эти самые «внутреннюю архитектуру» и «внутренние механизмы» процесса развития, не став инструментом научного исследования как диалектика, так и общая теория систем, тем не менее, играют весьма важную роль в познании. Прежде всего, они выступают стимулом к формированию системного мировоззрения и системной методологии ученых. Ну, и некоторые их элементы, *несмотря на их внутреннюю противоречивость*, все же могут служить для определенных хотя бы предварительных (до конкретных исследований) соображений относительно того или иного объекта.

Для иллюстрации возьмем некий конкретный процесс, например, процесс превращения гусеницы в бабочку. В целом здесь мы имеем *классическую гегелевскую «триаду»*: «тезис» – гусеница, «антитезис» – куколка, и «синтез» – сама бабочка. Но главное, что составляет «сущность» гусеницы, – не некие ее «внутренние противоречия», а *связь с окружающей средой*. «Смысл жизни» гусеницы, ее объективное предназначение – питаться, т. е. преобразовывать

¹⁴⁴ Анохин П.К. Теория функциональной системы, С. 40.

¹⁴⁵ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 98.

¹⁴⁶ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 443.

«внешние» вещества во «внутренние» запасы материалов и энергии. Однако окукливаясь, она действительно превращается в «свое иное» – личинку. И теперь главную роль начинают играть уже внутренние процессы. Причем в момент окукливания и на первых порах гусеница вроде бы еще остается гусеницей со свойственными ей морфологическими и физиологическими особенностями (первый этап), но начинаются превращения, и в их процессе она перестает быть гусеницей, хотя пока еще не становится и бабочкой, а представляет собой именно нечто «иное» (второй этап). И, наконец, в результате всех превращений, когда будущие новые структуры практически сформировались, бабочкой она пока что, можно сказать, еще также не является (третий этап). Такая себе «внутренняя триада», Гегелем *не предусмотренная*. А чтобы стать бабочкой, ей необходимо вылупиться из кокона, расправить крылья (а это весьма специфические процессы) и *выйти в окружающую среду*. Тогда и она сможет выполнить свое объективное предназначение – в откладывании яиц, из которых затем вылупятся гусеницы. Процесс эволюции любой сложной саморазвивающейся системы аналогичен, но с весьма существенными коррективами в каждом конкретном случае. Причем следует учитывать, что этот процесс, как мы видели, имеет еще и собственную структуру, а кроме того применительно к некой системе более высокого уровня может оказаться только в роли этапа развития последней (скажем, в рассмотренном случае в качестве этапа в эволюции данного биологического вида).

Учитывая всеобщую взаимосвязь в мире с одной стороны, и структурирование материи с другой, главным моментом, с учетом которого должна строиться любая теория развития, основывающаяся хоть на диалектике, хоть на общей теории систем, хоть на обеих вместе, является все же отношение «система-среда». Система (или объект – в философской терминологии) вообще может быть понята не как некий феномен (онтологического, теоретико-множественного или иного характера), существующий «сам по себе», а исключительно в окружении среды (в том числе включающей и другие системы) и *во взаимодействии с ней*. Даже в тех случаях, когда удастся условно выделить систему, в которой определяющими на том или ином этапе являются именно внутренние процессы, полностью абстрагироваться от внешних воздействий не удастся уже хотя бы потому, что любая *реальная* система «создана» средой и от эффективного взаимодействия со средой же зависит само ее существование.

После этого небольшого отступления попробуем продолжить анализ эволюции общественно-экономических формаций. Нам данное отступление представлялось полезным для того, чтобы подчеркнуть взаимосвязь внутренних и внешних факторов вообще, а стало быть также этапов развития того объекта, который нас здесь интересует, т. е. социума как определенной системы. Каковая взаимосвязь обязательно имеет место, несмотря на то, что в данном случае эти этапы не превращаются благодаря разрешению внутренних противоречий друг в друга («в свое иное») непосредственно (как этого требует гегелевская диалектика), но, тем не менее, соединены друг с другом причинно-

следственными взаимосвязями. Ибо в самом общем виде их превращения, в конечном счете, все же неукоснительно подчиняются общим законам развития (в том числе и законам, открытым Гегелем), хотя и с существенными особенностями, связанными с *реальным* существованием и конкретными особенностями данных объектов.

Однако вернемся к рассмотрению влияния общественного разделения труда на эволюцию общества, а в данном конкретном случае – на формирование общества феодального. Отметим при этом, что смена рабовладельческого общества феодализмом представляла собой скачок в общественном развитии *на порядок более низкий*, чем тот, который представляло формирование классового общества «вообще». Преобразования здесь уже осуществлялись *в его пределах* (в то время как само *классовое* общество представляет собой в целом определенный этап развития человечества *в целом*, – промежуточный этап между обществами доклассовым и бесклассовым). Соответственно и характер изменений был другим. Феодализм, как формация классового общества, «средняя» между его начальной (рабовладельческий строй) и конечной (капитализм) стадиями, не был столь жестко отличен от них, как они – соответственно от предыдущего и последующего состояния общества. Поэтому феодализм ни на начальной стадии своего развития, ни на стадии завершающей не потребовал особых промежуточных образований формационного типа – как период общины после *доклассового* общества или социализм перед обществом *бесклассовым*. Но определенные переходные периоды все же существовали, когда феодализм в начальном периоде имел многие общие черты с предыдущим строем, а на завершающем – с последующим.

Становление феодализма в различных условиях имело много специфических особенностей, но во всех случаях имели место его главные признаки: *личная* зависимость члена угнетенного класса от члена класса господствующего, и индивидуальное использование им *собственных* средств производства. Конкретно рассмотрим, как это происходило, на примере становления феодализма на территории Западной Римской империи. После падения последней на ее территории произошел как бы возврат назад. Население провинций Западной Римской империи, освободившись от римского владычества, внешне вернулись к общинному укладу. Соответственно и уровень производительных сил резко снизился. Зато оно существенно пополнилось за счет так называемого «великого переселения народов». «В I тысячелетии н.э. значительная часть Старого Света, и прежде всего степные и лесостепные районы Евразии, переживают эпоху великого переселения народов, знаменовавшую крушение рабовладельческого общества в цивилизованных странах и сыгравшую значительную роль в переходе многих племен и народов Азии и Европы от первобытнообщинного строя к классовому обществу»¹⁴⁷. Наличие стратификации, совокупно с рудиментами классовых

¹⁴⁷ Халиков А.Х. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств. От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 88.

отношений в исчезнувших уже рабовладельческих государствах, обеспечило в племенах варваров возможность формирования из аристократии родоплеменной аристократии землевладельческой, феодальной, господствующей как над местным, завоеванным населением, так и впоследствии над разорившимися соплеменниками. Так что на самом деле полной реставрации родового общественного уклада не произошло – длительное влияние более высокой формации не пропало втуне.

И прежде всего это касается производительных сил. Разумеется, новые социальные образования и по своему размеру, и по месту обитания, и по уровню общественного развития не могли освоить имевшиеся достижения в этой области в полном объеме, и даже в значительной их части. Но все же в сравнении с их предыдущим состоянием это был существенный прогресс. Воспринять они могли только определенный вид и уровень орудий труда, но многие изобретения, особенно в области орудий для обработки земли, для использования животных в качестве тягловой силы и многие другие перенимались у бывших господ. А верхняя страта общины обзавелась современным тому времени оружием (хотя и в своих модификациях). Заимствовались и соответствующие технологические приемы. Были восприняты, хотя и в весьма ограниченном объеме, также новые знания о мире. Все это, составив основу для дальнейшего развития производительных сил, приводило к новым вариантам общественного разделения труда и повышению его производительности.

Второй важный в этом отношении момент касался социальной психологии. В общине и раньше существовала определенная стратификация в соответствии с развивавшимся вертикальным разделением труда, предполагавшая определенное социальное неравенство. Но для интенсивной эксплуатации большинства собственных соплеменников этого было недостаточно. Теперь же предыдущий рабовладельческий уклад наглядно показывал, до какой степени противопоставления можно достичь в вертикальном разделении труда. Это облегчало формирование идеологических установок, в соответствии с которыми свободные общинники постепенно превращались в крепостных. Но крепостные все же не рабы. Поскольку природные условия не требовали применения в производственных процессах одновременно большого количества исполнителей, причем эти процессы, в основном связанные с обработкой земли, были достаточно единообразными и в основном не требовали, также и с технологической точки зрения, ни горизонтального, ни вертикального разделения труда, то они принимают главным образом *индивидуальный* характер. Что касается основного средства производства – земли, то она в значительной части принадлежала общине, а пахотные угодья делились между отдельными семьями, которые их обрабатывали. Остальная земля принадлежала членам господствующей социальной группы в виде отдельных феодалов. Но обрабатывать ее принуждали крепостных. Владычество же над ними господствующей социальной группы основывалось на двух факторах: силовом – благодаря организации и владению оружием, и экономическом – благодаря распоряжению всей остальной землей (альмендой):

пастбищами, лесными угодьями, лугами, местами охоты и рыбной ловли и т. п., без которых крестьянин обойтись не мог.

Принадлежность основных средств производства непосредственно производителям существенным образом меняло к ним их отношение по сравнению с рабовладельческим обществом. Если в последнем при вертикальном разделении труда так называемый «умственный труд» в производственной деятельности в основном ассоциировался с господствующим классом, то в обществе феодальном за функционирование средств производства, за их изготовление, состояние, использование и развитие уже «отвечали» *сами* непосредственные исполнители – поскольку от этого зависело их существование. Задача же господствующего класса объективно состояла в обеспечении целостности (внутренней организации и внешней защите) социального организма, в котором этот процесс осуществлялся, т. е. в укреплении и сохранении государства, которое защищало также и крестьян от зрящего ограбления «чужими» феодалами. Ну, а целью субъективной было принуждение класса угнетенного к созданию прибавочного продукта, обеспечивающего существование господствующего класса. В зависимости от того, каким образом это происходило, развитие феодализма распадается на три достаточно различных периода, когда прибавочный продукт изымался различными способами. А именно посредством *отработки, натурального оброка и оброка денежного*.

12. ФЕОДАЛИЗМ – ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Указанные обстоятельства и определяли конкретный характер *феодалного общественного разделения труда*, которое весьма значительно изменялось на протяжении существования феодализма как общественно-экономической формации. Что касается господствующего класса (феодалов), то его организация с самого начала носила иерархический характер. Это обеспечивало наибольшую эффективность в эксплуатации крестьян с одной стороны, и устойчивость структуры господствующего класса с другой. Была она связана и с производственными отношениями. У крупного феодала имелись вассалы – феодалы помельче, а у тех собственные вассалы, и все они обязаны были нести службу у своих патронов. У крестьян же горизонтальное разделение труда было слабо выражено. В основном каждый земледелец сам справлялся не только с применением, но и с изготовлением как земледельческих, так и других орудий. В чем был лично заинтересован. Соответственно их применение самим земледельцем, и для себя, давало более высокую производительность, чем рабский труд. Однако существовавшая в начальном периоде принудительная отработка на барщинных землях фактически создавала многие из тех же проблем с производительностью труда, что и эксплуатация рабов. Поэтому со временем она была заменена натуральным оброком.

Однако стремление к совершенствованию земледельческих орудий все же неизбежно вызывало и горизонтальное разделение труда среди эксплуатируемого населения. Особенно важно это оказалось при использовании сравнительно сложных технологий в изготовлении этих орудий (в частности, с использованием железа, как, впрочем, и некоторых других). Здесь уже имело место горизонтальное разделение труда в непосредственном производстве, но оно носило так сказать внутренний характер. «Деревенские ремесленники вели подвижный образ жизни, обслуживая те хозяйства, где они были нужны. Община не могла без них обойтись и содержала их круглый год и на протяжении поколений, независимо от того, сколько услуг и продукции требовалось от ремесленников. Вместе с тем земледельческая или скотоводческая община заботилась о том, чтобы ремесленники не оставляли своих занятий и не растворялись среди сельскохозяйственного населения»¹⁴⁸. Такое разделение труда, прямо не базирующееся на эквивалентном обмене, фактически еще не сказывалось на общественных процессах в целом, однако, способствуя за счет специализации повышению производительности труда, подготавливало грядущие изменения.

Так что в основном в материальном производстве разделение труда продолжительное время не имело в полном смысле общественного характера, а служило лишь дополнением к основным формам хозяйственной деятельности, носящим автаркический характер. Понятно, что хозяйственная деятельность

¹⁴⁸ Кобыщанов Ю.М. Теория большой феодальной формации. Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 64.

при этом включала не только земледелие. «При собственно натуральном хозяйстве, когда земледельческий продукт совсем не входит в процесс обращения или входит в него лишь незначительная часть этого продукта и лишь незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника ... в большей или меньшей мере на всем протяжении средних веков, – продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство»¹⁴⁹. Таким образом, удовлетворение индивидуальных «жизненных потребностей» как господствующего, так и угнетенного класса при феодализме происходило в значительной мере вне горизонтального разделения труда в масштабах общества. Иначе дело обстояло применительно к удовлетворению потребностей общественных.

Что касается угнетенного класса, то в удовлетворении общественных потребностей его членов, как и в обществе рабовладельческом, чрезвычайно существенную роль играла все еще сохраняющаяся в важных своих элементах община. Удовлетворение их происходило в определяемых традицией рамках производственных взаимоотношений, в частности, взаимопомощи, бытовых обычаев, в ритуалах, устройстве праздников, в народном творчестве и т. п. А ввиду все усиливающейся индивидуализации, исключительную роль также играла церковь – и как компенсаторное объединение единоверцев, и как возможность для каждого непосредственного взаимодействия с высшим существом, и как система ритуалов.

В производственной сфере именно при феодализме, особенно после замены барщины натуральным оброком, достигается максимальная раздробленность людей *как производителей* на отдельные «атомы». То есть можно сказать, что здесь успешно решается *первая* (деструктивная) «задача» *всего* классового периода развития общества, объективно заключающаяся в *разрушении* изначальной формы общественного организма – первобытного племени, без чего невозможно *построение* общества-человечества. Но «атомизация» социума при этом одновременно подрывает и основы его существования как хотя бы относительной *целостности* в его связях с окружающей средой, в том числе и воплощаемых в надстроечных социальных институтах, как раз и отражающих действующие производственные отношения. В связи с этим именно *идеологические моменты*, обеспечивающие бытие общества как целостности *в общественном сознании*, в это время приобретают особо важное значение. Вот здесь исключительную роль и сыграла религия. Как общественно-экономический строй с максимальной индивидуализацией, феодализм потребовал такой «вселенской церкви», которая могла бы стать его идеологическим стержнем «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального

¹⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25, Ч. II. С. 349.

строю»¹⁵⁰. В данном конкретном случае эту роль сыграло христианство, в иных же условиях – другие «мировые религии».

Последнее обстоятельство имело определенное значение также в удовлетворении общественных потребностей господствующего класса. Однако основную роль в этом в период феодализма для представителя господствующего класса играет имеющаяся у него *власть*, опосредуемая двумя важными моментами – военной силой и положением в иерархической системе господствующего класса. Именно эти два момента прежде всего и определяли характер удовлетворения общественных потребностей его членов, а способы материального обеспечения удовлетворения этих потребностей – в значительной степени направление общественного развития. *Военная сила*, на которую опиралась власть феодала, зависела как от возможности содержать некоторое количество профессиональных воинов, так и от наличного вооружения. И то, и другое определялось размерами феода и уровнем эксплуатации крестьян. Что касается *социального положения*, то оно жестко фиксировалось наследственным положением члена господствующего класса в его иерархической системе.

Но жесткость и малоподвижность последней являлись важным стимулом к стремлению использовать в самоутверждении также другие, более «свободные», индивидуально реализуемые формы самоутверждения, прежде всего посредством *богатства* и его внешнего выражения в *предметах роскоши*. Первоначально и то, и другое в основном обеспечивалось за счет все того же феода и эксплуатации принадлежащих к нему крестьян. При этом часть прибавочного продукта феодалом расходовалась на приобретение предметов роскоши из других регионов посредством торговли между ними. Но в дальнейшем, по мере развития производительности труда, в действие вводятся другие факторы.

Дело в том, что по мере дальнейшей специализации и развития ремесла возникают (хотя и против воли конкретных феодалов, но именно для удовлетворения их потребностей как членов данного целого) общественные слои, социальная роль которых как раз и сводится к удовлетворению общественных потребностей членов господствующего класса. С одной стороны, необходимость создавать с этой целью определенные материальные объекты (оружие и предметы роскоши) вызвала возникновение и развитие общественного *слоя ремесленников*, специализирующихся прежде всего именно в данных областях (другие «специализации» ремесленников вызывались уже потребностями «внутреннего», среди них же самих, разделения труда). С другой же стороны, необходимость обеспечить обращение в этой сфере вызывает появление особого общественного *слоя купцов*. Разумеется, и те, и другие существовали и раньше – как отдельные социальные явления наряду с другими социальными явлениями. Но именно феодализм вызвал становление и развитие ремесленников и купцов как специфических общественных *страт*, имеющих важное и все возрастающее

¹⁵⁰ Там же, Т. 7. С. 361.

значение в функционировании общества, составляющих органическую часть структуры последнего.

В классическом феодализме, на его *втором* этапе, характеризуемом натуральным оброком, наличие ремесленников, главным образом специализирующихся на производстве предметов роскоши и оружия для феодалов, практически не сказывалось на автаркическом характере основных хозяйственных единиц. Они по-прежнему полностью самостоятельно обеспечивали себя как предметами потребления, так и средствами производства – за исключением указанных предметов для удовлетворения общественных потребностей членов господствующего класса. Таким образом, разделение труда в сфере *непосредственного* производства касалось *только и исключительно* данной области общественной жизни. Другими словами, в эпоху феодализма разделение труда, выходящее за рамки хозяйственной ячейки, является односторонним и направленным на удовлетворение *только лишь общественных потребностей членов господствующих классов*.

Соответственно этому и слой купцов реализовал в обращении только данный *частный аспект* разделения труда. Купцы еще не являлись посредниками в том всеобщем разделении производительного труда, которое в полной мере стало результатом развития капитализма. И рынок в те времена еще не был рынком в классическом его понимании средства обобществления и регулирования производства; это была скорее простая совокупность торговых операций, в норме непосредственно не затрагивающих основных экономических процессов, главным образом направленных на производство жизнеобеспечивающих продуктов, т.е. на удовлетворение индивидуальных потребностей людей. Еще и в самом начале формирования феодализма «варваров, как правило, интересует лишь два вида товаров: предметы роскоши для вождей и их приближенных и оружие»¹⁵¹. Но и в конце периода, и даже в восемнадцатом веке, все еще превалировали «операции предметами роскоши, лежащими в те времена в основе международного обмена товарами»¹⁵². Так что и «внешняя торговля не затрагивала ... насущных (т. е. индивидуальных –Л.Г.) ... потребностей даже этих, руководящих ею, высших классов населения; все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избыток и выменивая там только предметы роскоши»¹⁵³.

Следовательно, прибавочный продукт, изымаемый феодалами у крестьян в виде натурального оброка, использовался ими, во-первых, естественно, для удовлетворения их «жизненных» (т. е. индивидуальных) потребностей. Хотя эту часть продукта скорее следовало бы считать более относящейся к продукту необходимому – так сказать *платой* «за господство», т. е. за выполнение функций, необходимых для существования и успешного функционирования данного социального организма – феодального государства. Во-вторых же, для удовлетворения их общественных потребностей. Как и в любых классовых

¹⁵¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 544.

¹⁵² Тойнби А.Дж. Дослідження історії, Т. 1. К., С. 287.

¹⁵³ Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. I. Киевская Русь. 2-е изд., М., 1905. С. 24-25.

обществах, частично это удовлетворение осуществлялось за счет *самого факта* принадлежности к господствующему классу – в данном случае к аристократии. Причем вследствие иерархического строения последней здесь было важно и наследственно фиксируемое положение в самой иерархической пирамиде. Тем не менее, существенную роль играли также используемые для той же цели предметы роскоши, на которые (а также на оружие) в основном и тратился полученный прибавочный продукт.

Технологические и социальные задачи эффективного обслуживания интересов господствующего класса в удовлетворении общественных потребностей его членов вызвали также появление и рост средневековых городов как мест сосредоточения соответствующих слоев – ремесленников и купцов. Следовательно, средневековый город олицетворял одну из сторон того специфического («парцеллярного») общественного разделения труда, которое было свойственно феодализму как общественно-экономической формации. В этом – особенность города в феодальном обществе по сравнению с обществом рабовладельческим и буржуазным. А в них он, также являясь одной из сторон, воплощающих общественное разделение труда, выполнял, тем не менее, другие конкретные функции, определяемые характером этого разделения. В рабовладельческом обществе это были задачи, связанные с разделением между непосредственно производительным и управленческим трудом (города как центры власти), а в обществе буржуазном – с разделением труда по основным отраслям общественного производства (локализованной в городах промышленностью и сельским хозяйством). Но во всех случаях существование и функционирование города отражали характер потребностей господствующего класса и базировались на всей системе общественно-экономических отношений данной формации.

Такие процессы привели к становлению *третьего* этапа феодальной общественно-экономической формации, когда для большего удобства в связях с ремесленным городом *натуральный* оброк господствующим классом был заменен на оброк *денежный*, что существенно изменило общественную ситуацию. Теперь, чтобы «рассчитаться» с феодалом, крестьянин должен был сам (или через купца) продать свою продукцию городскому населению. А получив за нее деньги, мог также приобрести иногда и что-то для себя, прежде всего касаясь орудий производства. Это повышало производительность его труда с одной стороны, и снижало зависимость от сельского ремесленника с другой. Что, в свою очередь, снижало общественную роль последнего в селе и усиливало его стремление уйти в город, пополняя страту ремесленников и создавая всем этим условия для формирования *горизонтального* общественного разделения *сельскохозяйственного и промышленного труда*. И все это вместе усиливало роль нарождающихся *рыночных отношений*, объективно способствуя развитию предпосылок уже следующей, *капиталистической* формации.

Здесь, по-видимому, следует сделать одно замечание. Когда мы говорим о трех этапах развития феодального общества, то делаем это вовсе не для того, чтобы это развитие формально уложить в прокрустово ложе гегелевской

«триады». Просто *любое* вновь появляющееся явление с неизбежностью проходит три этапа. На *первом* этапе должны сформироваться его предпосылки и произойти его становление как некоего объекта, качественно отличного от всех остальных. На *втором* этапе реализуется собственное существование данного объекта в данном своем качестве со своими характерными внутренними особенностями и противоречиями. И, наконец, на *третьем* этапе как разрешение указанных противоречий происходит элиминация данного объекта с одновременным формированием предпосылок для возникновения объекта другого. Причем объекта, качественно отличного от данного, хотя и составляющего с ним определенную общность в некотором процессе более высокого порядка. Феодализм как общественно-экономическая формация появился не вследствие некой «революционной» трансформации рабовладельческого общества в «свое иное», однако был *подготовлен* его существованием и распадом. Точно так же капитализм не «вылупился» из феодализма, как цыпленок из яйца¹⁵⁴, но его *внутренние* предпосылки были подготовлены развитием последнего.

Одним из важных следствий замены натурального оброка денежным стало некоторое ослабление феодальной зависимости крестьян в области их хозяйственной деятельности: зависимость от воли сеньора постепенно заменялась зависимостью от рыночной конъюнктуры. Некоторая «свобода воли», как и зачатки горизонтального разделения труда, способствовали повышению его производительности. Однако усиливалась «атомизация» производственной деятельности. Это разрушало многие общинные связи, что обеспечивало возможность для производителя вступать в новые, свободно выбираемые производственные связи, подготавливая таким образом почву для буржуазных производственных отношений. Поскольку при феодализме производственные отношения между людьми еще выступают «как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда», как это происходит позже в буржуазном обществе, где «отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические», а «их производственные отношения принимают вещный характер»¹⁵⁵. Однако этому процессу мешает личная зависимость работника, существующее внеэкономическое отчуждение результатов его труда, что препятствует его превращению в полноценного экономического субъекта – участника всеобщего общественного разделения труда. Форма приходит в противоречие с содержанием, создавая *условия* для изменения общественного строя. Однако феодализм как вследствие иерархического строения господствующего класса с наследственной передачей положения в сословной иерархии, так и с личной зависимостью непосредственного производителя от

¹⁵⁴ Хотя в значительной степени действительно «средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе», вряд ли можно согласиться, что «на известной ступени развития этих средств ... феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 4. С. 429). Как дело обстоит в действительности, рассмотрим ниже.

¹⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 88, 102-103.

своего господина, стабилизирующих характер основного общественного разделения труда, оказался достаточно устойчивым социальным состоянием. Во многих странах его рудименты сохраняются еще и сегодня. Поэтому для дальнейшего общественного развития потребовалось достаточно существенное *внешнее* воздействие.

Рабовладельческие державы в свое время были своеобразными островками в море народов, находящихся на предыдущей ступени общественного развития, с которыми у них постоянно возникали конфликты. Феодализм же постепенно установился почти на всей территории Старого Света практически во всех цивилизационных образованиях. В этом отношении западноевропейская цивилизация не составляла исключения. Предпосылки для формирования нового производственного уклада созревали вовсе не в одной только Западной Европе, они имели место также и в других феодальных цивилизациях, но они всюду наталкивались на то препятствие, которого при своем возникновении не знали рабовладельческие государства. Каждая из феодальных цивилизаций была окружена другими живыми и активными цивилизациями. И, следовательно, не имела в достаточных объемах той периферии «примитивных обществ», которая могла бы послужить «жизненным пространством» и «строительным материалом» для цивилизации следующей ступени. Никакой «центр» еще не мог «создать себе обширную зависимую периферию, несмотря на все попытки Венеции, Генуи, Флоренции и Арагона подчинить себе народы Средиземноморья. Дело в том, что ни один регион феодальной эйкумены не возвышался над другими настолько, чтобы подавить их экономическим или военным путем, и потому контакты вели к выравниванию их потенциалов». Так что хотя зачатки новых общественных отношений в виде их разрозненных элементов существовали к тому времени в различных регионах мира, «выравнивание региональных потенциалов не позволило этим зачаткам обрести новое формационное качество»¹⁵⁶.

Итак, «западная христианская цивилизация» находилась в примерно равном положении с окружавшими ее другими феодальными цивилизациями, на протяжении длительного периода не имея перед ними существенных преимуществ. Однако ситуация изменилась, когда благодаря географическому положению Западной Европы «в XV в. западноевропейские мореходы овладели приемами навигации открытого моря», позволившего осуществлять цивилизационные контакты за пределами евразийского пространства. «Это дало материальные возможности овладения заокеанскими землями. Таким образом, покорение океана привело к установлению регулярных контактов между Западом и Новым Светом, между цивилизованными и нецивилизированными обществами» (а точнее между цивилизациями с различным уровнем развития). Это и было тем *внешним* толчком, который стимулировал перерастание предпосылок новой общественно-экономической формации в ее реальное формирование и обеспечил необходимые для этого ресурсы.

¹⁵⁶ Харламенко А.В. У истоков глобальных взаимосвязей. Латинская Америка, 1996, № 1. С. 53.

Цитировавшийся выше А.Тойнби вполне справедливо утверждал, что «драматическая и многозначная» встреча Запада со всем остальным миром оказалась центральным явлением всей глобальной истории Нового времени. Ситуация в мире изменилась коренным образом – не только для самой западноевропейской цивилизации и населения открытого ею Нового Света, но и для остальных цивилизаций. «Глобальное значение Запада стало реальностью истории планеты, а “западный вопрос” стал в некотором смысле роковым. Наступление Запада коренным образом повлияло на облик современного мира. Причем не только в доцивилизованных обществах рушились хрупкие социальные структуры. Вполне развитые незападные цивилизации также конвульсировали и деформировались под влиянием этой в прямом смысле слова мировой революции, инспирированной Западом»¹⁵⁷. Так началось реальное становление капитализма.

¹⁵⁷ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 560.

13. КАПИТАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Как мы неоднократно подчеркивали, общественное разделение труда – социальное явление, свойственное социальным образованиям, составляющим некоторую *целостность*, *внутри* которой это разделение и происходит. Начиналось его развитие с *первобытного племени* между отдельными его членами, которое в полной мере соответствовало данному критерию – вплоть до состояния *общины* (уже с образованием различных социальных групп). Объединение (насильственное) общин на новом этапе развития (рабовладельческое общество), создало новое такое образование, а именно *государство*, в котором общины сохранялись, но функцию целостности принял на себя этот новый квазиорганизм. Он сохранил большинство своих функций и в феодальном обществе, но здесь на первый план выдвинулось другое социальное образование – *цивилизация*, на более высоком уровне выполнявшая интегративную функцию. Но в отличие от предыдущей ситуации, здесь, в связи с деструктивной ролью феодализма в общем развитии социума, некий формальный «центр» (если не считать реализуемого церковью идеологического единства) уже отсутствовал, что приводило к постоянным феодальным распрям. Тем не менее, «верхний слой» феодальной цивилизации все же существовал как некая *условная целостность* в виде аристократии, члену которой феодал соседнего государства был несравненно ближе, чем собственный соотечественник-смерд. На следующем этапе, т. е. при капитализме, общественное разделение труда происходит уже в масштабах *всего человечества*, и осуществляется оно на уровне *цивилизаций*.

Еще раз отметим, что общественное разделение труда, как в области специализации, так и в области координации, никогда (даже в эпоху рабства) *не являлось* в «чистом виде» разделением именно труда «умственного» и «физического». При этом вплоть до последнего времени (когда возникли деструктивные процессы относительно классового общества в целом) повышение уровня общественного разделения труда только соответствующим образом модифицировало, но не отменяло уровней предшествующих. При более высоком уровне разделения труда в том или ином виде сохраняются от предыдущего этапа свойственные ему разделение труда и соответствующие социальные группы. Но даже касаясь каждого *отдельного индивида*, каким бы трудом он не занимался, в них неизбежно присутствует *и тот, и другой его вид*. То же самое относится к общественному разделению труда внутри социальных групп. По существу же вопрос только в том, к какой *общественной подсистеме* определенной социальной целостности данный труд относится *преимущественно*: к получению и *переработке информации* (т. е. к ноосфере), или к *трансформациям материальных объектов* (т. е. к техносфере). Или, говоря иными словами, каким образом он *включен в общую производственную «цепочку»* данного социального организма (социального целого). Поэтому и дальше, говоря об общественном разделении труда, мы будем иметь в виду именно это обстоятельство, то есть его *горизонтальное и вертикальное разделение* в составе социального целого.

Появление возможностей коренных общественных изменений вовсе не означает их неизбежности, их автоматического перехода в необходимость. *Внутренние* процессы в общественном образовании, их подготавливающие, не могут привести к таким переменам без включения *внешних* сил, без взаимодействия с другими общественными образованиями. Только открытость вовне, развивающиеся мировые связи могли обеспечить недостающие условия для перехода от феодализма к капитализму с его новым *общественным разделением труда*. Там, где господствует замкнутость, где внешние связи ограничиваются, феодализм консервируется, как консервируется любой общественный строй в условиях замкнутости, и никакие внутренние процессы не могут привести ни к чему иному, кроме застоя и загнивания (как никакие внутренние процессы в механической системе не могут изменить положение ее центра тяжести).

Коммуникационные возможности играют здесь особую роль, а потому при рассмотрении интеграционных процессов (тем более во всемирных масштабах) обязательно должна учитываться и роль этих своеобразных средств производства, т. е. существенное «влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история – результат»¹⁵⁸. В результате же развития средств коммуникации, несмотря на то, что становление феодализма в Западной Европе произошло даже позже, чем в некоторых других регионах мира, созрела она для перехода к следующему этапу развития, к следующей общественно-экономической формации раньше, чем другие регионы. Что и определило на последующие пятьсот лет как ее собственную судьбу, так и судьбу всего мира. С расширением коммуникационных возможностей стран Западной Европы для них «мир сразу сделался почти в десять раз больше, вместо четверти одного полушария перед взором западноевропейцев теперь предстал весь земной шар, и они спешили завладеть остальными семью четвертями»¹⁵⁹.

Важнейшую роль в становлении и развитии капитализма как системы сыграло взаимодействие западных стран, пребывающих на социальном уровне позднего феодализма, с регионами, находящимися на гораздо более ранней стадии общественного развития. Как и в свое время на заре рабовладельческого общества, «к концу феодальной эпохи налицо снова были предпосылки для географического раздвоения человечества, на этот раз отвечавшего природе капитализма. Европейские мореплаватели и завоеватели, движимые духом еще не столько капиталистической, сколько феодальной экспансии, набросились на народы Америки и Индонезии. Через несколько столетий мир снова, как в античности, был разделен на две взаимосвязанные и грозно противостоящие друг другу половины: метрополии и колонии»¹⁶⁰. К тому времени, когда началось это взаимодействие (в основном в форме колонизации), общественным развитием уже было достигнуто определенное «естественное» горизонтальное разделение труда между некоторыми регионами. Существовала

¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.12. С. 736.

¹⁵⁹ Там же, Т. 21, С. 83.

¹⁶⁰ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 518.

мировая торговля (в той специфической форме, о которой мы говорили выше), появился наемный труд – «все это возникло раньше, но именно поиски и колонизация заморских земель впервые соединили разрозненные зачатки нового разделения труда в единый комплекс»¹⁶¹.

Но произошло это отнюдь не сразу и вовсе не в окончательной форме. Сначала процессы происходили в соответствии с представлениями их участников, свойственных феодализму. Конкистадоры и подобные им «джентльмены удачи» отправлялись за моря в поисках богатства, в их представлениях ассоциирующегося с драгоценными металлами. И их усилия направлялись на грабеж, на поиски страны Эльдорадо и т. п. И лишь когда выгребли все, что смогли, направили свое внимание на туземцев как на рабочую силу. Да и то, прежде всего для того, чтобы добывать драгоценные металлы. А весь поток их добычи направлялся в Европу. И этот поток вливался в европейские хозяйственные процессы, активно их дезорганизуя. Вследствие быстрого роста массы драгоценных металлов падала их покупательная способность, что вело к перераспределению богатств и росту номинальной стоимости средств потребления, а это в свою очередь вызывало не только обнищание широких слоев населения, но и снижение уровня жизни представителей господствующего класса. Западная Европа в целом на долгие годы в своем развитии была *отброшена назад*.

Процветали только купцы, организующие заморские экспедиции, приносящие огромные прибыли. Они-то и стали первыми, кто заложил основы нового общественного уклада. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих – такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления». Именно «сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал»¹⁶². А полученный таким образом капитал вкладывался в мануфактурные предприятия, производившие товары, продажа которых приносила купцам-промышленникам (Ф. Бродель называл их «негоциантами») огромную прибыль. Получалась же она главным образом за счет *неэквивалентного* обмена, что фактически также представляло форму грабежа жителей колоний. Взамен получали так называемые «колониальные товары», рассчитанные на потребление в Европе представителями господствующего класса *в качестве предметов роскоши*. Таким был *первый этап* капиталистического *международного разделения труда*.

В самой же Западной Европе формировалось новое *внутреннее*

¹⁶¹ Там же, С. 56.

¹⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23, С. 760, 763. Следует, однако, отметить, что у Маркса речь идет именно о *первоначальном накоплении*. Но указанные процессы он не считал особо существенными применительно к *дальнейшему* развитию капитализма, ибо полагал, что в принципе первоначальный капитал постепенно замещается посредством эксплуатации рабочей силы прибавочной стоимостью, и таким образом в последующем процессе особой роли не играет.

разделение труда. Шло становление нового общественно-экономического строя – капитализма. Развивалось сначала мануфактурное, а затем и промышленное производство, рабочую силу для которых в основном поставляли разорившиеся крестьяне. Весь этот процесс, вплоть до середины XIX века, подробно рассмотрен (в том числе и со стороны общественного разделения труда, которому придавалось особое значение) многими исследователями, прежде всего представителями классической политэкономии во главе с А. Смитом. Наиболее адекватное отражение он получил в марксизме. А вот дальше по мере развития капитализма вследствие возрастания ангажированности буржуазных ученых ситуация начала меняться. Сами же представители классической политэкономии превратили ее в науку вульгарную, для которой «характерно, что то, что на определенной исторической ступени развития было ново, оригинально, глубоко и обоснованно, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и ложно»¹⁶³. А потом вообще от нее отказались, заменив тоже вроде бы наукой под названием «экономикс».

«Тоже вроде бы», поскольку экономикс, как справедливо отмечает М. Хазин, базируется на принципиально ложных методологических посылах: если политэкономия стремилась понять *микроэкономические* процессы на основе процессов *макроэкономических*, то экономикс, наоборот, пытается строить теорию *макроэкономических* процессов, исходя из процессов *микроэкономических*. Зато экономикс имеет требуемое идеологическое «принципиальное отличие от политэкономии Смита и Маркса – категорическое табу на описание вопроса о конце капитализма». Соответственно и проблему общественного разделения труда задвинули на задворки экономической науки. Но и в Советском Союзе ситуация в этом отношении была не лучшей. Теория «разделения труда как главного механизма развития, возникла в рамках политэкономии и, возможно, могла бы получить развитие еще в 20-е годы прошлого века. Однако политические разногласия Розы Люксембург, которая была главным теоретиком этого направления, с Лениным в начале XX в. привели к тому, что и в СССР соответствующее направление было табуировано»¹⁶⁴.

Что же касается марксистской политэкономии, то Маркс в полном смысле слова блестяще осуществил исследования *внутренних* закономерностей развития капитализма. Этот анализ широко известен, многократно обсуждался, и составляет главную часть марксизма как науки. Его исследования привели к поразительным результатам, позволившим изучить наиболее важные законы внутреннего развития капитализма как системы, понять внутренние пружины этого развития, открыть тайну прибавочной стоимости – основы капиталистической эксплуатации и капиталистического накопления. Энгельс справедливо отмечал, что вообще «двумя великими открытиями – материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны

¹⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25, Ч. II. С. 348.

¹⁶⁴ Хазин Михаил. Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. Изд 2-е. М., 2020.

капиталистического производства – мы обязаны Марксу»¹⁶⁵. Но эти открытия имеют гораздо более широкое значение. Без понимания сущности прибавочной стоимости нельзя понять не только капиталистического, но и любого другого процесса производства, а вне материалистического взгляда на историю вообще никакое исследование социальных процессов не может быть успешным.

Развитие производительных сил с неизбежностью вызывает новые виды производственной деятельности, а следовательно, со временем и существенные изменения в общественном разделении труда: «Любое продвижение роста затрагивало разделение труда. Последнее было процессом производным: оно следовало на хорошем расстоянии за ростом, который некоторым образом тянул его за собой». В результате «любое общество, оказавшееся во власти продолжительного роста, неизбежно бывает целиком переворошено разделением труда»¹⁶⁶. Ну, а особо существенные, коренные изменения в производительных силах через изменения в общественном разделении труда приводили также и к существенным, качественным изменениям производственных отношений, т. е. к становлению *нового способа производства*.

Однако в результате у реального капитализма все же оказалось немало особенностей сравнительно с тем, каким он был представлен Марксом вообще, и в его главном труде «Капитале» в частности. Мы здесь не будем подробно рассматривать эту тему, тем более, что ей специально была посвящена одна из наших работ¹⁶⁷. Скажем только, что при всей важности сделанного Марксом, фактическое игнорирование им вследствие влияния гегелевской теории развития *внешних* для развивающейся системы воздействий, привело к тому, что капитализм в процессе его последующего развития существенно отклонялся от представлений классического марксизма. Даже первая социалистическая революция как результат развития капитализма произошла не в соответствии с его предвидениями, а, наоборот, оказалась революцией «против “Капитала” Карла Маркса»¹⁶⁸.

Таким образом, классический марксизм со временем потребовал существенных коррективов в соответствии с новыми данными. К сожалению, в СССР работы классиков марксизма превратили в своего рода «священное писание», и наши «теоретики» только постоянно пережевывали его положения. Что уж говорить о капитализме, когда даже *предположения* о еще отсутствующем тогда социализме, высказанные классиками марксизма, такие псевдо-марксисты превратили в догму, полностью игнорируя *реальный* социализм. И это несмотря на прямое указание Ленина, что «ныне о социализме можно говорить только по опыту»¹⁶⁹. Не убедил их и Сталин, в беседе по вопросам политической экономии еще 29 января 1941 года говоривший: «Если хотите на все искать ответов у Маркса, пропадете. Вы

¹⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. С.26.

¹⁶⁶ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 611, 617.

¹⁶⁷ Гриффен Л.А. «Капитал» и капитализм. К., 2003.

¹⁶⁸ Грамши Антонио. Революция против «Капитала». Альтернативы, 1998. №3. С. 2-3.

¹⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 36. С. 349.

имеете такую лабораторию как СССР, который существует больше 20 лет, а думаете, что Маркс должен был знать больше вас о социализме. Не предусмотрел, видите ли, Маркс в “Критике Готской программы”! Надо самим головой работать, а не нанизывать цитаты. Новые факты есть, новая комбинация сил, извольте головой работать»¹⁷⁰. То ли не пожелали «верные марксисты-ленинцы» сами «головой работать», то ли не сумели, однако все осталось по-прежнему. И не только касаясь социализма. В результате в каком-то смысле через это и «пропали». Сами-то классики считали, что «смешно было бы приписывать нашим теперешним воззрениям какое-либо абсолютное значение»¹⁷¹. А вот большинству тех, кто и сегодня называет себя «марксистами», отнюдь не до смеха, они все так же старательно «нанизывают цитаты».

Классический марксизм, представленный прежде всего трудами Маркса и Энгельса, стал настоящей революцией в науках, касающихся социальных процессов, – как работы Ньютона в науках о физическом мире. Без знания их достижений успешно заниматься указанными науками невозможно. Но и невозможно *исключительно* на них основывать решения задач, встающих перед данными науками сегодня. За прошедшее с тех пор время как в реальном освоении мира, так и в его познании достигнуты колоссальные результаты. И без их использования движение вперед в этом отношении невозможно. Причем следует иметь в виду, что полученные *новые* знания не только *развивают* исходные, но и *обязательно* им в чем-то *противоречат*, а следовательно, требуют их *диалектического отрицания*. Уже хотя бы потому, что вообще «ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹⁷².

Что же касается реального капитализма, то те несколько веков, в течение которых осуществлялось его становление и развитие, имеют особое значение в многотысячелетней истории человечества. Во-первых, потому, что этот период является завершающим в объединении людей на планете посредством *глобализации* практически всех происходящих в мире социально-экономических процессов. Такая своеобразная «подготовка» к образованию общества-человечества является также завершением объективной задачи всего классового периода в его развитии. А во-вторых, именно в это время происходит наиболее стремительное развитие производительных сил общества, без чего не может быть решена задача *упразднения* общественного разделения труда, т. е. создания *бесклассового* общества.

Но происходили эти процессы опять же за счет нового – на этот раз всемирного, глобального – *вертикального общественного разделения труда*. Одна из существовавших в средние века феодальных цивилизаций, а именно, западная христианская цивилизация, занявшая в этом разделении господствующее положение, взяла на себя функцию так сказать «всемирного интеллекта», насильственно навязав всем остальным цивилизациям его

¹⁷⁰ <https://istmat.org/node/26299>

¹⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. С. 117.

¹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 4. С. 279.

«материальное обеспечение» посредством труда «физического». «Среди преимуществ капиталистов – информация, ум, культура. И они присваивают все, что в радиусе досягаемости оказывается достойным внимания – землю, недвижимость, ренты... именно благодаря весу своих капиталов капиталистам удается сохранять свои привилегии, удерживать в своих руках крупные международные торговые дела»¹⁷³. Произшедшая при этом *концентрация* «умственного», «когнитивного» труда при его *господстве* над всемирным «ручным», «физическим» трудом как вызвала процессы буржуазной глобализации, так и обеспечила научно-техническую революцию – невиданные в истории человечества темпы развития производительных сил.

Это, разумеется, потребовало чрезвычайно важных изменений во всех общественно-экономических процессах в мире. Но хотя осуществлялись они, безусловно, прежде всего на базе внутренних процессов в западноевропейской цивилизации, все же *основной движущей силой* являлись ее внешние взаимодействия с остальным миром, который под влиянием данных процессов также претерпевал существенные изменения. В результате капиталистический строй как социальное явление приобрел глобальный характер, на который указывали и классики марксизма. Однако в целом он все же оказался *совсем не таким*, как полагал Маркс. А Маркс считал, что экономические процессы в мире осуществляются в его локальных социальных образованиях (государствах) последовательно по мере достижения каждой страной необходимого уровня развития. Другими словами, по его мнению, все страны с железной необходимостью по мере «строительства капитализма» в принципе должны были проходить *один и тот же* путь внутреннего развития, причем «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹⁷⁴. То есть здесь фактически «мировые процессы рассматриваются как производные от локальных. При таком подходе основными историческими процессами выступают процессы локально ограниченные»¹⁷⁵. На самом же деле в капиталистическом мире развитие «более развитой страны» как раз и осуществлялось *за счет* стран «менее развитых», что, естественно, не позволяло последним повторить тот же путь. К сожалению, будучи уверенным, что капитализм рождается благодаря именно *внутренней* трансформации феодального общества, Маркс этого не предвидел.

Благодаря вертикальному международному разделению труда капитализм в мире *никогда не был и не является сейчас* чем-то однотипным (как были, скажем, при всех их конкретных различиях, феодальные цивилизации). Капитализм как общественно-экономическая формация принципиально имеет «две стороны медали», и, будучи *единой* системой, тем не менее состоит как бы *из двух* различных «способов производства». Один из них – это капитализм метрополии (в так называемых «развитых» или «цивилизованных» странах, проще говоря, на Западе). Другой же – капитализм «зависимый», «периферийный» – в остальных странах (то есть в странах

¹⁷³ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 62

¹⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 7.

¹⁷⁵ Харламенко А.В. У истоков глобальных взаимосвязей. Латинская Америка, 1996. № 1. С. 47.

«недоразвитых» и «нецивилизованных»). Поэтому реальное развитие капитализма происходило по пути, принципиально отличному от того, который предполагался Марксом. Что, естественно, негативно сказывалось и на конкретных прогнозах дальнейшего развития общества. Это, разумеется, не могло не вызвать попыток внести в теорию определенные коррективы. Такие попытки имелись и в рамках марксистской теории. Например, согласно взглядам Р. Люксембург, существование отсталых стран есть необходимое условие бытия капитализма как способа производства. С их исчезновением неминуемо исчезнет и капитализм¹⁷⁶. К сожалению, в дальнейшем эта мысль в марксизме развития не получила.

Не нашло развития и обсуждение Лениным источников дохода «развитых стран» в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Ленин цитирует слова С. Родса, сказанные в 1898 году: «Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Не только прямой грабеж, но и вывоз капитала, по мнению Ленина, «налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний». Причем это не некая «дополнительная часть» дохода, а его *основная* часть: «Народный доход Англии приблизительно удвоился с 1865 по 1898 г., а доход от “заграницы” за это время возрос в девять (!) раз»¹⁷⁷.

Но авторитет Маркса был настолько высок, что усомниться в его картине развития капитализма мог себе позволить далеко не каждый марксист. Соответствующие теоретические представления появлялись также вне рамок марксизма, но они, однако, не будучи в достаточной мере связанными с научным марксистским анализом (без чего обобщенный анализ данной ступени общественного развития практически неосуществим), должного развития также не получили. Тем не менее, все же в этом отношении были получены и определенные положительные результаты. В частности, это относится к подходу, предложенному крупным французским исследователем Фернаном Броделем в его фундаментальной работе «Материальная цивилизация». Рассматривая развитие капитализма, он, прежде всего, относился к нему как к мировой системе, в которой действительно как бы сосуществуют два дополняющих друг друга способа производства, причем по существу это все же *один* способ производства, поскольку «на самом деле эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые зависят от самых

¹⁷⁶ Люксембург Р. Накопление капитала, Т. 1-2. М.-Л., 1931. С. 383-384.

¹⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 27. С. 376, 398, 403. А в своих «Последней воле и завещании» (1902 г.) Сесил Джон Родс писал, идеально отражая аппетиты колонизаторов: «Почти весь мир поделен на участки, а то, что от него осталось, покоряется, колонизируется, делится. И вот – звезды в ночном небе... Огромные миры, которых нам не суждено достигнуть. Если бы я мог – аннексировал бы планеты; я часто мечтал об этом. Так это грустно – видеть в такой дали их чистый свет».

отсталых, и наоборот: развитие – это другая сторона слаборазвитости»¹⁷⁸.

В результате рассмотрения капитализма как мирового явления Ф. Бродель приходит к вполне логичному выводу, что «само существование капитализма зависит от этого закономерного расслоения мира: внешние зоны питают промежуточные и, особенно, центральную. Да и что такое центр, если не вершина, если не капиталистическая суперструктура всей конструкции? ... Все это придает вес утверждению Иммануэля Валлерстайна о том, что капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики. Он является плодом авторитарной организации явно чрезмерного пространства. Он не дал бы столь густой поросли в ограниченном экономическом пространстве. Он и вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда»¹⁷⁹. А чтобы получить эту «услужливую помощь» те, кто осуществлял связь между метрополией и колониями, даже в области торговли стремились «избавиться от правил традиционного рынка, нередко чересчур сковывающих... Очевидно, что речь идет здесь о неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подобающего места»¹⁸⁰. То есть, фактически и здесь речь идет о грабеже вследствие *неравноправного* международного разделения труда, существенно отличного даже от разделения труда, предполагающегося для «справедливой» рыночной экономики со всемогущей «невидимой рукой» рынка.

В частности, именно грабеж колоний сделал возможной и так называемую «промышленную революцию», начавшуюся в Европе в конце XVIII в. «Революция эта была не просто инструментом развития, взятым самим по себе. Она была орудием господства и уничтожения международной конкуренции. Механизировавшись, промышленность Европы сделалась способной вытеснить традиционную промышленность других наций. Ров, вырытый тогда, впоследствии мог только шириться. Картина мировой истории с 1400 или 1450 г. по 1850-1950 гг. – это картина старинного равенства, которое рушилось под воздействием многовекового искажения, начавшегося с конца XV в. По сравнению с этой доминирующей линией все прочее было второстепенным»¹⁸¹.

По сути дела, это был *второй*, основной этап развития капитализма. Но и он был подвержен изменениям. Длительное время страны Запада действовали по отношению к остальному миру каждая в отдельности, стремясь урвать для себя куски побольше, что приводило к достаточно жесткой конкуренции между ними, часто сопровождающейся военными столкновениями (в том числе и развязанными ими двумя мировыми войнами). Но с крушением классической колониальной системы и началом строительства Соединенными Штатами «*Raх americana*» ситуация постепенно начала меняться. «Теперь западные страны ...

¹⁷⁸ Бродель Ф. Время мира. – М., 1992. С. 65.

¹⁷⁹ Там же, С. 97-98.

¹⁸⁰ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 58.

¹⁸¹ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 551.

покоряют планету не поодиночке, а совместно. Теперь они стремятся покорить все человечество и организовать его так, чтобы они могли удерживать свою мировую гегемонию за собой навечно и чтобы могли эксплуатировать всю планету в своих интересах наивыгоднейшим для себя образом»¹⁸².

При всей справедливости данного замечания, с ним нельзя согласиться полностью. Дело в том, что нынешняя ситуация не просто внесла указанные коррективы в отношения между метрополией и колониями (теперь уже бывшими), а привела к их кардинальным изменениям. Уже появление Советского Союза нанесло мощный удар по классической колониальной системе, а после Второй мировой войны она была полностью разрушена. Нарушена была и система взаимоотношений между «развитыми» и «развивающимися» странами. В частности, определенное ослабление влияния государств метрополии на *компрадорскую* буржуазию бывших колоний, привело к поначалу еще слабовыраженному стремлению последней превратиться в буржуазию *национальную*. Этому, как и другим социальным процессам, способствовала продолжающаяся в мире научно-техническая революция, что постоянно меняло обстановку как в первых, так и во вторых странах, сказываясь и на их взаимоотношениях.

В результате происходящих изменений постепенно изживает себя сама форма взаимоотношений эксплуатирующих и эксплуатируемых государств, еще недавно вполне соответствовавшая текущему этапу международного вертикального разделения труда. Однако в мире медленно, но неуклонно началось становление *третьего этапа* международного вертикального разделения труда в условиях капитализма. Но он, по общему закону развития систем, по сути будучи порождением *самого* этого уклада и формируясь по законам *самого* капитализма, тем не менее уже начинает «работать» не столько на укрепление, сколько в конечном счете на *разрушение* данного общественно-экономического уклада. Не обошлось, однако, и без внешних (для капитализма как системы) влияний, поскольку в мире появился новый общественный строй – *социализм*. Который, кстати, характерен своими собственными особенностями касаясь общественного разделения труда, и нам их здесь также необходимо рассмотреть.

¹⁸² Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. Мн.-М., 2000. С. 72.

14. ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Что касается общественного разделения труда именно при социализме, то *горизонтальное* общественное разделение труда, как имеющее преимущественно технологический характер, в большинстве случаев определяется не столько конкретной общественно-экономической формацией, сколько наличным состоянием производительных сил. И его упразднение будет определяться именно уровнем их развития. А вот проблема *вертикального* общественного разделения труда (т. е. разделения труда «умственного» и «физического»), даже учитывая отсутствие традиционных классов, ввиду наличия различных производственных *страт* здесь решена еще быть не может. Однако, не будучи пока в состоянии решить задачу ликвидации разделения труда на «умственный» и «физический» («непроизводительный» и «производительный»), социализм позволяет все же весьма существенно изменить ситуацию в этом отношении.

Среди факторов, влияющих на вертикальное разделение труда при социализме, и прежде всего если не на ликвидацию, то хотя бы смягчение *противоположности* между «умственным» и «физическим» трудом, обычно справедливо отмечались отсутствие эксплуатации, развитие всеобщего образования, сокращение рабочего времени, появление соревнования вместо конкуренции, возможность смены профессии, рабочий контроль и т. д., и т. п. В некоторых случаях применительно к разделению труда при социализме утверждалась важная роль всеобщей занятости (через ее влияние на структуру производства)¹⁸³. При этом считалось, что перед социализмом стоит задача наконец-то «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»¹⁸⁴.

На этой основе предлагалось также решить проблему *ликвидации* вертикального разделения труда, хотя эти предложения в основном носили утопический характер. Считалось, что это произойдет тогда, когда каждый человек будет заниматься как организаторским, так и исполнительским трудом, как квалифицированным, так и неквалифицированным, как умственным, так и физическим, и не будет пожизненно привязан к одной из сфер труда, не будет ограничен ею. Ну, примерно как у Маяковского: «Землю попашет, попишет стихи». Даже Энгельс в свое время отдал дань этой идее, полагая, что «настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора. Хорош был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников!»¹⁸⁵. А *работу* тачечника, значит, увековечить можно? Как-то не принималось в расчет, что подготовка

¹⁸³ Логвинов Л.Д. Всеобщая занятость и разделение труда при социализме. – М., 1972.

¹⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 499.

¹⁸⁵ Там же, Т. 20, С. 206.

архитектора и тачечника требует разного времени, усилий и затрат, а потому «толкание тачки» человеком, способным «давать указания как архитектор», при любых условиях явилось бы нерациональным использованием, а попросту говоря, недопустимым разбазариванием предыдущих затрат общественного рабочего времени на подготовку специалиста высокой квалификации. Но *объективная возможность* исключить *саму необходимость* «толкать тачку» вызреет еще не скоро...

Предпринималось множество попыток определить *отличия* разделения труда при социализме от его предшествующих форм. В основном они сводились к отсутствию антагонистических общественных отношений, общему подъему культуры и сглаживанию различий между условиями и самими работниками умственного и физического труда, постепенной ликвидации ситуации, «когда экономически различные виды труда выпадают на долю определенных социальных групп и пожизненно закрепляются за ними»¹⁸⁶ и т. п. В частности, отмечалось развитие совмещения многими работниками функций труда умственного (непроизводительного) и физического (производительного).

Посмотрим на один из характерных примеров того, как рассматривали вопрос о разделении умственного и физического труда при социализме¹⁸⁷. Авторы не без основания отмечают, что отрицание разделения труда предполагает утверждение «общественной» собственности, поскольку при этом исчезает класс, живущий за счет присвоения прибавочного продукта, создаваемого классом непосредственных производителей, и потому заинтересованный в консервации общественного разделения труда. Они полагают, что сближение двух видов труда (у них они выступают как труд производительный и непроизводительный) *за счет его совмещения* как раз и является тем направлением, которое приведет к преодолению их различия.

В своей статье, в основном как раз и посвященной производительному и непроизводительному труду, ее авторы вопросам, связанным с общественным разделением труда при социализме, также уделяют довольно значительное внимание. Посмотрим, как выглядело при социализме с их точки зрения стремление к преодолению «различий между производительным и непроизводительным трудом», т. е. фактически попытки ликвидации разделения труда на умственный и физический (а точнее, вертикальное его разделение на управление и исполнение). По их мнению, уже формирование советов как органов представительства заводских коллективов открыло возможность делегатам-рабочим периодически участвовать в решении коренных вопросов развития страны, т. е. проявилась тенденция к сочетанию исполнительского труда и ключевых управленческих функций в деятельности рабочих. Как и участие в профсоюзных собраниях, конференциях, в работе выборных профсоюзных органов, подтверждавшее принципиальную возможность сочетания производительного труда и управленческих функций в

¹⁸⁶ Ельмеев В.Я., Полозов В.Р., Рященко Б.Р. Коммунизм и преодоление разделения между умственным и физическим трудом. Л., 1965. С. 22.

¹⁸⁷ Золотов А.В., Попов М.В. Перспектива преодоления социального разделения людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 218–232.

деятельности каждого рабочего. Расширялось шефство заводов над госаппаратом. С другой стороны, расширялась рационализаторская деятельность.

Однако такая деятельность рабочих имела периодический характер, а решающую роль играли освобожденные от производственной деятельности работники. Главным авторы здесь считали то, что их основное занятие не позволяло рабочим осваивать теорию и практику управления до необходимого уровня. Для этого рабочие нуждаются в специальной подготовке. Соответственно с конца 1920-х годов развернулась массовая техническая учеба, создавались курсы для ударников, участников шефских бригад, социалистических совместителей. Регулярно проводились совещания и конференции рабочих по обмену передовым опытом. Все это поднимало квалификационно-образовательный уровень рабочего класса, подготавливая его освобождение от закрепления за производительным трудом.

С другой же стороны, по их мнению, для упразднения разделения труда принципиальна также способность людей умственного труда выполнять функции труда производительного. Этому способствовали «рабочие факультеты» при вузах, вечерние отделения институтов, высшие технические учебные заведения, созданные при заводах, втузы давали возможность таким рабочим получать необходимое образование. В общеобразовательной школе ученики работали на учебно-производственных комбинатах или непосредственно на предприятиях. Студенты дневного обучения вузов участвовали в сельскохозяйственных работах, в строительных отрядах, проходили производственную практику на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. Существовала практика выполнения работниками непроизводственной сферы определенных видов производительного труда: участие в субботниках по уборке территорий и помещений. привлечение к работе на овощебазах, в летнее время в колхозы и совхозы.

Со многими положениями, изложенными в упомянутой публикации, вполне можно было бы согласиться. Но, несмотря на упоминание важности смены отношений собственности, в их анализе учет *особенностей* отношений собственности при социализме *фактически отсутствует*. По-видимому, тут главное в том, что у данных авторов, как и у многих других, обращающихся к социально-экономическим вопросам социализма, вопросы собственности при социализме так и остались невыясненными. Как и большинство других исследователей этого вопроса, они попросту считают собственность при социализме общественной, полагая, что этим все сказано. Но на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Вот это непонимание характера отношений собственности при социализме (а она здесь отнюдь не становится еще «общественной») приводит их к противоречивой позиции. С одной стороны, они разделяют труд на производительный и непроизводительный, а с другой полагают, что исчезнут (хотя и не сразу) те, кто живет за счет производительного труда (т. е. те, кто занят трудом непроизводительным?). Но и класс капиталистов вовсе не «живет» за счет прибавочной стоимости (о чем

уже говорилось выше). Тем не менее, отношения собственности, как и во всех других общественно-экономических формациях, при социализме действительно имеют важнейшее значение для общественного разделения труда, но они совсем иные, чем считают авторы.

К вопросу о расщепленных отношениях собственности мы уже обращались при анализе общины, в которой она первоначально и возникла. И причиной этого также было то обстоятельство, что период общины (период позднепервобытный и раннеклассовый) также являлся периодом переходным, но между *доклассовым* и *классовым* обществами. И при социализме как переходном периоде между двумя фундаментальными (целостными) отношениями собственности на средства производства также имеет место феномен *расщепленной собственности*. Это – момент для социализма *принципиальный*. А вот как это осуществляется в каждом конкретном случае, зависит от конкретных же обстоятельств. Что делает социализм в странах с различной историей достаточно своеобразным. Каждая страна, пришедшая к социализму, реализует свой собственный вариант отношений собственности, и спорить о том, какой из них более правильный, бессмысленно. Ибо, как в свое время указывал Маркс, «один и тот же экономический базис – один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые можно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹⁸⁸.

Здесь мы обращаемся к той форме социализма, которую он имел в СССР. По Энгельсу «первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества»¹⁸⁹. При этом, как тогда считал Ленин, «все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, которым являются вооруженные рабочие»¹⁹⁰. С ликвидацией эксплуататорских классов изменялся также характер пользования средствами производства: социалистическая собственность, обращенная, по словам Ленина, «на пользу всего народа»¹⁹¹, в конечном счете и использовалась пролетариатом как целым для обеспечения средств к жизни населения страны.

Сложнее дело обстоит с *распоряжением* как наиболее активной ипостасью отношений собственности, зависящим от *характера общественного разделения труда*, определяющего и характер производственных отношений. Поначалу распоряжение средствами производства носило локальный, раздробленный характер. Осуществлялось оно через органы самоуправления – *Советы*, создаваемые в основном на базе *предприятий*. То есть оно еще не отражало *общих интересов пролетариата как целого*, а только его *отдельных производственных объединений*. А они, по выражению Ленина, «в наследство

¹⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25, Ч. II. С. 354.

¹⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. С. 291.

¹⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 33. С. 101.

¹⁹¹ Там же. Т. 35. С. 192.

от капитализма... получили неумение, непривычку к общей солидарной работе»¹⁹². Тем не менее, в первые годы «военного коммунизма» ситуация с распоряжением средствами производства, изъятыми у капиталистов, была именно такой; прежде всего нужно было выжить. Низкая подготовленность новых распорядителей к выполнению данной функции частично компенсировалась принудительным привлечением к производству бывших владельцев, технических специалистов и других управленцев (диктатура пролетариата).

Когда на первый план постепенно начали выходить конструктивные задачи, главным препятствием к их решению стал *синдикализм* в пролетарской среде. Оказалось, что буржуазная идеология живуча и до победы новых общественно-экономических отношений самовоспроизводится, в том числе и в среде рабочего класса. С победой социалистической революции возникает ситуация, когда в развитии общества образуется как бы потенциальный барьер, который, говоря словами Ленина, создают «старые предрассудки, приковывающие рабочего к старому миру»¹⁹³, и когда, следовательно, общественно-экономические преобразования в значительной мере должны осуществляться *против* действия социально-психологического фактора.

Отсутствие соответствующих общественно-экономических отношений во всем объеме не позволяло рассчитывать на *самоорганизацию* рабочего класса в процессе производства. Потребовалось новое вертикальное общественное разделение труда: для эффективного распоряжения всеми средствами производства оказался необходимым *специальный аппарат*. Более того, стало ясно, что «жить без этого аппарата мы не можем, всякие отрасли управления создают потребность в таком аппарате»¹⁹⁴. И тогда уже *не весь* пролетариат как масса (как предполагалось теорией), а только некий «авангард пролетариата взял в свои руки строительство власти»¹⁹⁵, и прежде всего *распоряжение средствами производства*. В этих условиях именно политическая власть, *диктатура «революционного авангарда»*, исповедующего социалистическую идеологию, могла вывести общество в ту точку социально-экономического развития, начиная с которой социалистическое сознание в массах вырабатывалось бы автоматически, опираясь на наличные социалистические общественно-экономические отношения.

Это был первый *кризис социализма*, закономерно вызванный объективной необходимостью его развития, а следовательно, и смены его этапов (и, соответственно, как вертикального разделения труда, так и отношений собственности) в соответствии со сменой задач – от разрушения старого к созиданию нового. Это была первая «узловая точка» развития (опять же в полном соответствии с общими законами развития любой саморегулирующейся системы). В результате в начале двадцатых годов начался *качественно новый* (второй) этап социализма. Объективная логика развития действительно

¹⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 42. С. 5.

¹⁹³ Там же. – Т. 43. – С. 308.

¹⁹⁴ Там же. – Т. 36. – С. 169.

¹⁹⁵ Там же. – Т. 39. – С. 267.

потребовала, независимо от каких бы то ни было предшествующих соображений и предположений, перехода власти от «вооруженных рабочих» к «руководящим центрам партии». В экономической сфере это выразилось в соответствующей смене *субъекта распоряжения* средствами производства. Переход этот оказался чрезвычайно болезненным, ибо новые задачи требовали соответствующей смены ориентиров, что исключительно трудно для активных участников процесса, а для кого-то и вообще невозможно. И только благодаря гению Ленина, практически интуитивно определявшего требуемое направление развития, его воле и авторитету удалось выйти из кризиса с относительно небольшими потерями (хотя непосредственно для коммунистов они выразилось в почти трети состава партии).

На втором этапе развития социализма, при сохранении и углублении его коллективистского характера, весьма существенно изменились его основные социально-экономические характеристики. С изменением вертикального разделения труда прежде всего изменились отношения собственности на основные средства производства. Что касается *владения*, то собственность так и осталась государственной, хотя изменился характер государства – государственная власть от «вооруженных рабочих» (диктатура пролетариата) перешла к «руководящим центрам» (что все так же продолжали лукаво именовать «диктатурой пролетариата»). С другой стороны, вследствие постепенного повышения социальной однородности советского общества общенародный характер *пользования* только укреплялся. А вот с *распоряжением* дело обстоит иначе. Организация производства, объективно направленная на дальнейшее развитие социализма, в условиях еще не полностью сформировавшейся в массах социалистической идеологии, была возможной только посредством *диктатуры* сравнительно узкой, сплоченной общей идеологией, дисциплиной и организацией *группы функционеров*.

Эта социальная группа и взяла на себя в своей совокупности распоряжение *социалистической собственностью* – основными средствами производства. Совместные социальные функции неизбежно приводили к формированию общих интересов, укрепляя сплоченность данной социальной группы. Нет, образованный ею своеобразный «номенклатурный класс» не превратился в *действительный общественный класс* в обычном понимании, поскольку мог только лишь *распоряжаться* средствами производства (но не владеть и не пользоваться ими), однако именно благодаря последнему обстоятельству номенклатура стала господствующей *стратой* социалистического общества, «отвечающей» за *материальные условия* производства.

Другой стратой этого времени, «отвечающей» за *личностный* фактор производства, стали те, кого мы привыкли называть *трудящимися* (рабочие, крестьяне, техническая интеллигенция). И никакого «рабочего класса», «коллективного крестьянства» и «трудовой интеллигенции». Все они, естественно, существовали, и имели свои особенности и интересы, но представляли собой только *подразделения* данной страты со специфическими трудовыми функциями, то есть представляли конкретный вариант

горизонтального (технологического) разделения труда. А относительно господствующей страты – номенклатуры – все они оказывались в идентичном подчиненном положении, и совместно с ней создавали, таким образом, структуру *вертикального* (социального) разделения труда.

Такой общественный уклад обеспечивал высокую эффективность экономического и культурного развития страны. Тем более, что поначалу интересы господствующей социальной группы (номенклатуры) совпадали с коренными, глубинными интересами большинства народа, поскольку социализм существенным образом изменил к лучшему его положение. Столь уважаемая адептами Запада Маргарет Тэтчер в своем докладе в Хьюстоне (США, 1991 г.) о развале СССР говорила: «Советский Союз – это страна, представлявшая серьёзную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Её, в сущности, не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был, примерно, в два раза выше, чем в наших странах»¹⁹⁶. В значительной степени благодаря активной деятельности номенклатуры в Советском Союзе и происходили описанные выше процессы. Но главное, что осуществлялось быстрое и успешное развитие как в народном хозяйстве, как и в области науки, культуры, образования и т. п., в кратчайший срок превратившее нашу страну из отсталой полуколонии в могучую индустриальную державу с развитой техносферой и ноосферой. Поэтому она получала все более широкую поддержку, обеспечив стране не только независимое развитие (и это при том за счет собственных (!) усилий, а не эксплуатации всего остального мира, как Запад), но и его невиданные прежде темпы, а также победу в самой страшной в истории человечества войне. Сейчас такую же угрозу для коллективного запада также главным образом представляет социализм в самых различных его проявлениях – от Кубы до Китая.

Важно также, что благодаря такой организации народного хозяйства СССР фактически избежал участия в международном *капиталистическом* разделении труда в его вертикальной ипостаси. И.В. Сталин в докладе на XIV съезде ВКП(б) формулировал это следующим образом: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше государство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся главным образом на внутренний рынок»¹⁹⁷. Что, собственно, и делалось.

Конечно, горизонтальная ипостась (которая сегодня адептами

¹⁹⁶ <https://politikus.info/articles/politics/96010-doklad-margaret-tetcher-o-razvale-sssr-ssha-hyuston-1991.html>

¹⁹⁷ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 298.

капитализма фактически только и подразумевается под международным разделением труда) сохранялась. Торговые отношения с Западом, хотя и со значительными трудностями, постепенно развивались, в индустриализации СССР принимало активное участие значительное количество американских, немецких и других буржуазных специалистов, наши ученые стажировались в западных научных лабораториях, налаживались культурные связи. Но в то же время шло бурное развитие советских науки, технологии, образования, делавших Советский Союз все более самостоятельным. И это не позволяло Западу полностью поставить его под свое управление (хотя частично, скажем, в финансовой сфере, это все же в определенной степени имело место), органически включив в выгодное для себя вертикальное международное разделение труда.

Итак, практически решенная во внешних отношениях, проблема вертикального разделения труда (на «умственный» и «физический», «непроизводительный» и «производительный» и т. п.) во *внутренних* отношениях решена еще быть не могла. Коренной причиной этого являлся недостаточный для ликвидации общественного разделения труда уровень развития производительных сил, что и предопределяло объективную необходимость в существовании «управленческой страты», и никакие перечисленные выше полумеры по ликвидации разделения функций в виде сближения технологических особенностей различного вида труда или их совмещения задачи не решали. Ибо здесь вопрос стоит не о технологических особенностях функций представителей различных страт, а о *собственности*, т. е. о том, чья *воля* реализуется в управлении основными средствами производства. На втором этапе социализма у нас это была воля партгосхозноменклатуры. Последней был выработан весьма эффективный механизм реализации своей воли. А всякие общественные организации, вроде бы участвующие в этом процессе, выполняли в чем-то вспомогательную, а в чем-то и просто декоративную роль, находясь под жестким контролем партийных комитетов

Здесь не место рассматривать подробно весь данный механизм, скажем только несколько слов о некоторых частных механизмах реализации того разделения труда при «нашем» социализме, которые играли весьма важную роль. Во времена так называемой «перестройки» у нас было модно называть хозяйственную систему СССР «командной экономикой». И действительно, непосредственное распоряжение конкретными экономическими процессами со стороны номенклатуры играло немаловажную роль в хозяйственной жизни. О государственных промышленных предприятиях с «общенародной» собственностью, где текущими делами «командовали» партийные комитеты различного уровня (прежде всего в лице их руководителей), и говорить нечего. Но даже в сельском хозяйстве (где, как считалось, существовала некая «коллективная собственность») ими в лице все того же руководства парторганизаций распоряжалась номенклатура. По этому поводу И.В. Сталин писал: «партийным организациям придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься вплотную сельскохозяйственными делами со всеми их

мелочами, пахотой, севом, уборкой и т. п.»¹⁹⁸. Так и занимались всем до «мелочей»; вот только с «определенно коротким сроком» не получилось...

Но такое «командование» было отнюдь не главным в распоряжении социалистической собственностью. Гораздо более важную роль играли централизованные инструменты управления, позволяющие номенклатуре *как целому*, как жестко организованной руководящей социальной группе советского общества, осуществлять распоряжение *всем* народным хозяйством страны как целым. Прежде всего, это был центральный планирующий орган, генерирующий соответствующие распоряжения *хозяйственным органам всей страны* – Госплан. Общеизвестно, что именно Госплан директивно определял направление развития, его темпы, объемы и пропорции народного хозяйства и т. п. Но гораздо менее известен другой инструмент, гарантировавший неукоснительное выполнение этих планов и устойчивое развитие страны. Это было так называемое «двухконтурное денежное обращение», которое обеспечивало *финансовый контроль* за деятельностью предприятий и функционированием всего народного хозяйства посредством управления оборотом так называемых «безналичных денег». Двухконтурное денежное обращение было не просто разным представлением *одних и тех же* денег: наличных и безналичных (как это, скажем, имеет место и сейчас), но две принципиально *различных* формы их существования с выполнением каждой своих *особых* и специфических функций в решении общей задачи.

Вот как это представлялось в то время: «Обязательным (!) условием планирования денежного обращения является четкое разграничение сфер безналичного и наличноденежного оборота, имеющее место в социалистическом хозяйстве. Благодаря такому разграничению Советское государство имеет возможность прямо определять те денежно-расчетные отношения, для обслуживания которых необходимы наличные деньги. Наличноденежный оборот охватывает следующие сферы денежных отношений: платежи предприятий и организаций населению (заработная плата, денежная оплата колхозников по трудодням, пенсии и др.); платежи населения государственным и кооперативным предприятиям и организациям за товары и услуги; платежи финансовой системе (налоги, взносы по займам, возврат ссуд на индивидуальное жилищное строительство, вклады в сберегательные кассы и т. д.); платежи одних групп населения другим группам населения преимущественно через колхозную торговлю. Строгое разграничение сферы наличноденежного и безналичного оборота не исключает, однако, тесной взаимосвязи между этими сферами. Денежные средства предприятий и организаций за реализованную продукцию зачисляются в безналичном порядке на их расчетные и текущие счета в Госбанке. Выдача же средств с этих счетов на выплату заработной платы производится наличными деньгами. Однако, несмотря на такую тесную связь между наличными и безналичными платежами, безналичные платежи не могут оказывать непосредственного

¹⁹⁸ Сталин И.В. Соч., Т. 14, С. 175.

влияния на объем денежной массы в обращении»¹⁹⁹.

Весь смысл существования двухконтурного обращения как раз и заключался в одновременном существовании «строгого разграничения» и «тесной взаимосвязи» сфер «наличноденежного и безналичного оборота». Их строгое разграничение позволяло контролировать объем находящейся в обращении у населения денежной массы без непосредственного вмешательства в данный процесс за счет указанной взаимосвязи. Ведь масса наличных денег определялась теми деньгами безналичными, которые предоставлялись Госбанком предприятиям для выплаты зарплаты. А с другой стороны, в Госбанк же возвращалась наличная выручка торговых организаций, где она опять превращалась в безналичные деньги. И то, и другое осуществлялось по установленным номенклатурой правилам и под строгим номенклатурным контролем в лице центральных партийных органов.

Но, несмотря на все свои успехи, социализм мог решить только некоторые проблемы общественного развития. Ряд других еще не могли быть решены, поскольку социалистическое общество пока сохраняло различные социальные группы со своими особыми интересами. В частности, это относится и к проблемам общественного разделения труда. Так страна подошла (где-то к середине тридцатых годов) к *третьему* этапу развития социализма, на котором *распоряжение* основными средствами производства должно было опять измениться, вплотную приблизившись к растворению его в обычной жизнедеятельности советского народа. Дело в том, что за прошедшее развитие нашего социализма не только установилось господство социалистической идеологии, но также развилось и укрепилось его главное свойство – *коллективизм*. Именно трудовой коллектив приобретал все большую роль в производственных процессах. И соответственно приближалось то время, когда должно было вступить в свои права *распоряжение средствами производства на основе деятельности трудовых коллективов*.

Однако реально ничего подобного не произошло. Советский Союз существовал в капиталистическом окружении, которое всегда, всеми силами и любыми методами стремилось его уничтожить. Начиная с тридцатых годов пришлось готовиться к неизбежной войне, что потребовало мобилизационной организации всего общества вообще, и производства в частности, а следовательно, *усиления* роли номенклатуры. А дальше была самая страшная в истории человечества война, из которой Советский Союз вышел победителем во многом благодаря такой организации. Затем послевоенное восстановление, «холодная война»... И все это опять же требовало жесткой организации, что *усиливало* позиции номенклатуры, которая по идее должна была на третьем этапе социализма *исчезнуть* как особая социальная группа.

Все это было бы терпимо, но с течением времени менялась ситуация, менялась и данная социальная группа. Изначально номенклатура включала людей, которые, непосредственно вышли из других слоев общества. При этом ее состав довольно точно соответствовал составу последнего (достаточно

¹⁹⁹ Гусаков А.Д. Дымищ И.А. Денежное обращение и кредит СССР. М., 1951.

просмотреть биографические данные сколько-нибудь значительного количества членов высших и средних слоев номенклатуры, чтобы убедиться в этом: в большинстве своем они были выходцами из среды трудящихся (в основном из крестьян как наиболее обширной в свое время социальной группы²⁰⁰). И эти люди имели твердые идеологические убеждения, выработанные и закреплённые всей их жизнью и до, и в период становления Советской власти. Они преодолели колоссальные трудности, были свято убеждены в нужности и важности своей миссии, и готовы были сделать все возможное и невозможное для ее выполнения. И не могли даже представить себе, что без них можно обойтись. Но по мере их выбывания и замены другими лицами, прошедшими иной путь, менялась данная социальная группа в целом.

Новые люди, все так же уверенные в своей незаменимости, уже далеко не всегда отдавали предпочтение указанной миссии перед карьерными соображениями, которые все больше требовали не столько успешного выполнения именно ее, сколько реализации воли начальства. Идеологические дискуссии постепенно уходили в прошлое, заменяясь «правильной» (т. е. выгодной самой номенклатуре как социальной группе) идеологической позицией. Марксизм как научная теория постепенно заменялся удобной идеологической конструкцией, кощунственно именуемой «марксизмом-ленинизмом». Под разлагающим влиянием Запада все это, в конечном счете, вело к деградации номенклатуры, а в результате и к «загниванию» советского общества. А перед номенклатурой как особой социальной группой с одной стороны вроде бы маячила угроза потери власти, с другой же возникла также перспектива к распоряжению собственностью на основные средства производства прибавить еще владение и пользование ею. Ну, и еще один немаловажный момент. Воспроизводство данной социальной группы осуществлялось примерно так же, как «первого сословия» при феодализме. Но целибата-то у них не было, что заставляло переживать по поводу «рядовой» судьбы детей и внуков. Соблазн сработал, номенклатура предала все, чему как бы поклонялась, а мы все в результате ее предательства (как, впрочем, и собственного головотяпства) просто ухнули в зловонную жижу «зависимого капитализма», где и будем барахтаться вплоть до неизбежного *возврата на социалистический путь развития*.

²⁰⁰ Восленский М.С. Номенклатура. Новый мир, 1990. № 6. С. 230.

15. СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Но вернемся к ситуации в мире, где пока господствует капитализм. Итак, с XVI века в нем как раз и началось становление *нового вида* вертикального разделения труда и, соответственно, новой общественно-экономической формации – капитализма. Как и в любой классовой формации, основывающейся на *неравноправном* вертикальном разделении труда, устойчивость социума в ней обеспечивается соответствующей *идеологией*. А ее главная цель всегда одна – внедрение в общественное сознание представлений о *естественности* именно *ей присущего вида* общественного разделения труда. Однако в данном случае проблема оказалась более сложной. Дело в том, что классовое вертикальное разделение труда, возникшее еще в рабовладельческом государстве, в других классовых обществах – и в феодальном, и в капиталистическом – *не исчезало*, а только *видоизменилось*. Однако в последнем случае *в дополнение* к нему *внутри* все больше *объединяющегося* человечества появляется *еще один* вид общественного разделения труда – на *межгосударственном* (а точнее – междивилизационном) уровне. И это – теперь уже международное – разделение труда «конкретизируется в виде модели развития и отсталости, которая противопоставит два лагеря человечества – имущих и неимущих (have и have-not), – разделенных еще более радикальной пропастью, нежели та, что разделяет буржуазию и пролетариат развитых капиталистических стран»²⁰¹. И новая идеология должна была охватить сразу оба эти уровня.

Выше мы уже касались некоторых вопросов «внутренней» стороны буржуазной идеологии, которая стремится представить себя в виде набора таких либеральных «ценностей» добропорядочного «третьего сословия», о которых упоминалось выше. Рост «третьего сословия», в значительной степени вызванный расширением обмена, купеческой деятельностью, а затем грабежом колоний – всем тем, что давало богатство представителям нового зарождающегося класса, создал материальную основу возникновения капиталистического производства, а с ним и развития буржуазной идеологии. *Личная свобода*, политическое *равенство*, неотчуждаемая насильственно *собственность* – вот те три условия, которые необходимы были для нового общественного строя (точнее, для его господствующего класса). В дальнейшем во время буржуазных революций, утверждающих политическую власть уже экономически господствующей буржуазии, они стали их основными требованиями (хотя позднее из пропагандистских соображений столь существенная «собственность» была заменена в известном девизе Великой французской революции на ничего реально не отражающее «братство»). Они же и составили (а в какой-то мере все еще составляют до сих пор) один из краеугольных камней *буржуазной идеологии*.

Как уже отмечалось, в классовом обществе мысли господствующего

²⁰¹ Sweezy P.M. Le Capitalisme moderne. Paris, 1976. P.149.

класса определяют и мысли класса угнетенного. Но постепенное улучшение (за счет эксплуатации колоний) материального положения пролетариата метрополий, повышение его культурного и образовательного уровня все больше приводили его членов к мыслям о «несправедливости» огромной дифференциации доходов *внутри* капиталистического общества в метрополии и к стремлению ее как-то выровнять. Начали предприниматься попытки формирования «рабочей оппозиции». Против таких поползновений принимался ряд мер, однако наиболее эффективной из них оказалось появление и развитие так называемого «среднего класса», который и стал главным генератором и носителем буржуазной идеологии. Хотя, конечно, изначально формирование «среднего класса» было вызвано не непосредственно данной причиной, а самим развитием капитализма.

По мере расширения производственной деятельности собственнику средств производства становилось все труднее лично реализовать свои полномочия распорядителя средствами производства. Приходилось в большей или меньшей степени *делеги́ровать* их третьим лицам. «Подобно тому, как капиталист сначала освобождается от физического труда, как только капитал его достигнет той минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, как теперь он передает уже и функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников»²⁰². Что и положило начало формированию «среднего класса». Чем эти (также наемные!) работники отличаются от остальных? Тем, что им, как *посредникам в эксплуатации* остальных, которым *делеги́руется часть полномочий собственника* по распоряжению средствами производства, вполне закономерно выплачивается также *часть прибавочной стоимости*. И тратят они эту часть прибавочной стоимости так же, как и сам собственник, т. е. на удовлетворение своих *общественных потребностей* (статус, комфорт, предметы роскоши и т. п.), только в более скромных размерах и формах. Причем здесь не суть важно, касается это конкретного капиталиста относительно управляющих его производством, или капиталистического государства как «капиталиста коллективного» с его управленцами различного ранга. Буржуазное государство, как представитель господствующего класса, а в некоторых случаях и само исполняющее функции «коллективного капиталиста», формировало также другие специфические подразделения «среднего класса» для выполнения управленческих, оборонных, охранительных, научных, просветительских, художественных и прочих задач, преданно служащих господствующему классу, — в том числе и в области идеологии.

Поэтому вопрос, по чью сторону оказываются «управленцы» и прочие представители «среднего класса» в противостоянии буржуазии и пролетариата, более или менее ясен. Это, как и само противостояние, определяется одним и тем же фактором: отношением к прибавочной стоимости (внешне — отношением к предметам роскоши). Очень грубо и приблизительно это можно

²⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 24. С. 343.

представить так: «нижний средний класс» лично не создает, но и не потребляет прибавочной стоимости; «средний средний класс» способствует ее созданию опосредованно, за что и получает ее в небольшом объеме; «верхний средний класс» непосредственно обеспечивая получение прибавочной стоимости, является прямым ставленником собственников, и за это получает от них определяемую ими ее довольно значительную долю. Соответственно все три «разряда» являются активными носителями буржуазной идеологии. А в классовом противостоянии «нижний средний класс» занимает неопределенную или пассивную позицию, более высокий разряд, как правило, становятся на сторону собственников средств производства, а самый высший активно способствует защите их интересов.

Но этого оказалось недостаточно для обеспечения функционирования всей системы капиталистического вертикального разделения труда. Нужно было включить в идеологию что-то, что обосновывало бы именно *международное* неравноправное его разделение. И лучше всего для этого подошло представление о «естественном неравенстве» различных народов. Такое представление принято называть *расизмом*, и именно он стал *идеологической основой* отношений Запада с остальными народами мира, являясь как бы «естественным оправданием» вопиющего неравенства данного разделения труда. Оно считалось справедливым, поскольку базировалось как бы на объективном, *природном* неравенстве людей разных рас (этносов, национальностей и т. п.). Сегодня эта *главная* идеологическая «ценность» Запада стыдливо прикрывается всяческими эвфемизмами. А начинала она свое победное шествие с гордо провозглашаемого «бремени белого человека», благородно взявшего на себя тяжелую ответственность за благополучие погрязших в невежестве «дикарей». Но, по существу, расизм каким был, таким и остался – достаточно даже сейчас посмотреть на не особо-то и скрываемое высокомерно-снисходительное отношение представителей западных «цивилизованных стран» ко всем остальным – «недоцивилизованным» – народам мира.

Крайним политическим воплощением (уже на ступени империализма) данной идеологии в различных странах Запада стали итальянский фашизм, германский нацизм, японский милитаризм²⁰³. Но упомянутые режимы – отнюдь не исключение; соответствующее положение перед 2-й Мировой войной вполне открыто имело место и в других европейских странах: в Англии (Мосли), в Испании (Франко), в Португалии (Салазар), в Венгрии (Хорти), в Хорватии (Павелич), в Румынии (Антонеску) и так далее. Имелась партия фашистского толка и в США. Именно фашизм в его различных модификациях является закономерным следствием развития капиталистического вертикального разделения труда. Его приметы стали проявляться еще задолго до появления «классического» фашизма. И то сказать: отношение англичан к индийцам или китайцам часто мало чем отличалось от последующего отношения германских

²⁰³ Кстати, Япония – единственное ситуативное исключение в «золотом миллиарде»: германские нацисты из практических соображений даже провозглашали японских колонизаторов «арийцами востока».

нацистов к евреям или славянам. Роман Д. Лондона «Железная пята», в котором он изобразил предполагаемое воцарение фашизма в США, был написан в 1908 г. А в тридцатые годы в Европе обратили внимание на его пророческий характер. Это же отмечал позже и Дж. Оруэлл, роман которого «1984» продолжил данную линию. Если не считать некоторых формальных моментов, то положение и сегодня остается неизменным. Однако, как пророчески утверждал В.И. Вернадский, «государственные образования, идейно не признающие равенства и единства всех людей, пытаются, не стесняясь в средствах, остановить их стихийное проявление, но едва ли можно сомневаться, что эти утопические мечтания не смогут прочно осуществиться» (Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991).

Это что касается стратификации буржуазии. А что касается рабочего класса (пролетариата), то, возникнув одновременно с буржуазией, он до середины XIX века подвергался жесткой эксплуатации. Его зарплата составляла только необходимый минимум для «жизненных средств», обеспечивающих воспроизводство рабочей силы. Существовавшая тогда ситуация подробно представлена в работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», вышедшей в 1847 году. Но как раз в это время результаты более чем двухвековой эксплуатации колоний начинают сказываться на жизни уже не только «негоциантов», но и страны в целом. По этому поводу Ф. Бродель, считающий, что «английский народ тяжело оплатил свои победы», говорил, что зато «после 1850 г., позднее, весь английский народ (каковы бы ни были его социальные неравенства) принял участие во всемирном торжестве Англии»²⁰⁴. Действительно весь, в том числе и рабочий класс. Чем дольше продолжалась эксплуатация колоний, тем больше буржуазия метрополии нуждалась во внутреннем национальном согласии. А к тому времени уже «оппозиция ... показала фабрикантам и с каждым днем показывает им все более, что без помощи рабочего класса буржуазии никогда не удастся добиться полного социального и политического господства над нацией.

Так постепенно изменялись взаимные отношения обоих классов»²⁰⁵ – на базе *обоюдной* заинтересованности в эксплуатации стран «третьего мира». Первые ростки этого изменения Энгельс отметил, еще когда в 1858 г. писал Марксу об «обуржуазивании» рабочего класса Англии, считая это явление вполне закономерным для нации, «эксплуатирующей весь мир»²⁰⁶. К концу же века он определенно отмечает в Англии «длительное улучшение» в положении рабочего класса²⁰⁷. Ну, а главным источником этого «улучшения» стала эксплуатация колоний. Дальше такого рода «прогресс» капитализма продолжался, что сказалось и на идеологии рабочего класса. И хотя лозунг «Союза коммунистов» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» еще долго продолжал использоваться, свою актуальность он потерял с того момента, когда рабочие, говоря словами Энгельса, «стали на сторону» своей буржуазии.

²⁰⁴ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 636.

²⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21. – С. 200.

²⁰⁶ Там же, С. 65.

²⁰⁷ Там же, С. 396.

Борьбу-то с ней они продолжили, но уже не за изменение мира, а за «справедливый» дележ колониального пирога. В Первую мировую войну своим поведением такую позицию хорошо продемонстрировали западные социал-демократы. Продолжилось это и после социалистической революции в России. Да, рабочее движение на Западе объективно способствовало ее победе. Но существа дела это не изменило. Западных рабочих многое в капитализме не устраивало, а вот *сам он* устраивал вполне, и переходить к социализму в большинстве своем они отнюдь не стремились. Социал-демократ Бертран Рассел в 1920 году писал: «Можно вообразить большевизацию Англии в результате неудачной войны, повлекшей потерю Индии... Но сейчас простой рабочий в Англии не будет рисковать тем, что он имеет, ради сомнительного приобретения в случае успеха революции»²⁰⁸. Яснее не скажешь.

Но мир меняется, меняется и капитализм. И если его сущность – эксплуатация «центром» «периферии» – остается неизменной, то способы, каким это практически осуществляется, подвержены значительным изменениям. Как уже отмечалось, *первым этапом* капитализма было прямое или косвенное ограбление западноевропейцами населения стран, отстававших в социальном развитии. В это время основную роль преимущественно играли наиболее предприимчивые *отдельные личности*. И хотя они опирались на возможности своих стран, движимы эти «негоцианты» были стремлением к личному обогащению. Но постепенно возникает также стремление уже отдельных западноевропейских *государств* к захвату «охотничьих угодий» в собственное пользование, соответственно, и конкуренция между ними. А истощение того, что можно грабить, приводило к организации «на местах» целенаправленного производства «колониальных товаров» местной рабочей силой.

А здесь все большую роль начинало играть производство сырья для предприятий стран-метрополий. Вообще начала выстраиваться новая система организации труда в рамках всего мира, основываясь на его международном как горизонтальном, так и вертикальном разделении. В том числе «создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее одну из частей земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства»²⁰⁹. Для этого здесь колонизаторы начинают создавать (а чаще приспособливать к новым функциям уже имеющуюся) «элиты», обеспечивающую необходимую организацию в странах-колониях как общественной жизни в целом, так и производственных отношений. Методы же организации труда переносились со стран-метрополий в колонии. Но переносились они в весьма своеобразном виде. Местная «буржуазия» составила местный же господствующий класс, но реализующий в производстве *не свою волю, а волю колонизаторов*, т. е. формировалась *буржуазия компрадорская*,

²⁰⁸ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 13.

²⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 462.

действующая в соответствии с теми полномочиями, которые ей были *делегированы* извне. Здесь уже на первый план как целое выдвигаются *страны-метрополии*, которые *организуют* систематическую эксплуатацию стран-колоний. В развитии капитализма наступил *второй этап* вертикального международного разделения труда, длившийся вплоть до XX века.

Указанные изменения, однако, происходили не только за счет стран-колоний. Менялась ситуация и в странах-метрополиях. Особенно в последнее время под руководством господствующего класса Соединенных Штатов Америки, основательно нажившегося на двух мировых войнах и соответственно выдвинувшегося на главенствующее место в «золотом миллиарде», прежняя конкуренция между составляющими его странами начала заменяться принудительным сотрудничеством в строительстве *Рая Americana*. Новый импульс получает развитие империализма, представляющего господство уже не промышленного, а *финансового* капитала, где основную роль играют опять же США. Превалирование финансового капитала над промышленным начало сказываться и на отношениях между Западом и «развивающимися странами». Во-первых, теперь в эксплуатации бывших колоний место отдельных *стран* Запада постепенно начали занимать *транснациональные корпорации*, оттесняя соответствующие государства на задний план и используя их только в необходимых случаях в качестве технического инструмента. А во-вторых, место торговых отношений постепенно начал занимать прямой *вывоз капитала*, позволяющий существенно повысить уровень прибыли за счет *непосредственной эксплуатации* дешевой рабочей силы «нецивилизованных стран». С этого начался последний, *третий этап* вертикального международного капиталистического разделения труда. Его результатом, во-первых, становится дальнейшее ускорение развития производительных сил всего человечества, а во-вторых, *начинается кризис* самого фундамента капитализма – *вертикального международного общественного разделения труда*.

А это соответственно знаменует также конец капитализма как последней социально-экономической системы, базирующейся на данном социальном явлении. Другими словами, таким образом капитализм завершает выполнение своей объективной задачи – *глобализации* всемирных социально-экономических процессов и развития производительности труда до уровня, позволяющего ставить вопрос об элиминации самого явления общественного разделения труда. И столь же объективно, выполнив ее, он должен прекратить свое существование. Происходит это таким же образом, как и элиминация любых других социальных образований после выполнения ими своих объективных задач в общественном развитии. Капитализм все еще продолжает достаточно ощутимо развиваться, но при этом в нем неизбежно происходит *кризис* развития, вызванный и направляемый действием *его же собственных законов*.

Осуществляемая западными капиталистами организация производства в «нецивилизованных» странах с дешевой рабочей силой как раз и дает им ощутимый рост прибыли. Но при этом вследствие оттока промышленного

капитала неизбежно происходит систематическая деиндустриализация самих «цивилизованных» стран, что ведет к некоторым неизбежным последствиям для всей капиталистической системы разделения труда, в соответствии с которыми, говоря словами Маркса, «капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание». Прежде всего, за счет такого перераспределения производства усиливается социальное расслоение в самих странах Запада – транснациональные олигархии богатеют, а упоминавшийся выше «средний класс», на котором основывалась социальная устойчивость этих стран, уменьшается в численности и беднеет из-за нежелания крупных капиталистов делиться с ними прибылью. И это естественно, поскольку вместе с переносом материального производства в страны «зависимого капитализма» снижается и роль тех социальных слоев, которые обеспечивали его интеллектуальную составляющую в странах «ядра». Вот что говорит о ситуации в США бывший вице-президент банка Lehman Brothers (с которого, напомним, начался кризис 2008 г.) Лоуренс Макдональд: «Глобализация лишила рабочих мест средний класс на Западе, обогатила владельцев компаний ... с 1973 года доходы 1% самых богатых американцев выросли на 73%, доходы всех остальных – снизились на 5%». И, что весьма важно с идеологической точки зрения, «доходы среднего класса американцев и европейцев с 1988 по 2008 год выросли на 1-5%, при этом доходы среднего класса в Азии выросли на 60-70%». Все это неизбежно ведет к росту внутренней напряженности и снижению стабильности в «цивилизованных» странах. Нынешние социальные процессы в западных странах, а особенно в США, подтверждают это весьма убедительно.

Важное значение имеет и то, что в тех же США происходящая деиндустриализация страны быстрыми темпами снижает ее промышленный потенциал. Как утверждает тот же Л. Макдональд, «“Стальной пояс” (Steel Belt) США, состоящий из штатов, в которых были сосредоточены крупнейшие сталелитейные и автомобильные заводы (Иллинойс, Пенсильвания, Индиана, Огайо) теперь называется “Ржавый пояс” (Rust Belt), где сильнее всего в стране растет безработица, преступность, смертность». В США «начиная с 2000 года, каждое шестое рабочее место исчезло из промышленного производства». Да и вообще «количество работающих американцев сократилось с 2000 года на 28 млн. человек. В декабре 2016 года количество неработающих американцев превысило 95 млн. человек»²¹⁰. Сами США из страны промышленников, инженеров и квалифицированных рабочих медленно, но уверенно превращаются в страну банкиров, мелких торговцев и клерков. Те же процессы, хотя и не так явно выраженные, происходят и в других странах Запада.

Важную роль сыграло и нарушение всемирной монополии капитализма «развитых стран» на «умственный труд», вызванное возникновением нового общественного строя – социализма. Благодаря последнему в СССР начался энергичный технологический и культурный прогресс, значительно

²¹⁰ Макдональд Л. Реальные причины победы Трампа // <http://colonelcassad.livejournal.com/3150049.html/> 25 декабря 2016 г.

нарушивший характер всемирного разделения труда. Кризис социализма в СССР затормозил этот процесс, но его уже нельзя остановить. С одной стороны, начал бурно развиваться социалистический Китай. С другой же вывоз капитала приводил к созданию капиталистических индустриальных «полупериферий», становящихся на фоне деиндустриализации стран «ядра» новыми центрами конденсации технологического и научного прогресса. В результате Запад начал все больше утрачивать всемирную монополию и на «умственный труд», что опять же нарушает сложившееся ранее глобальное разделение труда. Результатом возникновения новых центров, в которых развивается «умственный труд», и ослабление старых неизбежно становится своеобразная «регионализация» мира, прямо угрожающая всемирному господству Запада вообще, и США в частности. Ведь таким образом разрушаются основы той научно-технической базы, на которой реально основывалось капиталистическое вертикальное международное разделение труда, обеспечивающего это господство.

Конечно, США (как и Запад в целом) все еще в значительной степени сохраняют высокий интеллектуальный потенциал, поддерживающий выгодное им глобальное разделение труда. Они все еще занимают ведущее место в мировом разделении труда со стороны его «умственной» составляющей. Американская культура сегодня занимает доминирующее положение в мире, подавляя, деформируя и вытесняя локальные культуры. Огромные средства тратятся также на научные исследования, и американские ученые все еще больше других получают нобелевских премий. Однако уже не столько благодаря внутренним интеллектуальным ресурсам страны, сколько посредством «импорта мозгов» – в свое время из Советского Союза, сейчас индийцев, китайцев и др. «Мигранты» в основном и обеспечивают успех. И это при все большем распространении (вследствие низкого качества общего среднего образования) невежественности в массах, подрывающего сам фундамент былого интеллектуального уровня. Аналогичные процессы имеют место, хотя и в несколько «смягченном» варианте, также в других странах Запада.

Все бóльшая часть научных разработок выполняется теперь в других (незападных) странах. Развитие науки и образования в Советском Союзе было особенно показательным. Но и сейчас эти процессы продолжают нарастающим темпом. А США не только больше не являются первой державой в мире по ВВП, но и по развитию ряда современных технологий – здесь их также уже обогнал Китай (кстати, как и по числу ежегодно получаемых патентов). Ну, и «качество» ВВП у них разное – в Китае в основном это материальное производство, а в США – производство услуг. В эту «гонку» включается все больше стран «третьего мира» (в частности, особенно существенным является быстрое развитие огромной Индии, но далеко не только ее). Все упомянутые процессы постепенно, но неуклонно разрушают веками складывавшееся глобальное разделение труда.

Понятно, что выгодоприобретатели от пока еще действующего глобального разделения труда (т. е. Запад вообще, и США в частности)

используют любые методы, чтобы предотвратить неминуемые последствия его кризиса. Ведь многовековая стабильность (хотя всегда относительная!) мировой системы капитализма опиралась, прежде всего, на экономические следствия вертикального международного разделения труда, являющиеся главным условием ее существования. По мере упомянутых выше изменений, касающихся данного главного условия, упор переносится на другие факторы организационного и силового характера, прежде всего финансовые и военные. В частности, существующая мировая финансовая система закрепляет нынешнее положение благодаря господствующей роли в ней Соединенных Штатов и Запада в целом, вследствие чего изменения здесь пока осуществляются медленно и только косвенно зависят от развития производительных сил. Гораздо сильнее прогресс в техносфере и ноосфере сказывается на военных проблемах – как в области экономических возможностей вести силовые операции в различных регионах мира, так и на характере вооружения. Но сегодня и в военном отношении именно благодаря мировому развитию производительных сил ситуация начала постепенно меняться.

И все же главным следствием происходящих изменений объективно становится ускорение темпов развития в «развивающихся», и снижение его в «развитых» странах; например: «страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР)... – это 43% населения планеты и 7,5 % роста ВВП в год, а США с другими странами Запада – 2,5%»²¹¹ (при 17% населения Земли). В том числе это происходит в связи с перетеканием к первым технологий, а также инженерных и квалифицированных рабочих кадров, интенсификации в них научных исследований с одной стороны, и постепенное превращение экономики западных стран в «сервисную» – с другой. В результате многие недавние «недоразвитые» страны в технологическом и научном отношении все меньше зависят от бывшей метрополии. И процессы эти ускоряются, оказывая все возрастающее деструктивное влияние на всю систему.

Одновременно с указанными деструктивными процессами в глобальной системе возникают также и конструктивные тенденции – начинают формироваться торгово-экономические, научно-технические, культурные, военные и иные связи между рядом стран, веками входивших в «основание» глобальной пирамиды. Такое структурирование ее «элементов», прежде в основном связанных через «вершину», ослабляет влияние на них последней и усиливает их взаимовлияние, создавая «зародыши» будущих относительно самостоятельных и относительно самостоятельных *региональных структур*. А ослаблением «вертикальных» и усилением «горизонтальных» связей, вызванных развитием и определенным перераспределением производительных сил в мире, создается смертельная угроза самой капиталистической общественно-экономической формации, для которой «пирамидальная» структура мира *единственно возможна* и является *непременным* условием ее существования.

Таким образом, благодаря развитию производительных сил человечества

²¹¹ Троян Владимир. «Золотой миллиард»: США. <https://politikus.ru/articles/106041-zolotoy-milliard-ssha.html>

в мире возник острый кризис международного разделения труда. Сохраняя важное значение в своей «горизонтальной» («технологической») части, оно все больше теряет объективные основания в части «вертикальной» («социальной»). Процессы индустриализации, научного и технологического развития «развивающихся» стран сейчас зашли настолько далеко, что изменить ситуацию в этом отношении уже невозможно, что ставит под сомнение само существование глобальной капиталистической системы. По аналогичным причинам раньше или позже возникнут проблемы с разделением труда и между классами, которые поставят под вопрос также объективные причины существования вообще классового общества как такового. Но в связи с фундаментальным и весьма сложным характером перехода от классового общества к бесклассовому, последний потребует определенного времени и определенных социальных условий, что, в свою очередь, ставит вопрос об особой *переходной* формации. А таковой является *социализм*.

16. ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Развитие общества, как и любой биологической системы, является его имманентным свойством. Главным же, а по сути и единственным, двигателем общественного развития, как мы неоднократно подчеркивали, является развитие производительных сил, т. е. научно-технический прогресс. Он имеет *спонтанный* характер вследствие действия *воли к жизни* составляющих общество людей, и остановить его невозможно. Но, как мы видели, развитие любой самоорганизующейся системы происходит посредством выноса генерируемой ею энтропии в окружающую среду. Таковой средой для нас является земная природа. Ускорение же научно-технического прогресса с одной стороны приводит к ускорению общественного развития, а с другой – к ускорению *роста энтропии* в окружающей среде, в результате становящейся *все менее благоприятной* для существования людей. Разумеется, все возможные меры для снижения этой опасности могут и должны приниматься. Можно, конечно, согласиться, что возрастающие угрозы должны «сопровождаться формированием эффективных социокультурных регуляторов», что должны вырабатываться социальные механизмы, призванные «противостоять возможным агрессивным устремлениям властителей технических и технологических преимуществ»²¹² и т. д., и т. п. Все это необходимые, но всего лишь паллиативные меры, поскольку само данное противоречие, отражающее действие *фундаментальных* законов природы, *принципиально* неразрешимо.

Точнее, оно не может быть разрешено в *земных условиях*. Его разрешение предполагает *вывод человеческой деятельности* (главным образом производственной) *за пределы нашей планеты*. И это неизбежно должно произойти. Вспомним пророческие слова К. Циолковского: «Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели»²¹³. Биосфера Земли вследствие ее ограниченности обречена на «деградацию под напором технических систем»²¹⁴. Эту деградацию можно – и нужно! – замедлить (посредством более рациональной организации общества), но устранить невозможно. Кардинальное решение всего комплекса проблем представляется достижимым *только через выход в Космос с его безграничными ресурсами*. Хотя нужно отметить, что «космическая перспектива» иногда воспринимается как идея «побега с использованной планеты», что она является своего рода «квазирелигиозной формой космизма», и ничего не решая, только «поощряет игнорирование земных, экологических и даже телесных ограничений»²¹⁵. Такие ограничения, безусловно, необходимы. А «космическая Одиссея» все же неизбежна: «человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет»²¹⁶. Но возможно это лишь при условии, что человеческая цивилизация превратится в пределах Земли в *действительное*

²¹² Баландин Р.К. Ноосфера или техносфера. Вопросы философии. 2005. № 6. С. 107-116.

²¹³ Циолковский К. Промышленное освоение космоса. М., 1989.

²¹⁴ Баландин Р.К. Ноосфера или техносфера. Вопросы философии. 2005. № 6. С. 107-116.

²¹⁵ Sideris Lisa H. Biosphere, Noosphere, and the Anthropocene: Earth's Perilous Prospects in a Cosmic Context. Journal for the study of religion, nature and culture, Vol 11, No 4 (2017), p. 399-419.

²¹⁶ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html>

целостное сообщество, опирающееся на максимальное использование совершенно необходимых для такого гигантского свершения достижений своих ноосферы и техносферы.

И это, безусловно, будет происходить под влиянием законов общественного развития. Первым шагом в данном направлении является современный кризис капитализма. В общем-то о том, что капитализм переживает кризис, сегодня не говорит только ленивый. Прошло то время, когда Запад самодовольно считал, что мир фактически достиг состояния своей идеальной организации, что никакие принципиальные изменения в ней и невозможны, и не нужны. Если и есть какие-то «сучки и задоринки», то их просто нужно шлифовать, ничего принципиально не меняя. Венцом банальности здесь стала получившая довольно широкую известность работа Ф. Фукуямы²¹⁷. Но мировые события последнего времени явственно демонстрируют, что мир фактически находится только в начале кардинальных перемен. Даже самые стойкие сторонники капитализма признают, что современная его «модель» оказалась несостоятельной. А новой-то «модели» организации общества никто не предлагает. Не предлагает на серьезном теоретическом уровне. Вот доморощенных «моделей» тех хоть пруд пруди. Однако все они не выдерживают никакой критики.

А что касается роли в этом процессе общественного разделения труда, то она фактически не рассматривается. Хотя существуют и исключения, к которым следует отнести работу М. Хазина «Воспоминание о будущем»²¹⁸. Автор вообще считает такое явление как разделение труда едва ли не главной движущей силой истории. И сегодняшние (как и предыдущие) социально-экономические процессы он представляет следствием *углубления разделения труда* (то есть все более узкой его специализации – разделения горизонтального). С важной ролью этого явления нельзя не согласиться. Но автор ее сильно преувеличивает. Главное же, что он по сути дела игнорирует не только роль в этих процессах вертикального разделения труда (кооперации), но во многих случаях о роли кооперации труда и не вспоминает, что существенно снижает полноту анализа.

С точки зрения данного автора, углубление разделения труда, связанное с дроблением технологий и ростом количества появляющихся на рынке «частичных» (промежуточных) продуктов, увеличивает *степень риска* для их производителей, что компенсируется только *расширением рынка*. Поскольку при капитализме рынок достиг глобального масштаба, то это кладет также предел данному общественно-экономическому строю. Но почему-то не учитывается роль капитализма в *кооперации* труда, когда «на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда»²¹⁹. Гигантские многопрофильные транснациональные корпорации вполне успешно противостоят упомянутому «углублению». В них

²¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 1992.

²¹⁸ Хазин М. Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики. Изд 2-е. М., 2020.

²¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 51.

совокупность труда определяется волей собственников средств производства, а не общественными отношениями между его участниками. Обмен (и соответствующие общественные отношения) имеет место только между указанными собственниками и владельцами рабочей силы, купив которую собственники средств производства просто употребляют ее по собственному усмотрению, а на рынок уже выходят сами с готовой продукцией, игнорируя всякое там «углубление разделения труда». Однако вернемся все же к «моделям» «посткапитализма».

В указанной работе М. Хазин все же вполне справедливо замечает, что «момент конца капитализма близок, и избежать обсуждения того, что может быть после него, совершенно невозможно». При этом «главная проблема (которая пока ни в книге, ни в современной жизни не обсуждалась): какой будет новая модель развития». По его (вполне разделяемому и нами) мнению, прежде всего «для выхода из кризиса категорически необходимо отказаться от модели, парадигмы капиталистического развития. Она себя исчерпала»²²⁰. Ну, а какую же «модель» следует принять? Автор вроде бы, по его словам, как раз и «попытался найти направление посткризисного развития, той парадигмы, которая может прийти на смену капиталистической модели развития». И которая будет «свободна от тех проблем, которые неминуемо ограничивают срок существования классического [sic!] капитализма». Он решил «придумать альтернативную конструкцию, которая сможет сопротивляться капиталистической модели».

И действительно придумал – некую «солидарную систему накопления капитала». К сожалению, не особо удачно, поскольку получилось нечто не очень понятное, но весьма напоминающее мелкобуржуазный «кооперативный социализм», хотя и в нарядной упаковке экономической терминологии. А кроме «упаковки», новизна фактически ограничивается лишь предположением, «что следующий период развития человечества, который придет на смену научно-техническому прогрессу, получит название социально-технический прогресс». В соответствии с какими законами развития общества возникнет «социальный» компонент прогресса автор не раскрывает. Однако надо отдать ему должное: он все же намерен в будущем попробовать (!) решить вопрос о «той хозяйственной модели, которая не просто придет на смену современной, построенной на финансовом стимулировании спроса, но и будет совместима с новой парадигмой развития»²²¹. Ну, что ж, говоря словами классиков, «подождем результатов таинственной пробы»...

При действительно настоятельной потребности в обсуждении того, что же последует за капитализмом, из него, тем не менее, стараются исключить не только обсуждение, но даже упоминание в качестве такой «модели» социализма, хотя он уже куда как убедительно доказал свою социально-экономическую эффективность. Но это официально. А неофициально в мире все больше нарастает интерес к социализму, вызывающий яростное

²²⁰ Хазин М. Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики. Изд 2-е. М., 2020. С. 107, 109.

²²¹ Там же, С. С. 112-113.

противодействие сторонников капитализма. Еще в 1949 г. А. Эйнштейн свою статью «Почему социализм?» закончил двумя тезисами: «Ясность в отношении целей и проблем социализма имеет величайшее значение в наше переходное время» и «В настоящее время свободное, без помех, обсуждение этих проблем находится под мощным табу»²²². Процессы переходного времени продолжают набирать обороты, но положение, отмеченное Эйнштейном, пока не меняется. Потребность в обсуждении даже возрастает, а «мощное табу» на связанные с социализмом вопросы как было, так и остается. Однако кризис международного (глобального) разделения труда, а с ним и кризис базирующегося на нем капитализма как общественно-экономической формации, все же неизбежно потребуют серьезного рассмотрения социалистической перспективы для всего человечества.

Социализм часто отождествляют с плановой экономикой. Но, как верно заметил А. Эйнштейн, «необходимо помнить, однако, что плановая экономика это еще не социализм». А что социализм? Невероятное количество копий сломано даже его вроде бы приверженцами в спорах о том, что ж это такое – социализм? Был ли он в СССР (а если был, то какой), есть ли он сегодня в Китае и т. д., и т. п. А может быть, никакого социализма вообще-то не было и нет, а за него выдается какой-то подвид капитализма? Хотя здесь-то как раз на самом деле все просто: социалистическая система производства работает на удовлетворение *потребностей населения*, тогда как капиталистическая – на его *платежеспособный спрос*. Всего-то²²³. А вот как и почему она так работает – это уже вопрос теории и практики. Вследствие отсутствия сегодня общепризнанной теории социализма²²⁴, оставим эти вопросы, требующие особого рассмотрения, в стороне.

Для нас здесь важно то, что, как показала практика, именно социализм как переходная формация позволяет постепенно осуществить *упразднение* частной собственности на средства производства, что по мере обобществления последних настоятельно требуется как развитием современных технологий, так и предполагающимся ими общественным разделением труда. Выше мы рассмотрели некоторые особенности социализма как социально-экономической системы. Но в сравнении с другими общественно-экономическими формациями, уже прошедшими основные этапы становления, развития и элиминации, социализм своего пути пока не прошел. Если иметь в виду *советский* социализм, то, как отмечалось выше, он реализовал только два этапа своего существования, поскольку переход к третьему ему осуществить не удалось – слишком сильным оказалось давление всемирного империализма. И ему, несомненно, еще предстоит его пройти. Но что это будет за этап, мы можем только *предполагать*, опираясь на имеющийся опыт и некоторые

²²² Эйнштейн А. Почему социализм? <https://knigogid.ru/books/399592-pochemu-socializm/toread/page-7>

²²³ Впрочем, к слову еще одно замечание – в связи с научно-техническим прогрессом, ведущем, в частности, к замене во все возрастающем количестве функций выполнявших их работников машинами. Ставших «лишними» капитализм обрекает на безработицу, а социализм расширяет производство (вспомним цитированные выше слова М. Тетчер о том, что темпы роста в СССР вдвое превышали западные).

²²⁴ Ряд вопросов, связанных с теорией социализма, нами рассмотрен в работе: *Гриффен Л.А. Социализм. Некоторые вопросы теории*. К., 1998.

предварительные соображения. В частности, на соображения, высказанные Лениным в его статье «О кооперации».

Эта статья важна, прежде всего, тем, что, по мнению самого Ленина, она действительно представляла «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»²²⁵. В ней впервые в марксистской литературе в качестве базового экономического образования нового общества фактически признается отдельный *коллектив* – в виде кооперации. Но кооперации социалистической, при *обязательной* интегрирующей роли государства – через *владение* им средствами производства. Ленин прекрасно понимал и неоднократно подчеркивал, что «кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением»²²⁶. Тем не менее он считал, что из этого положения все же имеется выход: «А выход один – слияние кооперации с Советской властью»²²⁷, при которой *производственный коллектив* становится составляющей *структурной частью* социалистического общества. Именно в этом смысле Ленин последовательно развивает взгляды на кооперацию основателей марксизма – но уже на основе полученного опыта социалистического строительства с учетом реального формирования *новых*, ранее не существовавших социальных образований – *коллективов*.

Последнее представляет собой важнейший, принципиальный момент, именно «коренным образом» отличающий точку зрения Ленина, в том числе и от «мечтаний» многочисленных прошлых и нынешних сторонников «кооперативного социализма». Поскольку здесь будет иметь место совсем иной вид *общественного разделения труда*. Надо полагать, для этого этапа, как и для предыдущих этапов социализма, характерным явится не некая «коллективная собственность», а *расщепление* отношений собственности по владению, распоряжению и пользованию. На третьем этапе реализация отношений собственности скорее всего будет осуществляться через *государственное владение, общенародное пользование и коллективное распоряжение* средствами производства. Самой характерной особенностью грядущего социализма будет его существенная демократизация с усилением экономической роли *трудовых коллективов* при одновременном сохранении и укреплении экономической и социальной целостности общества – в их диалектическом единстве. Именно трудовой коллектив станет *главным элементом* производственных отношений. Через демократически сформированный совет трудового коллектива он будет *распоряжаться* средствами производства предприятия, находящимися в его полном хозяйственном ведении – но не владении. Владеть ими будет государство через систему Советов.

Вот такой «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства... – это и есть строй социализма»²²⁸, точнее, его предстоящего – и завершающего – этапа. Максимальная самостоятельность предприятий, трудовые коллективы которых

²²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 45. С. 376.

²²⁶ Там же. – С. 374.

²²⁷ Там же, 37. с.351.

²²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 45. С. 373.

распоряжаются средствами производства, при интегрирующей роли являющегося их *владельцем* социалистического государства в лице иерархической системы демократически избранных Советов, обеспечивающих общенародное *пользование* ими, – такой представляется основа производственных отношений еще предстоящего *третьего* этапа «нашего» социализма. Разумеется, в других странах социализм и на этом этапе будет иметь свои специфические особенности, но принцип, по-видимому, будет тот же. Скажем, в Китае уже давно считают своей «принципиальной основой – коллективизм»²²⁹. Главным структурным элементом этого нового общества будут *коллективы*, которые путем развития и интеграции в конечном счете превратятся в *единое общество-человечество* с полным отсутствием какой-либо *стратификации*, как, соответственно, и любого *общественного разделения труда*.

Можем ли мы сегодня высказать какие-то более-менее обоснованные предположения относительно того, что будет представлять собой это общество? И нужно ли их высказывать? Но наука на то и существует, чтобы на основе понимания законов развития любого своего объекта, базирующегося на анализе его прошлого движения, высказать обоснованные *предположения* относительно его дальнейшего развития, что помогает сформулировать *задачи* по его достижению. Касается это и такого сложного объекта, как общество. Причем в данном случае такое «забегание вперед» имеет и эмоциональное значение в связи с его ролью в формировании *стимулов* деятельности людей. Говоря о необходимости мечтать²³⁰, Ленин ссылаясь на слова Д. Писарева: «Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом [т. е. когда «мечта может обгонять естественный ход событий»], если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, – тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставила бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни»²³¹.

Но такие мечтания не должны быть беспочвенными. В их основании должен лежать научный анализ движения общества, базирующийся на *материалистическом понимании истории*. И пример такого анализа дал сам автор данного научного метода. Как мы пытались здесь показать, общество является биологической системой высшего порядка, существование и развитие которой в окружающей среде прямо и непосредственно зависит от взаимодействия между ними, реализуемого в *производственном процессе*. Соответственно и наше представление о будущем обществе, прежде всего, должно исходить из представлений об особенностях именно производственного процесса, осуществляющегося этим обществом. И чтобы его представить себе

²²⁹ Цзян Цземинь. Доклад на XV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (12 сентября 1997 года). Коммунист. 1998. № 2. С. 36.

²³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 6. С. 171.

²³¹ Писарев Д.И. Соч., Т. 3. М., 1956. С. 148.

возможно более наглядно, опять же обратимся к Марксу. А Маркс писал, что в будущем в результате развития производительных сил производственный процесс станет процессом *природным*. Природный же процесс никак не регламентируется со стороны, как бы никем не направляется, но на самом деле определяется функционированием *каждого* из его участников, осуществляясь, тем не менее, в конечном счете в соответствии с *законами природы*. Достигаться же это применительно к производственному процессу будет *всеобщим* взаимодействием общества с *природным окружением*, реализуемым через *непосредственное* взаимодействие ноосферы как *целого* с техносферой как *целым*.

По мнению Маркса, уже при капитализме по мере развития производительных сил происходит изменение роли *количества затраченного труда* работников как *решающего фактора производства богатства*. Что неизбежно приводит к противоречию. Капитал, «с одной стороны, стремится свести рабочее время к минимуму, а, с другой стороны, делает рабочее время единственной мерой и источником богатства. Поэтому капитал сокращает рабочее время в форме необходимого рабочего времени, чтобы увеличивать его в форме избыточного рабочего времени», для чего «вызывает к жизни все силы науки и природы»²³². Однако обязательной предпосылкой для этого «является и продолжает оставаться масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства. Но по мере развития крупной промышленности создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным (!) рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего (!) уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству».

Маркс неоднократно отмечал, что наука все больше становится «непосредственной производительной силой». Наука, как и предшествовавшие ей формы общественного сознания, в конечном счете с самого их становления в той или иной форме являлась частью производительных сил, но на протяжении длительного времени это главным образом *опосредованно* сказывалось на них через *общий интеллектуальный уровень* производителей (как предметов потребления, так и средств производства). Но у Маркса речь идет именно о «непосредственной» роли науки в производственном процессе, что осуществляется во все большем «овеществлении» науки в технологических процессах, в ее «материализации» в средствах производства. Благодаря этому «действительное богатство предстает теперь ... скорее в виде чудовищной диспропорции между затраченным рабочим временем и его продуктом, точно так же как и в виде качественной диспропорции между сведенным к простой абстракции трудом и мощью того производственного процесса, за которым этот

²³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. 2. С. 214.

труд надзирает».

А это принципиально меняет сам *характер труда*. «Во всех формациях на определенных стадиях их развития происходила техническая революция, выражающаяся в передаче технике новых производственных функций, исполняемых ранее исключительно человеком»²³³. И этот процесс стремительно нарастает. А главное, что он все больше включает передачу техническим системам не только материальных (механических и энергетических) функций, но и функций по получению и переработке информации. Но и у человека в ряде случаев «труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. ... Теперь рабочий уже не помещает в качестве промежуточного звена между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того, чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом [sic!] с ним». А это, в свою очередь, приводит к тому, что принципиально меняется также и *характер производства богатства*, поскольку теперь «в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим (!) человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей (!) производительной силы, его понимание (!) природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма (!), одним словом – развитие общественного индивида»²³⁴.

Таким образом, в качестве средств производства («*всеобщей производительной силы*») – как непосредственно вещных, так и опосредованно личностных ее составляющих) здесь уже выступает некий целостный «природный процесс», преобразованный обществом за счет «*понимания природы* и господства над ней ... в качестве общественного организма» – *извне данного конкретного процесса* – в «производственный процесс». В его результате создаются потребительные стоимости, но «рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства», а следовательно, становится невозможной и «*кража чужого рабочего времени, на котором зиждется современное богатство*»²³⁵ (выделено Марксом – Л.Г.). При отсутствии конкретных работников в данном производственном процессе капиталисту становится *просто некого эксплуатировать*, поскольку «*непосредственный труд* как таковой перестает быть базисом производства, потому что, с одной стороны, он превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию, а затем также и потому, что продукт перестает быть продуктом единичного (!!!) непосредственного труда и в качестве производителя

²³³ Кузин А.А. Специфика истории техники как предмета исследования. Актуальные вопросы истории техники.

Под ред. Григоряна Г.Г., Кузина А.А. М., 1990. С. 12.

²³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26. Ч. 2. С. 213.

²³⁵ Там же. С. 214.

выступает, скорее, *комбинация (!!!) общественной деятельности*²³⁶. При указанном раскладе *частная собственность* на средства производства теряет любой реальный смысл и ей просто не остается места.

Таким образом, превращение производства в «природный процесс» неизбежно предполагает его *обобществление* не в переносном, а в самом прямом смысле. Но пока наука,двигаемая учеными, как «производительная сила» занимается своим «овеществлением», само производство, даже превращенное в определенной мере в «природный процесс», все же требует непосредственного участия практического *работника*, даже если он стоит «рядом с ним». Другими словами, общественное разделение труда, даже существенно изменившееся по форме, по существу все еще сохраняется на протяжении определенного переходного периода. И без этого переходного периода, в процессе которого должно произойти своеобразное «сращивание» интеллектуального («когнитивного») труда, опосредованно влияющего на производство, с непосредственным управлением процессом (трудом «ручным»). По отношению к производству как «природному процессу» произойдет *деперсонализация* как «умственного», так и «физического» труда, а следовательно, и *полное упразднение общественного разделения труда*. Понятно, что практическая реализация такого переходного общественного состояния требует особого, переходного состояния общества между капитализмом и коммунизмом, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция, и который получил наименование *социализма*.

Заметим, что с того времени, как Маркс представил свой прогноз качественного скачка в развитии производительных сил, прошло полтора столетия. И можно только поражаться его гениальному предвидению тогда, когда трудно было себе представить, что когда-нибудь не останется необходимости вообще даже выделять рабочее время на «наблюдение и регулирование» – ибо эти функции также будут переданы соответствующим техническим системам, *полностью исключая* непосредственное вмешательство человека в производственные процессы, и оставляя за ним лишь то, что никогда и ни при каких условиях техническим устройствам (как не имеющим *собственной воли к жизни*) передано быть не может – *целеполагание и инновацию*. А последние будут иметь *всеобщий характер* и базироваться на *научной и творческой деятельности как естественных формах жизни* общественного человека (любого конкретного индивида), для которого сами по себе они станут не столько даже производительным трудом, сколько *образом жизни*, главным способом удовлетворения его *общественных потребностей*.

С нашей *сегодняшней* точки зрения реально это может выглядеть так. Благодаря всеобщим информационным взаимосвязям, которые совместно с людьми с их индивидуальными сознаниями и всеобщими же системами хранения и переработки информации и составляют ноосферу, т. е. *актуально функционирующее глобальное общественное сознание*, от которого каждый

²³⁶ Там же. С. 218.

человек сможет *получить* любую желаемую информацию и *внести* в общую систему любую информацию по собственному усмотрению. Сформированный в результате постоянной переработки общественным сознанием всей полученной как от индивидов, так и извне информации «общественный заказ» производству от ноосферы будет *непосредственно* доноситься до техносферы как *всеобщей системы локальных самоуправляющихся технических подсистем*. И он будет (уже без непосредственного вмешательства людей) исполняться последней путем автоматизированного производства для общества всех необходимых ему предметов потребления, а также «для себя» средств производства, обеспечивающих функционирование и дальнейшее развитие как техносферы, так и ноосферы.

Другими словами, исходный управляющий импульс будет исходить от *каждого* отдельного индивида, свободно пожелавшего принять участие в данном всеобщем или конкретном процессе. Но реализоваться он будет не прямо, а через ноосферу с учетом накопленных знаний и мнений *других людей*, которые постоянно аккумулируются и обрабатываются *общественным сознанием*, становясь, таким образом, совокупной волей *всего человечества*: такое общественное состояние «предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения»²³⁷. Эта «всеобщая воля» общества и станет исполняться его техносферой во взаимодействии с окружающей средой. Поэтому производственный процесс, который будет по своей сути представлять собой процесс между окружающей природой *в целом* и ее отдельной, весьма специфической, но органической *частью* – обществом как *целостным сверхорганизмом*, существующим в данной среде, т. е. в прямом смысле слова будет являться *процессом природным*.

Крупные буржуазные ученые, признающие прогресс человечества, в том числе и в материальном обеспечении людей, как, например, уже упоминавшийся Дж. Кейнс, иногда задавались вопросом: а что же будет, когда «экономическая проблема, борьба за существование», которая «до настоящего времени была основной, самой насущной проблемой человечества – и не только человечества, но и всего живого, вплоть до начальных, простейших форм жизни»²³⁸, будет решена. Кейнс считал, что тогда «впервые со дня сотворения человек столкнется с реальной всеобщей проблемой: как использовать свою свободу от насущных экономических нужд, чем занять досуг, обеспеченный силами науки и сложного процента (имеется в виду накопление – Л.Г.), чтобы прожить свою жизнь правильно, разумно и в согласии с самим собой? ... Для обычного человека, не обладающего (!) особыми способностями, найти себе занятие крайне сложно ... для получения удовольствия каждому из нас придется (!) хоть немного работать» (хотя вполне справедливо отмечает, что если экономическая целесообразность потеряет смысл по отношению к самому себе, «то это еще не значит, что она потеряет

²³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, С. 34.

²³⁸ Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков. Вопросы экономики. №6. 2009. С. 64.

смысл в отношении ко всем остальным»²³⁹; но то уже, видимо, не забота отдельного индивида).

Попытаемся посмотреть на вопрос с несколько иной точки зрения и хотя бы в общих чертах представить себе каждого *индивида* в отдельности и *общество* будущего как целое. Их формирование будет происходить под воздействием общественного сознания, воплощенного в ноосфере общества. Возможность свободного выбора и смены профессии. Свободное и непосредственное внесение каждым индивидом своего вклада в ноосферу общества. Всестороннее развитие личности, раскрытие всех ее возможностей. А они – при обеспечении необходимых условий их развития и реализации – огромны у каждого. Тут Кейнс ошибался: в принципе *неталантливых людей не бывает*, вопрос только в условиях формирования и раскрытия их талантов. Этому будет служить вся система общественных отношений, а в частности – соответствующее воспитание и образование. Важнейшая роль в воспитании каждого индивида и их сплочении в единое целое будет принадлежать искусству – как личному, так и коллективному. В *каждом* человеке, а не только в избранных, пробудится художник. В классовом обществе «исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда». Развитие таланта «целиком зависит от спроса, который, в свою очередь, зависит от разделения труда»²⁴⁰. Упразднение разделения труда (да еще и при колоссальном развитии *технических* возможностей для творчества и общения) приведет не только к *массовому занятию* искусством, но и к расцвету таких его, в том числе и *массовых*, форм, которых мы сейчас не можем себе даже вообразить. Художниками будут все – и никто. Поскольку в таком «обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности»²⁴¹, равно как и другими видами искусства. И не только искусства, а множеством других дел, преимущественно связанных с самосовершенствованием и общением.

Но в полной мере это произойдет только после *завершения* эры *общественного разделения труда*. Не в том, разумеется, смысле, что все будут заниматься одним и тем же, но в том, что «разделяться» будут только *виды занятий*, а не люди с их положением в обществе. Ибо все они, независимо от избранного поприща, будут «получать задание» (сами свободно его выбирая и сменяя в любой момент в зависимости от желания) от одного и того же всеобщего общественного сознания (ноосферы), и «сдавать» свою «продукцию» туда же – внося ее все в то же всеобщее общественное сознание (от него же получая и общественную оценку своего труда).

Можно сказать, что этим заканчивается то, что Маркс называл «предысторией человечества». Полностью завершается совершавшийся на протяжении этого периода интеграционный процесс формирования *глобального общественного организма* в глобальной же (а далее и в космической)

²³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, С. 65, 67.

²⁴⁰ Там же, С. 392.

²⁴¹ Там же, С. 393.

окружающей среде. Но конец предыстории – не конец истории; наоборот, здесь подлинная история человечества *только начнется*. И будут ли, вслед за классиками марксизма, называть это состояние общества *коммунизмом*, или будет найдено какое-то другое наименование – не существенно. Важно только, что лишь в этом состоянии общество охватит *все* человечество как *единое целое*, в своей всеобщей целостности противостоящее среде своего существования, а человек как личность наконец-то обретет возможность *истинно человеческой жизни*.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
НАУКОВЕ ВИДАННЯ

МОНОГРАФИЯ
МОНОГРАФІЯ

**НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО
СВЯЗЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**
*ВІДСУТНЯ ЛАНКА
ЗВ'ЯЗОК ПРОДУКТИВНИХ СИЛ ТА ВИРОБНИЧИХ ВІДНОСИН*

Гриффен Леонид Александрович
Гріффен Леонід Олександрович

ИЗДАНО В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ
ВИДАНО У АВТОРСЬКІЙ РЕДАКЦІЇ

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 8,5
Тираж 500 пр. Зам. №тмua1-23.
Підписано до друку 01.01.2023

Издано / Видано:
КУПРІЄНКО СЕРГІЙ ВАСИЛЬОВИЧ
e-mail: orgcom@sworld.education
www.sworld.education
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК-4298

Цифровая друкарня "Сору-Art"
ФОП Москвін А.А., м. Запоріжжя

